



МАТЕРИАЛЫ XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИННОВАЦИИ В НАУКЕ

Часть II

Новосибирск, 2012 г.

УДК 08
ББК 94
И66

И66 «Инновации в науке»: материалы XIV международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (19 ноября 2012 г.); Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. — 168 с.

ISBN 978-5-4379-0167-0

Сборник трудов XIV международной заочной научно-практической конференции «Инновации в науке» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, специалистам в области инноваций и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ISBN 978-5-4379-0167-0

ББК 94

Редакционная коллегия:

Рецензенты:

- канд. юрид. наук Андреева Любовь Александровна;
- канд. филол. наук Бердникова Анна Геннадьевна;
- канд. мед. наук Волков Владимир Петрович;
- канд. психол. наук Красовская Наталия Рудольфовна;
- канд. пед. наук Ле-ван Татьяна Николаевна;
- канд. экон. наук Леонидова Галина Валентиновна;
- д-р искусствоведения Мышьякова Наталия Михайловна;
- бизнес-консультант Наконечный Дмитрий Иванович;
- канд. техн. наук Полонский Яков Аркадьевич;
- канд. ист. наук Прошин Денис Владимирович;
- д-р мед. наук, профессор Стратулат Петр Михайлович;
- д-р филол. наук Труфанова Ирина Владимировна;
- канд. биол. наук Харченко Виктория Евгеньевна;
- канд. пед. наук Якушева Светлана Дмитриевна.

© НП «СибАК», 2012 г.

Оглавление

Секция 5. Гуманитарные науки	6
СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ Демидова Марина Владимировна	6
БАЗА ДАННЫХ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Дженакова Екатерина Всеволодовна Корчемкина Ольга Анатольевна	16
ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ МОРФЕМИКЕ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ Козлова Марина Михайловна	23
ОБЫЧАЙ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА Козлова Валерия Николаевна	33
ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Кочеваткина Элина Фаритовна	40
К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ В СИСТЕМЕ ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Кременицкая Серафима Петровна	54
РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ Латыпова Хатира Шамильевна	58
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫМИ ПОТОКАМИ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ Макаренко Сергей Александрович	64
МОТИВАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ Морозова Ольга Васильевна	72

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ГАЯЗА ИСХАКИ «НИЩЕНКА» Никишина Светлана Раданисовна	78
АНАЛИЗ УРОВНЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КАК ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА) Сафиуллин Марат Рашитович Шакирова Алина Ильдаровна Ельшин Леонид Алексеевич	88
АНАЛИЗ СУБСИДИЙ И ЛЬГОТ ПО ОПЛАТЕ УСЛУГ ЖКХ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ПОДОБИЯ Сахабетдинов Минзакир Абдулович	97
РОЛЬ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ Стафеева Юлия Александровна Змановский Никита Сергеевич Селиванова Ольга Антиевна	105
СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ Федоров Владимир Николаевич	112
РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАЛЛИГРАММ Чвалун Роза Владимировна	119
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ Черкасов Михаил Николаевич	124
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Шарина Сардана Ивановна	130
Секция 6. Медицинские науки	137
ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВРОЖДЕННЫХ ПОРОКОВ РАЗВИТИЯ КОСТНО- МЫШЕЧНОЙ СИСТЕМЫ У НОВОРОЖДЕННЫХ ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ Пишак Василий Павлович Ризничук Марьяна Александровна	137

ПРИМЕНЕНИЕ ФОКУСИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ В КАРДИОЛОГИИ КАК МЕТОДА, ПОЗВОЛЯЮЩЕГО ОЦЕНИТЬ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ К ТЕРАПИИ Семенова Ольга Николаевна Наумова Елизавета Александровна	146
КЛИНИКО-ПАТОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВОДОРАСТВОРИМЫХ ФОРМ КВЕРЦЕТИНА В КОМПЛЕКСНОМ ЛЕЧЕНИИ БОЛЬНЫХ ОТЕЧНОЙ ФОРМОЙ ОСТРОГО ПАНКРЕАТИТА Шидловский Виктор Александрович Черномидз Андрей Васильевич	159

СЕКЦИЯ 5.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Демидова Марина Владимировна

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии
Поволжского института управления им. П.А. Столыпина —
филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ, г. Саратов
E-mail: demidovamv@rambler.ru*

SYMBOLIC POWER AND RULING ELITE: SOCIAL PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Marina Demidova

*Candidate of Science, Assistant professor of Stolypin Volga Region Institute
of Administration Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Saratov*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен сопоставительный социально-философский анализ понятий «символическая власть» и «правлящая элита». Анализ проведён на основе современных социальных, философских и политических представлений о власти. В числе основных из них — идеи Э. Кассирера и П. Бурдьё. Автором предложены варианты снятия противоречий между современной правящей элитой и оппозицией на основе коммуникативных и законодательных техник.

ABSTRACT

In the article comparative social philosophical analysis of the concepts “symbolic power” and “ruling elite” is presented. The analysis was carried out on the basis of the modern social, philosophical and political perception of power. The key ideas belong to E. Cassirer and P. Bourdieu. The author

suggests the variants of making the relationship between the modern ruling elite and opposition free from contradictions with the help of the communicative and legislative techniques.

Ключевые слова: власть; символ; символическая власть; правящая элита; Э. Кассирер; П. Бурдьё.

Keywords: power; symbol; symbolic power; ruling elite; E. Cassirer; P. Bourdieu.

Вопросы, связанные с сущностью и функционированием власти, возникали со времени зарождения общества, усложнение которого на протяжении истории приводило и к новым более сложным её интерпретациям. Конец XX века часто характеризуется исследователями как время глобализации общества, которая стала возможной с появлением новых информационных технологий. В связи с чем осмысление понятия «власть» в глобальном пространстве — одна из сложнейших задач современности. В данном исследовании представлен сопоставительный социо-философский анализ таких новых для XX и XXI вв. понятий как «символическая власть» и «правящая элита». Сначала определимся с их значениями.

«**Правящая элита**». *Этимологически* понятие «элита» ведёт своё происхождение от латинского *eligere* — выбирать. Означает лучших представителей какой-либо части общества, группировки [14, с. 944]. «Правящий» — находящийся у власти, осуществляющий власть в государстве [14, с. 455]. Таким образом, понятие «правящая элита», согласно его этимологии, означает «лучшие представители общества, находящиеся у власти, осуществляющие власть в государстве».

Различные *дисциплинарные интерпретации* рассматриваемого понятия представлены и изучаются в рамках современного научного направления «элитология» как комплексного междисциплинарного знания о социальной дифференциации и стратификации.

Впервые понятие «элита» было введено в социологию итальянским учёным В. Парето (1848—1923 гг.), определявшим это понятие как правящее меньшинство любой социальной системы, состоящее из самых лучших и квалифицированных его представителей, имеющих превосходство в развитии интеллектуальных и других способностей, занимающих высокое положение в обществе соответственно степени своего влияния и могущества. В. Парето разделял элиту на правящую и неправящую. Под «правящей элитой» понимал политическую элиту, под «неправящей» — не имеющую доступа к осуществлению управления [15, с. 25—50].

Существует большое количество других теорий элиты: властвующие (правящие) элиты как политически наиболее влиятельные группы общества (Г.Д. Лассуэлл) [24, с. 35], элита — высшее звено администрации (Д. Бернхэм) [21, с. 22], элита — высший слой в любой системе социальной стратификации, занимающий властные позиции, контролирующей большую часть собственности и имеющий наивысший престиж (Г.К. Ашин) [2, с. 47] и другие определения. Г.К. Ашин различает в политической элите: *правящую элиту* как находящуюся у власти в рамках данной политической системы и *оппозиционную* как «системную оппозицию, борющуюся за власть в рамках данной политической системы» [2, с. 46—56].

На наш взгляд, общее смысловое ядро понятия «правящая элита» — *субъект развития, осуществляющий властные функции*. Одна из главных характеристик правящей элиты — *власть*. Поэтому обратимся к исследованию понятия «власть» и его современного инварианта — «символической власти».

Для того, чтобы понять, что такое «**символическая власть**» нужно определиться с понятиями «власть» и «символ».

При изучении этимологии понятия «**власть**» наиболее распространённым среди исследователей является обращение к греческим, латинским и славянским корням. Греческая интерпретация данного понятия характеризует его как «управление». Латинская — как способность, обладание силой для осуществления кокой-либо деятельности. Славянская концентрируется на двух аспектах: владеть (хозяйничать) и ладить (устраивать жизнь).

Исследования феномена власти исторически проводились на разных уровнях её функционирования в обществе — экономическом, политическом, религиозном, культурном, семейном и других. Поэтому определений данного понятия — множество, их различия — в характеристике дисциплинарного исследовательского поля.

Аристотель характеризовал власть как свойство любой сложной системы: «всё, что состоит из нескольких частей, имеет властвующий элемент и подчинённый элемент» [1, с. 375—44. 1254A]. Т. Гоббс считал власть средством достичь блага в будущем, а саму жизнь — вечным и неустанным стремлением к власти [7, с. 63]. Согласно М. Веберу, власть — это вероятность того, что актер будет в состоянии реализовать свою волю в социальном отношении вопреки сопротивлению, независимо от того, на чём эта вероятность основывается [28, с. 152]. Наш современник П. Моррис в своей книге «Власть: философский анализ», исследовав множество теорий власти, определил её как «разновидность способности»: «ваши власти —

это ваши способности делать то, что вы выбрали» [25, с. 48]. Г.Д. Лассуэл и А.К. Каплан называют «властью» процесс влияния на деятельность других людей с помощью использования (или угрозы использования) строгих мер в случае неповиновения [24, с. 76].

Как видим, относительно небольшое количество приведённых нами определений понятия «власть» свидетельствуют об исторической эволюции политических, социальных, культурных, профессиональных и других властных отношений.

Можем выделить основные смысловые аспекты данного понятия: сила, средство для достижения каких-либо целей, развитая способность, регулятор общественных отношений, вид влияния.

«Символ». В религиозных трактовках символ — знак-посредник между человеком и Абсолютной реальностью [9, с. 10], согласно З. Фрейду, символ — это трансформация желания [19, с. 50], в семиотике — это знак, который указывает на общее содержание предмета [12, с. 23]. Есть и другие определения понятия «символ».

Мы можем определить понятие «символ» как идеальный смысл, вкладываемый интерпретатором в понимание чего-либо, понятие «знак» как материализованный символ, воплощённый в словах, жестах, вещах. В любом случае символ всегда информативен.

Первое упоминание понятия «символическая власть» приписывается исследователями французскому социологу и философу XX века Пьеру Бурдьё (1930—2002 гг.) [5, с. 87—96]. Однако, мы считаем, что и хронологически, и в смысловой разработке данного понятия, а также в попытке соотнесения «символической власти» с «правлящей элитой» «пальма первенства» принадлежит немецкому философу-неокантианцу *Эрнсту Кассиреру* (1874—1945 гг.), создателю «Философии символических форм» (1923—1929 гг.), логическим продолжением и заключением которой стала работа «Миф государства» (1945 г.) [22], написанная автором во время эмиграции из нацистской Германии в Америку. В данной работе Э. Кассирер, анализируя политические мифы, признаёт социальную функцию мифа как символической формы и приходит к выводу о том, что политический миф представляет собой искусственную конструкцию и технологию власти. Это единственное и фундаментальное исследование Э. Кассирером политики представляет собой рассмотрение природы мифа в качестве символической формы познания.

Считая, что все знания человек получает посредством символов [7, с. 23], и определяя миф (наряду с языком и наукой) как символическую форму человеческого познания, Э. Кассирер полагает, что в основе мифической культуры лежит система форм

созерцания и понятий, в которой опыт может быть упорядочен и вообще возможен. В «Мифе государства» данная символическая форма рассматривается им в качестве нового инструмента для контроля мыслей: «Новые политические мифы не вырастают свободно... Они искусственно созданы очень умелыми и хитрыми ремесленниками. Для XX века, великого технического века, было предreshено развить новую технику мифа. Теперь мифы могут создаваться в том же смысле и в соответствии с теми же методами, какие необходимы для любого другого современного оружия — как пулемёты или самолёты» [22, с. 282].

Э. Кассирер отмечает, что современные мифы могут быть осознанно созданными конкретным лицом или группой лиц, представляющих какую-либо политическую или иную силу и имеют целью намеренно продуцировать определённые иллюзии, идеи, создавать фиктивную реальность.

Самым распространённым мифом о власти Э. Кассирер считал миф государства, яркий пример которого — нацистский режим Германии времён Третьего Рейха, становление и закат которого философ наблюдал воочию. Суть тоталитарного нацистского государства, согласно Э. Кассиреру, — в унификации членов социума на основе этно-национальной принадлежности. Тоталитаризм представлялся ему как техническое сочетание мифических (образно-символических) способов мышления и социальной организации, как результат инструментализации политического разума.

Национал-социалистическая идеология, по мнению Э. Кассирера, неуязвима для рациональной критики, так как облечена в мифическую форму, в основе которой лежат обычаи, табу, предсказания, а не регулирование жизни с помощью законов. Именно в *регрессе религиозных и правовых понятий индивидуальной ответственности* виделась Э. Кассиреру стагнация в развитии общества. Достигается этот регресс с помощью четырёх техник политических мифов [10, с. 108—123].

Первая — манипуляция средствами языка, целью которой является социальное взаимодействие. Такая манипуляция в национальном масштабе требует владения техническими средствами коммуникации. Вторая техника — ритуализация действий, с помощью которой возможно достичь устранения границ между общественной и частной сферами жизни. По мнению Э. Кассирера, она применяется для того, чтобы «уничтожить чувство личной индивидуальной ответственности» [22, с. 284—285]. Третья техника — уничтожение всех идеальных ценностей с целью замены их конкретными образами

добра и зла. Для объединения членов общества выбирается единственная ценность, не признающая никаких других. В нацистской Германии это был миф о расе [22, с. 287]. Четвёртая техника предполагает использование мифической концепции «судьбы», политическая функция которой состоит в толковании событий предзаданными, предуготованными, а соответственно, не требующими использования демократических методик в управлении.

Все четыре техники, по мнению американского исследователя творчества Э. Кассирера Дж.М. Кройса, служат одной и той же цели: запрету на индивидуальное мышление и критическую дискуссию [23, с. 73]. В «Мифе государства» Э. Кассирер представил миф как некую символическую власть, как конструкцию, которую можно наполнить желаемым содержанием. По его мнению, цель политических мифов — изменение мировоззрения людей на такое, с помощью которого ими легче управлять [22, с. 286]. Э. Кассирер написал книгу о новой форме политики, которая представляет собой технику, продукт «нашего технического века» в том смысле, что она требует существования других техник, главным образом, средств массовой коммуникации» [23, с. 195]. В качестве противодействия символической власти политического мифа он видит развитие критического мышления и личной ответственности членов общества.

Нужно отметить, что идея изменения массового сознания как политической и социальной трансформации общества почти одновременно с Э. Кассирером прозвучала у британского историка, философа и культуролога А. Тойнби (1189—1975 гг.) [18, с. 250—300], а также немного позже и у французского философа-постструктуралиста Ролана Барта (1915—1980 гг.) — исследователя социо семиотических процессов. В своей работе «Мифологии» и других, разрабатывая вопросы соотношения языка и власти, он представил миф как особую коммуникативную систему современной культуры, реализующую себя в кино, рекламе, телевидении, посредством которых язык в качестве ключевого момента для социализации и власти способен изменить общество [3, с. 72—130].

Определив власть как «круг, центр которого находится повсюду и везде» [5, с. 88], современный французский философ П. Бурдьё называет «символическую власть» такой невидимой властью, «которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам её осуществляет» [5, с. 88]. Часто ссылаясь на идеи Э. Кассирера, П. Бурдьё считает, что тот охарактеризовал символическую форму как форму классификации. Исходя из этого, а также опираясь на социологические

размышления Э. Дюркгейма и лингвистические Ф. де Соссюра, П. Бурдьё определил «символические системы как средства познания и коммуникации, которые «могут осуществлять свою структурирующую власть лишь потому, что они структурированы. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок» [5, с. 89]. «Символы являются инструментами *par excellence* социальной интеграции: как инструменты познания и общения они делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира» [5, с. 91].

К числу символических систем П. Бурдьё относит и идеологические системы как средства господства, в которых воспроизводится структура поля социальных классов и которые служат частным интересам. Сила символических систем держится на том, «что отношения силы выражаются и проявляются в них только в преобразованном и неузнаваемом виде отношений смысла» [5, с. 95].

«Символическая власть» видится П. Бурдьё как «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир» [5, с. 95]. Всё это означает, считает П. Бурдьё, что символическая власть заключена не в «символических системах», а определяется «в процессе и посредством определённого отношения между теми, кто отправляет власть, и теми, кто её на себе испытывает, то есть самой структурой поля, где производится и воспроизводится вера. Символическая власть есть превращённая, то есть неузнаваемая, преображённая и легитимированная форма власти, подчинённая другим формам власти» [5, с. 95].

На основании всего вышесказанного может сложиться впечатление о том, что «символическая власть» наряду с основными формами власти — законодательной, судебной и исполнительной, — возможно, представляется в качестве технологии конструирования общественного сознания. Сегодня в эпоху развития информационного общества эта власть становится более активной. Но думаем, что она существовала всегда. На заре истории власть была сосредоточена в руках жрецов, обладавших сакральными знаниями и передававших их только избранным, впоследствии продолжавшим находиться у власти, благодаря наличию у них этих знаний. В конце европейского средневекового периода появились первые университеты, дальнейшее распространение которых в истории привело к более массовому повышению уровня образования и, как следствие, смене политических режимов. В частности, к увеличению демократических способов

организации общества как возможности для индивида участвовать во власти. И данные тенденции — как политическая, так и образовательная, — сохраняются.

В современном глобальном пространстве образовательные технологии стремительно меняются и совершенствуются. Вместе с ними совершенствуются технологии коммуникативные, т. е. информационные. Благодаря им, сегодня доступ к сакральным знаниям могут получить не только современные «жрецы» или другие власть имущие, но и оппозиционно настроенные организации, общественные объединения или, даже государства, используя символическо-мифотворческие технологии влияния на массовое сознание, что в условиях демократической организации общества особенно существенно. В качестве сугубо современного примера подобной борьбы могут быть названы информационные войны — как локальные, так и глобальные; как внутренние, так и внешние. По сути информационные войны — продукт мифотворческий. Среди современных мифов особенно распространены мифы политические и общественные, формируемые политиками и журналистами, мифы массовой культуры и общества потребления. Особенность современных мифов в том, что они распространяются посредством СМИ, которые часто маскируют мифологическую интерпретацию под информацию. А так как миф изначально — представление о чём-либо, то его определяющая функция — влияние на сознание в процессе формирования знаний. Целенаправленно сконструированный миф становится оружием манипулирования человеческим сознанием. Наша действительность — время безграничных возможностей мифотворчества, конструирования смыслов в том или ином социальном поле.

Как в такой ситуации действовать правящей элите в целях сохранения и укрепления своих позиций? На наш взгляд, так как для наиболее эффективного функционирования элите всегда необходимы ресурсы, а сегодня, в эпоху массовой информатизации и демократизации социума, а также изменения характера труда на более интеллектуальный, таковыми становятся ресурсы информационные и интеллектуальные, необходимо усилить контроль информационной и интеллектуальной организации жизни общества. Тем более, что настоящая демократия требует для своего функционирования высокого уровня интеллектуальной и политической культуры. А также учитывая тот факт, что интеллектуальная элита (представители науки) создаёт идеи как информационные ресурсы, которые становятся основой для функционирования информационной

элиты (представителей, занимающих властные позиции в информационных структурах, например СМИ). Интеллектуальная и информационная элиты образуют символическую элиту, имеющую соответствующую — символическую власть. Символическая элита может взаимодействовать с правящей элитой, отстаивая свои интересы, или, транслируя интересы элиты правящей, а может не взаимодействовать, если в обращении к правящей элите нет необходимости, или, если есть возможность самостоятельно проводить свои интересы и тем самым осуществлять свою власть.

Думаем, постоянный правовой контроль «символической власти» «правлящей элитой» позволит ей регулировать символические действия и сохранять властвующие функции.

Во избежание информационных конфликтов считаем необходимым предложить некоторые меры поддержания информационной национальной безопасности. Таковыми могут быть: 1) образование государственного и независимого международного комитетов, контролирующей объективность и достоверность представляемой в СМИ информации о государственных и международных событиях и процессах; 2) создание новых и совершенствование уже имеющихся соответствующих законодательных техник; 3) активное развитие образовательной системы, приоритетно ориентированной на новейшие научные достижения и на развитие самостоятельного критического мышления у граждан.

Предложенные нами варианты снятия противоречий между современной правящей элитой и оппозицией на основе коммуникативных и законодательных техник нацелены на совершенствование демократической организации общества.

Список литературы:

1. Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1984. С. 375—644.
2. Ашин Г.К. Наука об элитах и элитном // Власть. 2004. № 1. С. 46—56.
3. Барт Р. Мифологии. М., 2010. 312 с.
4. Беглов С.И. Четвёртая власть. Британская модель. М., 2002. 256 с.
5. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007. С. 87—96.
6. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. 478 с.
7. Демидова М.В. «Animal symbolicum» Э. Кассирера и научное знание XX века. Саратов. 2007. 108 с.

8. Демидова М.В. «Символический капитал»: социально-философский анализ // Социология, политология, философия и история в современном мире. Новосибирск, 2012. С. 64—70.
9. Захарян Т.Б. Сакральный символ в языке религии. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург. 2006. 25 с.
10. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1990, № 2. С. 58—65.
11. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. 384 с.
12. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., 2007. 432 с.
13. Мисюров Д.А. Между идеологией и символами // Полис. 1999, № 1. С. 168—175.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. 928 с.
15. Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2009. 512 с.
16. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999, № 5. С. 62—76.
17. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. М., 2012. 256 с.
18. Тойнби А. Постижение истории. М., 1990. 640 с.
19. Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2005. 680 с.
20. Штанько М.А. Проблемы конструирования политической реальности: символический аспект: Дис. ... канд. филос. наук. Томск. 2004. 157 с.
21. Burnham J. The Managerial Revolution. NY. 1941. 250 p.
22. Cassirer E. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 2008. 303 p.
23. Krois J.M. Cassirer: Symbolic Forms and History. YUP, 1987. 262 p.
24. Lasswell H.D., Kaplan A.K. Power and Society. New Haven: Yale University Press, 1950. 255 p.
25. Morriss P. Power: A Philosophical Analysis. Manchester: Manchester University Press, 1987. 374 p.
26. Pareto V. The Rise and Fall of Elites. An Application of Theoretical Sociology. New Brunswick-L., 1991. 517 p.
27. Parsons T. Power and the Social System // Power / ed. by Steven Lukes. Oxford: Blackwell, 1986. P. 96—143.
28. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York: Oxford University Press, 1947. 535 p.

**БАЗА ДАННЫХ
КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Дженакова Екатерина Всеволодовна
старший преподаватель, ФГБОУ ВПО «Уральская государственная
юридическая академия», г. Екатеринбург
E-mail: djencath@e1.ru

Корчемкина Ольга Анатольевна
преподаватель, ФГБОУ ВПО «Уральская государственная
юридическая академия», г. Екатеринбург
E-mail: olga-190786@yandex.ru

**DATEBASE AS AN INFORMATION RESOURCE:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION (LEGAL CONTROL)**

Dzhenakova Ekaterina
Senior lecturer, Ural State Law Academy, Ekaterinburg

Korchemkina Olga
Lecturer, Ural State Law Academy, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В статье представлена характеристика базы данных как информационного ресурса. Авторы рассматривают природу и структурные особенности электронных информационных ресурсов. Особый акцент сделан на проблемах правового регулирования формирования и использования баз данных.

ABSTRACT

the article contains the specifications of database as an information resource. The authors consider essence and structure peculiarities of electronic information resources. Particular accent was made on the aspects of legal regulation of formation and using database.

Ключевые слова: информационный ресурс; база данных; правовое регулирование.

Keywords: information resource; database; legal regulation.

В истории мирового развития информация всегда играла определяющую роль, выступая главным объектом интереса человека.

Любая человеческая деятельность напрямую или опосредованно связана с получением, потреблением, производством информации, т. е. можно говорить о том, что практически все сферы жизнедеятельности зависят от процессов информационного обеспечения, «стержневым вопросом которого является вопрос об информационных ресурсах» [3, с. 57].

Можно смело утверждать, что всякий интерес субъекта есть интерес информационный, связанный с удовлетворением потребности в разного рода информации, представленной в любой доступной для восприятия человеком форме, и информационный ресурс является обязательным, базисным элементом обеспечения информационных потребностей, реализации информационных интересов.

Удовлетворение информационных потребностей всегда предполагало возможность обращения к источнику, содержащему нужные сведения. В качестве примера одного из самых первых видов таких источников можно привести наскальную живопись.

С появлением письменности (этот период характеризуется как первоначальный этап развития информационных технологий, создающий предпосылки для первой информационной революции [4, с. 8]), а позже — книгопечатания появляются принципиально новые способы создания, формирования, накопления, хранения информации, а также, что будет в дальнейшем иметь колоссальное значение для формирования условий обеспечения реализации потребностей в информации, особые правила осуществления поиска нужной информации.

Возможности тиражирования информации «послужили толчком к созданию первых поисковых систем на алфавитной основе» [4, с. 9], что, в свою очередь, обозначило необходимость организации и структурирования массивов информации по определенным критериям, признакам, параметрам. Появляются информационные ресурсы в виде библиотек, каталогов, списков, но эти массивы структурированной информации зафиксированы на бумажных носителях.

С появлением кардинально новых форм представления и существования информации — электронно-вычислительных машин, информационных и телекоммуникационных технологий — новый формат существования приобретают и информационные ресурсы, теперь они могут быть представлены в машинной, или электронной, форме; процессы накопления, обработки, преобразования, хранения, получения, предоставления информации осуществляются автоматически.

В настоящее время мы являемся свидетелями этого стремительного развития индустрии информации, которое обусловлено как объективными потребностями науки, техники и экономики, так и закономерностями всего общественного развития [1, с. 5].

Современный уровень развития российского общества характеризуется положительной динамикой процесса информатизации всех сфер общественной жизни, включающего в себя социальные, правовые, экономические, политические условия для непосредственного осуществления реализации информационного интереса или, иначе, потребления информационных ресурсов.

Понятие информационного ресурса не является новым. Законодателем данный термин был легализован в 1995 году в связи с принятием Федерального закона «Об информации, информатизации и о защите информации» [8], в котором под информационными ресурсами понимались отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах).

Из федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9] данный термин был исключен, что не совсем корректно, поскольку помимо того, что термин уже приобрел общеупотребительный характер, вошел в речевой оборот, это понятие продолжает использоваться и в правовой сфере, и в нормотворческой практике. Заметим, что только лишь на федеральном уровне около 100 нормативно-правовых актов содержат нормы, регулирующие общественные отношения по поводу использования информационного ресурса [10, 12, 13].

В правовой науке вопрос природы и сущности информационного ресурса получил свое достаточно адекватное решение: сформулировано определение информационного ресурса, обозначены его квалифицирующие содержательные и формальные признаки [3, с. 59]. Однако до сих пор не выделены основания классификации и не проведена сама классификация информационных ресурсов, которая будет играть роль при характеристике отношений, складывающихся по поводу конкретных информационных ресурсов, очерчивании круга субъектов информационных отношений, при определении режимов правового регулирования, не указаны основные формы существования информационных ресурсов.

Информационный ресурс структурно представляет собой организованную совокупность собственно информации (в ее традиционном понимании) — контент и набор правил, описывающих синтаксический

или семантический поиск, — технология. В случае электронного информационного ресурса контент должен быть представлен в электронном виде, процессы обработки, поиска, формирования нужной информации должны будут осуществляться в автоматизированной форме — здесь технология предполагает наличие программного обеспечения. Исходя из этого представление, потребление, использование информации может осуществляться только лишь с помощью средств вычислительной техники. Соответственно, в структуре электронного информационного ресурса можно выделить три составляющих компонента:

- собственно информация, представляющая определенную ценность, ради существования которой информационный ресурс создается;
- технология, представляющая собой программный продукт, обеспечивающий автоматизацию процессов поиска, обработки, формирования, хранения, представления, использования информации;
- техника, посредством которой осуществляется потребление, использование, представление, хранение информации.

Одной из основных характеристик информационного общества является широкое внедрение и непрерывное использование информационно-телекоммуникационных технологий. В подавляющем большинстве удовлетворение информационного интереса современного человека посредством потребления информационных ресурсов происходит через обращение к вычислительной технике, телекоммуникационным и информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям, информационным системам, следовательно, информационные ресурсы должны быть представлены на машиночитаемых носителях в форме, пригодной для оперативного использования с применением средств вычислительной техники. В этом случае речь идет об электронных информационных ресурсах.

Если же возможность доступа к информационным ресурсам реализуется посредством информационно-телекоммуникационных сетей, то такие ресурсы следует называть сетевыми информационными ресурсами, здесь прилагательное «сетевой» подчеркнет особенность доступа к структурированным массивам информации в электронной форме.

По мере накопления информационные ресурсы аккумулируются, обобщаются, возникает необходимость их систематизации и структурирования по различным признакам и представления в более удобном для пользователя виде, сокращающем затраты времени и сил на поиск нужной информации. Важнейшие изменения в сфере поиска,

обработки, хранения и распространения информации, связанные с внедрением и широким применением информационно-технических средств, стали характеристиками такой формы представления структурированных информационных ресурсов, как базы данных.

В соответствии с действующим законодательством база данных — это представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины [2]. В этом определении особый акцент сделан на информационном содержании базы данных и электронной форме его представления. Именно эти ключевые характеристики не только предопределяют преимущества использования баз данных в различных областях общественной жизни, но и позволяют рассматривать их как информационный по своей природе объект, требующий применения специальных правовых средств защиты.

Следует отметить, что особо актуализируется формирование и использование структурированных массивов информации, представленных в электронном виде, в рамках формирования в нашей стране электронного правительства.

Базы данных являются важнейшим средством, позволяющим аккумулировать и унифицировать информационные ресурсы, обращающиеся в системе государственного управления, создавая тем самым условия, как для информационного обеспечения деятельности органов государственной власти, организации межведомственного информационного обмена, так и для информационного обслуживания граждан, направленного на предоставление необходимой для реализации их жизненно важных интересов информации.

В большинстве случаев в законодательстве прямо содержится указание на ведение таких структурированных информационных ресурсов: базы данных трудовых арбитров [7], база данных донорства крови и ее компонентов [14], базы данных, содержащие сведения о выданных удостоверениях личности моряка [6], базы данных федеральных государственных гражданских служащих, состоящих на учете для получения единовременной субсидии на приобретение жилого помещения [5], банки данных о гражданах [11] и др.

Необходимость структурирования в электронной форме государственных информационных ресурсов подтверждается и рядом негативных факторов, сдерживающих темпы перехода на электронную форму взаимодействия в системе государственного управления:

невозможность сопоставить данные, содержащиеся в государственных информационных ресурсах в силу их разрозненности и противоречивости, постоянный рост объемов обрабатываемой в сфере государственного управления информации, требующей учета и последующего оперативного использования при оказании государственных услуг, неавтоматизированность процедур сбора и обработки информации, значительное дублирование информации и др.

Базы данных в этом аспекте позволяют обеспечить полноту и оптимальность фиксации, актуальность и доступность государственных информационных ресурсов в едином систематизированном виде, высокую скорость обработки и использования информации, что качественным образом сказывается на эффективности государственного управления и оказания государственных услуг.

Тем самым, информационные ресурсы в форме баз данных, ориентированные на реализацию основных функций в системе государственного управления в рамках решения общегосударственных задач, приобретают особое значение на пути формирования электронного государства. Однако этот процесс осложняется неразработанностью правового режима баз данных. Правовое регулирование вопросов формирования баз данных в рамках деятельности органов государственной власти носит несистемный, фрагментарный и во многом противоречивый характер. Поэтому все более актуализируется необходимость совершенствования правового регулирования комплекса общественных отношений, возникающих в связи с формированием и использованием баз данных, включая создание надежного механизма их правовой охраны с учетом структурных особенностей данной формы представления электронных информационных ресурсов.

Список литературы:

1. Городов О.А. Информационное право. М., 2008. 248 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Рос. газ. — 2006. — 26 дек.
3. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для бакалавров / под общ. ред. проф. П.У. Кузнецова. — М.: Издательство Юрайт, 2011. 422 с.
4. Кузнецов П.У. Информационные основания права: Монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2005. 204 с.

5. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 10 апреля 2009 г. № 169н «Об утверждении Порядка формирования и ведения базы данных федеральных государственных гражданских служащих, состоящих на учете для получения единовременной субсидии на приобретение жилого помещения и снятых с соответствующего учета» // Рос. газ. — 2009. — 17 июня.
6. Приказ Минтранса РФ от 17 мая 2010 г. № 113 «Об утверждении Порядка ведения электронной базы данных, содержащей сведения о выданных удостоверениях личности моряка, и использования указанных сведений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2010. — 26 июля. — № 30.
7. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — 31 дек.
8. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собр. законодательства РФ. — 1995. — 20 февр. — № 8, ст. 609.
9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. — 2006. — 31 июля. — № 31 (1 ч.), ст. 3448.
10. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Рос. газ. — 2010. — 29 ноября.
11. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собр. законодательства РФ. — 2011. — 14 февр. — № 7, ст. 900.
12. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Рос. газ. — 2011. — 6 мая.
13. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // Рос. газ. — 2011. — 9 дек.
14. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // Рос. газ. — 2012. — 23 июля.

**ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ МОРФЕМИКЕ
УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**

Козлова Марина Михайловна

ст. преподаватель ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

E-mail: kozlovavn@mail.ru

**ELEMENTARY WORD-FORMATIVE ANALYSIS AT
RUSSIAN LESSONS AS A PRINCIPLE OF TEACHING
MORPHEMICS TO PUPILS OF PRIMARY AND
SECONDARY SCHOOL**

Marina Kozlova

Senior teacher of Katanov State University of Khakassia, Abakan

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме изучения морфемике и словообразования в школьном курсе русского языка. Основное внимание автор акцентирует на необходимости использования элементарного словообразовательного анализа слова как основы обучения морфемике учащихся начальной и основной средней школы. В статье отмечается, что, наряду с традиционными лингвометодическими аспектами в процессе ознакомления школьников с морфемной и словообразовательной структурой слова, следует выделять аспекты нетрадиционные, требующие дальнейшего уточнения их лингвометодического содержания и обеспечения.

ABSTRACT

The article is aimed to the problem of studying morphemics and word formation at a school course of Russian. The author pays special attention to the necessity of an elementary word-formative analysis use as a principle of teaching morphemics to pupils of primary and secondary school.

It is mentioned in the article that together with traditional linguo-methodological aspects in the process of presenting morphemic and word-formative structures of a word to pupils it is also necessary to distinguish non-traditional aspects which require further specification of its linguo-methodological contents and supplying.

Ключевые слова: морфемика; морфемная структура слова; моделирование морфемной структуры слова; морфемный разбор слова; словообразовательная структура слова; словообразовательный анализ слова; словообразовательное гнездо; словообразовательная модель; словообразовательный тип; словообразовательная парадигма.

Key words: morphemics; morphemic word structure; morphemic word structure modeling; morphemic analysis of a word; word-formative pattern of a word; word-formative analysis of a word; family of words; word-building pattern of a word; word-formative type; word-formative paradigm.

В современной лингвистической и методической литературе является общеприятным факт взаимосвязи между морфемным составом слова, его словообразовательными особенностями, с одной стороны, и принадлежностью этого слова к той или иной части речи, — с другой. Ученые, изучающие язык как лингвистическое явление или определяющие принципы и методы обучения языку в начальной и средней школе, как и учителя-практики, имеют в виду, что в русском языке каждой части речи свойственны определенные структурно-словообразовательные особенности. При этом морфемная структура слова, специфика его образования выступают в единстве с лексическим значением слова и комплексом грамматических свойств, определяя семантику, частеречную принадлежность и правописание производного слова.

В публикациях научно-методических изданий последних лет («Начальная школа», «Русский язык в школе», «Русская словесность» и др.) неоднократно подчеркивалась мысль о том, что анализ слова в процессе изучения морфемики и словообразования не может быть однонаправленным, одноаспектным и предполагает постоянное взаимодействие двух видов разбора — морфемного (из каких морфем слово состоит) и словообразовательного (с помощью каких морфем слово образовано). Разбор слова по составу, предполагающий ознакомление учащихся с основными типами морфем и особенностями строения русского слова, опирается на выводы словообразовательного анализа и является по отношению к нему вторичным, т. к. членение мотивированного слова на морфемы отражает процесс его производства.

Определяя особенности словообразовательной системы русского языка во второй половине XX века, А.А. Реформатский писал, что «членимость обратима, ее «перевертыш» — составление слова, словообразование» [7, с. 7]. Таким образом, овладение основами

морфемного анализа в школьной практике, по определению А.А. Реформатского, предполагает три ступени, тесно связанные друг с другом: первоначальное знакомство с составом слова; ознакомление с его словообразовательной структурой, местом и ролью корневых и аффиксальных морфем в словообразовании; полный морфемный анализ, при котором каждая морфема осознается не сама по себе, а как словообразующий элемент в структуре лексических единиц языка.

Тесная связь морфемного и словообразовательного анализов не означает, однако, их тождества. Два типа разбора слова различны как по объекту (предмету) исследования, так и по методическим принципам и способам реализации. Морфемный разбор слова предполагает анализ структуры как производных, так и непроизводных слов. Основная цель словообразовательного анализа — установление отношений производности с современной, синхронной точки зрения, поэтому его объектом могут быть только производные (мотивированные) слова, содержащие регулярные словообразовательные аффиксы.

На начальном этапе обучения языковому анализу и морфемный, и словообразовательный разбор слова решают общие лингвистические задачи: раскрыть понятие морфемной структуры слова как совокупности значимых частей в синхроническом аспекте. А это в конечном итоге будет способствовать активному и сознательному усвоению школьниками словарного богатства родного языка во всем его семантико-грамматическом многообразии.

Ведущие отечественные методисты: М.Т. Баранов, М.Р. Львов, Т.Г. Рамзаева, А.В. Текучев и др. — при изучении теоретических и практических аспектов преподавания русского языка в школе неоднократно указывали на необходимость давать учащимся морфемико-словообразовательные сведения не только в ходе изучения темы «Состав слова», но и углублять эти сведения всей системой занятий по русскому языку. Такой подход позволит учащимся младших классов, а затем и учащимся основной средней школы познать и уяснить некоторые закономерности словообразовательной системы русского языка не только на примере анализа отдельных лексических единиц, но и при изучении лексико-грамматических рядов слов разных частей речи.

Такой подход очень важен. Во-первых, при изучении словообразования определенной части речи учащиеся не только усваивают продуктивные в современном русском языке словообразовательные модели, но и знакомятся с основными словообразовательными значениями морфем, а значит, подходят к осмыслению понятия

словообразовательного типа. В этом кроются истоки профилактики детских речевых ошибок, связанных с отступлениями от норм русского словопроизводства.

Во-вторых, знание основных аффиксов той или иной части речи создает благоприятную основу для понимания семантических, словообразовательных и морфологических особенностей основных лексико-грамматических классов слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий).

В ряде работ (О.Е. Вороничева, М.Г. Кудряшовой, Н.В. Лукиных, Е.Г. Мережко и др.), посвященных методике изучения состава слова в начальных классах, а также исследования Л.А. Быстровой, Е.И. Литневской, С.И. Львовой и других об изучении словообразования в средней школе содержатся научно аргументированные выводы о целесообразности и возможности установления взаимосвязи морфемного и словообразовательного анализа преимущественно в целях сознательного усвоения младшими школьниками орфографии, так как большинство правил правописания связано с морфемным составом слова. Кроме того, правильно организованные упражнения в морфемном анализе слов и словообразовании вырабатывают привычку вдумываться в содержание слова и соотносить содержание с формой, что является необходимым условием успешного развития орфографической зоркости учащихся.

В методических публикациях И.С. Улуханова, И.Г. Милославского, Л.А. Катлинской, С.И. Львовой и других авторов можно встретить вывод об использовании словообразовательного анализа как эффективного способа семантизации производной лексики на уроках русского языка и чтения при обогащении словарного запаса учащихся.

Как известно, именно начальная школа задает базу для последующего языкового и речевого развития учащегося. Однако методика словообразовательного разбора в начальной школе углубленной разработке не подвергалась, этот аспект работы над составом слова почти не освещался, вследствие чего данное аналитическое упражнение не нашло широкого применения в практике начального обучения русскому языку. Вместо словообразовательного анализа на уроках во II—IV классах распространено деление слова на составляющие его морфемы.

Как отмечают П.С. Жедек, Т.Г. Рамзаева и другие, система работы, направленная на формирование и совершенствование морфемно-аналитических навыков учащихся, не лишена недостатков.

Основные из них:

а) упражнения, направленные на морфемный анализ слов, не побуждают учащихся к выяснению их лексического значения, не способствуют осознанию детьми семантических и структурных связей между родственными словами;

б) в результате выполнения таких упражнений младшие школьники привыкают к шаблону в выборе действий, теряют интерес к операции выделения морфем;

в) в материале, предлагаемом для полного и частичного анализа морфемной структуры слова, превалируют имена существительные с суффиксами субъективной оценки (*сторонюшка, гнездышко, уголек, грядочка*). Кроме того, нередко в упражнениях, связанных с морфемным разбором, встречаются слова с непроизводной основой (*мороз, лиса, осень, гнездо, стрела*) [8, с. 186—187].

К этому можно добавить, что недостаточный уровень сформированности у учащихся начальной школы навыков по морфемике не может служить основой для применения этого вида анализа в качестве средства обогащения и уточнения словарного запаса детей, не способствует структурно-семантической мотивации незнакомых производных слов, наконец, приводит к многочисленным неточностям при выделении частей слова как у младших школьников, так и учащихся основной средней школы. Достаточно вспомнить, что нередко в школьной практике в одном ряду ошибочно называются такие слова, как *ленточка, звездочка, шапочка, лодочка, булочка* и т. д.; *стульчик, огурчик, зайчик* и т. п. в качестве образований с одним и тем же суффиксом. А в ряде слов, подвергшихся процессу опрощения, восстанавливается не современная, а этимологическая (причем часто ошибочно) членимость на морфемы (ср. *громкий, медведь, подушка, забыть, прелестный* и др.) или не учитывается омонимия значений (ср. *носик (чайника), стрелки (часов), коньки (фигурные)* и др.).

Несомненно, это положение может быть исправлено лишь в результате придания морфемному анализу структурно-семантического характера, а именно: при сочетании традиционного содержания морфемного разбора с элементами словообразовательного анализа. Такими элементами анализа словообразовательной структуры производной единицы являются выяснение исходного (производящего) слова, раскрытие лексического значения мотивированного слова посредством ссылки на мотивирующее, определение словообразовательного средства, участвующего в производстве анализируемого слова и др.

Важнейшим принципом морфемного анализа в лингводидактике является выделение морфем на основе учета их лингвистических характеристик. Окончания (флексии) выделяются путем словоизменения. Корневые морфемы — при сопоставлении однокоренных (родственных) слов. Выделение приставок и суффиксов (а также постфиксов, интерфиксов) осуществляется на основе сопоставления одноструктурных слов, то есть слов, содержащих те же аффиксальные морфемы, что и в анализируемом слове.

Другие принципы были сформулированы А.В. Текучевым относительно методики обучения морфемному анализу слова в 4—8 классах средней общеобразовательной школы. Назовем основные из них:

1. Опора на сопоставление синтеза и анализа слова (структурно-словообразовательный принцип) как способ соотношения морфемной членимости слова и способа его образования.

2. Опора на мотивированность производного слова (мотивационный принцип) как средство предупреждения бездумного, механического членения производных слов на морфемы.

3. Диахронический (исторический) принцип как основа разграничения современного и историко-этимологического состава слова.

В связи с логикой построения школьных учебников русского языка и последовательностью развертывания темы «Состав слова» или изучения смежных грамматических и орфографических тем в методике названные выше принципы конкретизируются как собственно словообразовательный, грамматико-словообразовательный, лексико-словообразовательный.

Проблемным в современной школьной лингводидактике остается вопрос о соблюдении определенной последовательности в вычленении морфем. Способ, образно названный Н.М. Шанским принципом «раздвания матрешки», был описан известным отечественным языковедом З.А. Потиха, который писал, что морфемный анализ (разбор слова по составу) необходимо начинать с выделения окончания и дальше постепенно и последовательно доходить до корня. Следовательно, путь анализа слова как раз противоположен пути образования производного слова, так как производное слово «растет» от корня, обогащается аффиксами.

Описанный принцип последовательности морфемной членимости слов справедлив и предпочтителен в тех случаях, когда в основе слова имеется стечение суффиксов или корневая морфема является связанной, а поэтому с трудом подвергается квалификации: *отеческ-и* (*братск-и*) — суффикс *-и*; *отеч-еск-и* (*отеч-еск-ий*, *брат-*

ск-ий) — суффикс *-еск*; *отеч-еск-и* (*отч-изн-а*, *отеч-еств-о*) — корень *-отеч-*(*отч-*).

Другая, традиционная в лингводидактике точка зрения исходит из положения о том, что корень как основная смысловая часть слова, определяющая родство однокоренных слов и закономерности их правописания, должен выделяться в первую очередь. Такой метод членения морфем может быть предложен для более простых в структурном отношении слов, стоящих на первой ступени производности, то есть содержащих не более одной служебной морфемы каждого типа (один суффикс, одну приставку, один суффикс и одну приставку и т. д.) и имеющих четко осознаваемый свободный корень. Например: *реч-н-ой*, *вы-нес-ти*, *вод-ичк-а*, *пришколь-н-ый* и др.

Морфемный анализ должен опираться на результаты словообразовательного анализа. Особенно важно восстановление последовательной словообразовательной цепочки для слов, в основе которых выделяются 2—3 одноименные аффиксальные морфемы. Например, *писатель-ск-ий* ← *писа-тель* ← *пис-а-ть*; *лекарств-енн-ый* ← *лекарств-о* ← *лек-арь* ← *леч-и-ть* и др.

Разбор как метод обучения служит методическим средством развития дедуктивного мышления учащихся. В соотношении морфемного и элементарного словообразовательного разборов слов разных частей речи различают два приема работы: разбор-доказательство (умозаключение) и разбор-суждение.

Разбор-доказательство представляет собой дедуктивное умозаключение, воспроизводящее процесс возникновения нового суждения (собственной мысли). При таком разборе учитель выслушивает готовые суждения учащихся и следит за тем, как образуются эти суждения, т. е. как применяют учащиеся правила. Использование данного разбора учит школьников рассуждению по строго данному образцу. Например, при доказательстве выделения корневой части наречия *ледниковый* пятиклассники используют следующие посылки. Корень слова — это общая часть всех родственных слов (1 посылка). Родственными словами к слову *ледниковый* будут *ледник*, *лед*, *ледышка* (2 посылка); общей значимой частью их основ этих слов является *-лед-*. Значит, —*лед-* корень слова *ледниковый* (вывод).

При разборе-суждении морфемный анализ слова *ледниковый* будет выглядеть так: «Прилагательное *ледниковый* имеет производную основу. Оно образовано от существительного *ледник* с помощью суффикса *-ов*. Основа слова *ледник* также членится на морфемы. Корень *-лед-* выделяется в сопоставлении с родственным существи-

тельным *лед*; суффикс *-ник* — в сопоставлении с одноструктурными словами *осинник, малинник* и др.».

Для осмысления знаний по морфемике нужно тренировать учащихся в совершенствовании дедуктивных умозаключений. Самым надежным упражнением, развивающим мыслительный навык, является частичный разбор-доказательство, который следует применять при закреплении грамматического материала. Частными разновидностями такого разбора являются поморфемное конструирование и реконструирование (восстановление) лексических единиц, принадлежащих к разным частям речи или употребленных в различных словоформах.

Следует также учесть, что выполнение учащимися заданий на элементарный словообразовательный разбор производных слов требует особой тщательности при отборе лексического материала. В отличие от слов, предлагаемых в средних классах, объектом анализа в начальной школе должны в первую очередь стать производные единицы, возникающие на первой ступени словообразовательного анализа. В этом случае морфемная и словообразовательная структуры слова полностью совпадают, например, *ельник, летчик, зайчонок, подснежник, зимний, городской, приморский, заучить, принести, весело, быстро* и др.

Не следует избегать слов с двукорневой основой, в том числе и дефисного написания (*лесостепь, живописный, бело-розовый* и др.). Труднее словообразовательному анализу подвергаются слова, сложение корневых основ которых сопровождается нулевой суффиксацией (*трубочист, снегопад, пешеход* и др.) или суффиксальным способом образования (*железнодорожный, черноморский* и др.).

Вызывают интерес и требуют своего практического воплощения нетрадиционные подходы в изучении морфемной структуры слова, изложенные в работах О.Е. Вороничева, Н.В. Лукиных, Е.Г. Мережко (на языковом материале начальной школы), Л.В. Вознюк, Н.В. Давыдовой, Л.П. Клобуковой, С.И. Львовой (на более широком языковом материале). Так, С.И. Львова в центр изучения морфемно-словообразовательной структуры слова ставит понятие словообразовательной модели, а в одной из своих публикаций показывает возможности многоаспектного анализа слова на основе модели словообразования [5].

О необходимости использования приема моделирования при изучении морфемики в начальных классах говорит и П.С. Жедек (являясь автором раздела «Методика изучения морфемного состава слов» в учебном пособии по теории и практике обучения русскому

языку «Русский язык в начальных классах»): «Модель может не только показывать устройство слова, но и определять способ действия при решении языковых задач» [8, с. 188].

Описанию взаимосвязи «словорассечения» и семантики слова посвящены публикации О.Е. Вороничева, Л.А. Катлинской и др. [1; 3]. Кроме того, О.Е. Вороничев рассматривает возможности организации морфемно-словообразовательной работы с учащимися на основе логического соотношения понятий «корень» — «непроизводная основа» и «членимость» — «производность» — «мотивированность» [2].

Один из путей оптимизации в деятельности учащихся при обучении морфемному составу слов Е.Г. Мережко связывает с понятием «словообразовательное гнездо» [6]. Н.В. Давыдова, Л.П. Клобукова рассматривают возможности соотношения понятий «словообразовательное гнездо» и «словообразовательная парадигма». При этом само понятие словообразовательной парадигмы — достаточно новое в лингвистике, а тем более в методике обучения русскому языку — рассматривается как часть словообразовательного гнезда на определенной ступени развития производных слов. Использование этих понятий в их взаимосвязи, по мнению Л.П. Клобуковой, позволяет выявить словообразовательный потенциал и морфемную структуру слов разных частей речи [4].

Нетрадиционность подходов к изучению словообразовательных средств русского языка еще раз доказывает тот факт, что методика не исчерпала своих возможностей в плане изучения морфем и их типов, а морфемный анализ слов должен стать, по словам С.И. Львовой, не самоцелью, «не разбором в себе», но «средством для понимания тайн слова», его семантики и формально-грамматической структуры [5, с. 15].

В связи с этим следует признать, что в ознакомлении школьников с морфемной и словообразовательной структурой слов, наряду с традиционными аспектами: а) слово как совокупность взаимосвязанных значимых частей — морфем; б) слово как компонент в ряду родственных образований; др., важны нетрадиционные лингвометодические аспекты. Эти аспекты требуют своей дальнейшей разработки относительно методики обучения морфемике и словообразованию в начальной и средней школе:

а) слово как морфемно-членимое/нечленимое и производное/непроизводное образование в современном русском языке;

б) слово как часть речи определенной словообразовательной структуры;

- в) слово как реализация определенной словообразовательной модели;
- г) слово как член словообразовательного гнезда;
- д) слово как представитель того или иного словообразовательного типа.

Список литературы:

1. Вороничев О.Е. Как связано значение со словорасчленением // Начальная школа Плюс До и После. — 2004. — № 5. — С. 41—50.
2. Вороничев О.Е. О логическом соотношении понятий «корень» — «непроизводная основа» и «членимость» — «производность» — «мотивированность» // Начальная школа Плюс До и После. — 2005. — № 8. — С. 37—40.
3. Катлинская Л.А. Место семантики в описании русского словообразования // Филологические науки. — 1995. — № 4. — С. 63—71.
4. Клобукова Л.П. Словообразовательное гнездо и словообразовательная парадигма // Русский язык в школе. — 1993. — № 5. — С. 79—82.
5. Львова С.И. Словообразование в V классе // Русский язык в школе. — 2002. — № 1. — С. 9—17.
6. Мережко Е.Г. Работа над словообразовательным гнездом в начальных классах // Начальная школа. — 2003. — № 10. — С. 45—51.
7. Реформатский А.А. О членимости слова // Развитие современного русского словообразования 1972: Словообразование. Членимость слова. — М., 1975. — С. 7—13.
8. Русский язык в начальных классах: Теория и практика обучения: Учеб. пособие для студ. пед. завед. по спец. «Педагогика и методика нач. образования» / М.С. Соловейчик, П.С. Жедек, Н.Н. Светловская и др.; Под ред. М.С. Соловейчик. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 384 с.

ОБЫЧАЙ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Козлова Валерия Николаевна

ст. преподаватель, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

E-mail: kozlovavn@mail.ru

BUSINESS CUSTOM AS A CIVIL LAW'S MODERN SOURCE OF LAW

Valeria Kozlova

Senior teacher of Katanov State University of Khakassia, Abakan

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению обычаев делового оборота как источника российского гражданского права и раскрывает его основные признаки, особенности применения в судебной практике. В статье также определено место обычаев делового оборота среди иных источников права и порядок их применения судами в своей деятельности.

ABSRTACT

Article is aimed to studying one of the business customs as a Russian civil law's source of law; the article describes main features of that business custom and specificities of its usage in judicial practice. There is also given the position of business customs among other sources of law and its usage in judicial practice by courts.

Ключевые слова: источник права; обычай; обычай делового оборота; широкая применимость; повторяемость; Инкотермс.

Keywords: source of law; folk law; business custom; wide usage; frequency; Incoterms.

Принятие в 1994 г. первой части Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [4] обеспечило правовую основу складывающихся на тот момент рыночных отношений и закрепило диспозитивное начало гражданского законодательства и возможность решения спорных вопросов и устранения пробелов с помощью иных, чем нормы закона, регуляторов. К таким регуляторам законодатель

отнес, в частности, обычаи делового оборота. Их значение возросло и в связи с тем, что первоначально многие направления предпринимательской деятельности вообще не были урегулированы законодательно.

В первые годы после легализации обычаев делового оборота случаи их применения судами носили единичный характер. В настоящее время стороны спора все чаще в обоснование своих требований и возражений ссылаются на обычаи делового оборота, а суды их применяют. Вместе с тем более или менее определенная судебная практика применения обычаев до сих пор не сложилась. Во многом это можно объяснить отсутствием определенности в понимании правовой природы анализируемого источника гражданского права.

Определение обычаев делового оборота дано в ст. 5 ГК РФ. Формулировка данной статьи позволяет выделить следующие признаки обычаев делового оборота.

Во-первых, это сложившееся и широко применяемое правило поведения. Как отметил В.С. Белых, «внедрение обычаев в поведение людей — длительный процесс, в ходе которого известные правила перерастают в привычку. В этом смысле обычай имеет «консервативный» характер» [2, с. 28].

К сожалению, закрепив признак «широкой применяемости» обычая, законодатель не установил ее критериев. Конечно, в отдельных случаях возможна опора на количественный (субъектный) показатель: если несколько юридических лиц (предпринимателей) единообразно применяют данное правило поведения, оно может рассматриваться как обычай делового оборота (конечно, если соответствует всем остальным признакам обычая).

Например, в споре между ТОО «Меджик» и АКБ «Алина Москва» Арбитражный суд г. Москвы посчитал достаточным мнение трех коммерческих банков, свидетельствующих о практике принятия банком платежного поручения как подтверждения осуществленного платежа (даже при отсутствии денежных средств на счете плательщика), что явилось одним из обоснований вынесенного судебного решения по делу. В результате суд согласился с доводами истца и удовлетворил его иск о взыскании внедоговорных убытков с банка, обслуживающего покупателя [6, с. 124].

Однако чаще других в качестве отправного для определения широкого применения обычая в юридической литературе называется временной критерий. В частности, И.С. Зыкин особо выделяет фактор времени как признак обычая: «Действительно, для образования обычая

необходим известный промежуток времени, и в этом состоит его характерная черта. Однако верно и то, что срок может существенным образом различаться в каждом конкретном случае и не обязательно быть длительным» [5, с. 11].

Поэтому более корректным представляется выделять такой критерий широкой применимости обычая, как повторяемость. Данный признак в том или ином виде («систематическое применение», «постоянная и неуклонная повторяемость» и др.) упоминается чаще других. Г.Ф. Шершеневич в силу простоты и очевидности факта повторяемости считал даже, что именно повторяемость — «единственное условие наличности обычного права» [15, с. 188].

Возникает вопрос, сколько раз должно повториться правило поведения, чтобы оно было признано обычаем делового оборота. В.М. Хвостов отмечает: «Необходимо, чтобы обычай путем долговременного применения глубоко укоренился на практике; но при этом не требуется, чтобы обычай применялся известное, точно определенное количество времени» [14, с. 33]. Вместе с тем суду удобнее было бы руководствоваться более четкими критериями при установлении факта наличия обычая делового оборота. Можно предложить трехгодичный срок повторения конкретного правила поведения — еще в каноническом праве предписывалось соблюдение обычного правила не менее срока исковой давности [1, с. 15].

Наконец, возможен и территориальный (пространственный) признак широты применения обычая делового оборота. Вместе с тем, по мнению В.В. Ровного, обычаи, применяемые в предпринимательстве, не находятся в жесткой зависимости от территориального признака и могут быть интернациональными и внутренними (национальными и местными), причем внутренние обычаи со временем могут переходить в интернациональные [10].

Таким образом, выяснение за тем или иным правилом сложившегося характера и широкой применимости сопряжено с установлением совокупности разных обстоятельств, в их числе: примерное время его возникновения, стабильность существования, однообразность и возможная динамика содержания, степень известности в деловых кругах, распространенность (степень признания), частота применения исключительность (отсутствие альтернатив и конкуренции других норм).

Второй признак обычая делового оборота, закрепленный законодателем, — применение обычаев делового оборота в какой-либо предпринимательской области. Прав А. Федоров, считающий, что понятие области предпринимательства следует толковать

расширительно. «Это может быть и отрасль экономики, и отдельная ее подотрасль, не исключены и межотраслевые обычаи делового оборота, возможны так называемые локальные обычаи делового оборота, действующие в крупных территориальных регионах, для которых характерно развитие и распространение предпринимательской деятельности определенного вида (текстильной, угледобывающей и др.) [13, с. 8].

Отсутствие закрепления в законодательстве — третий признак обычая делового оборота. Этим обычаи отличаются от статьи закона.

Нельзя при этом забывать о том, что обычай делового оборота должен быть санкционирован государством в целях признания его (обычая) источником права. Под санкционированием следует понимать обеспечение обычая делового оборота силой государственного принуждения, а также создание условий для применения такого обычая. Осуществляется санкционирование путем отсылки к нему бланкетной нормы. Санкционирование обычаев делового оборота в общем виде произведено ст. 5 ГК РФ. Вместе с тем отдельные нормы первой и второй частей ГК РФ также содержат указание (санкцию) на возможность применения обычаев делового оборота к тем или иным правоотношениям: «если условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, соответствующие условия определяются обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон» (п. 5 ст. 421 ГК РФ), «в случаях, когда в договоре не содержится отсылка к примерным условиям, такие примерные условия применяются к отношениям сторон в качестве обычаев делового оборота...» (п. 2 ст. 427 ГК РФ) и другие.

Последний законодательно закрепленный признак обычая делового оборота — необязательность его письменного закрепления.

При этом, как известно, под письменной формой (в юридическом смысле) понимается письменное закрепление правила в каком-либо официальном источнике (нормативном акте, международном акте). Фиксация правила в каком-либо документе, не носящем официального характера, например, в частном сборнике, не может признаваться письменной формой. В этом смысле изложение обычного правила в Инкотермс или ином подобном сборнике не означает, что оно приобрело письменную форму в юридическом смысле [7].

Правовое значение обычаев делового оборота состоит в том, что они по очередности применения находятся после нормативных правовых актов и договоров. В связи с этим п. 2 ст. 5 ГК РФ предусматривает, что обычаи делового оборота, противоречащие

обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются.

Нужно отметить, что термин «законодательство» имеет в данном случае более широкое, чем в ст. 3 ГК РФ, содержание. Как отмечает М.И. Брагинский, «из сопоставления п. 2 ст. 5 ГК РФ со ст.ст. 309, 310, 312 и рядом других статей Кодекса следует, что речь идет в равной мере и о законе, и об иных источниках» [3, с. 17]. При этом из содержания ст.ст. 5, 6, 421, 422 ГК РФ следует, что обычаи делового оборота применяются только в области предпринимательских отношений, которая регулируется гражданско-правовыми нормами, в следующей последовательности:

- 1 — императивными нормами закона или подзаконного акта;
- 2 — соглашением сторон (договорными условиями);
- 3 — диспозитивными нормами закона и/или подзаконного акта;
- 4 — обычаями делового оборота;
- 5 — гражданским законодательством по аналогии.

Императивная норма, как наиболее жесткая, имеет безусловное преимущество над всеми прочими регуляторами (в том числе над обычаем делового оборота), а поскольку императивные нормы для сторон обязательны всегда (п. 1 ст. 422 ГК РФ), обычай, противоречащий таким нормам, не применяется.

Приоритет императивных правил законодательства и условий договора над обычаями делового оборота никогда не вызывал сомнений, однако, этого нельзя утверждать в отношении норм диспозитивных.

Согласно п. 5 ст. 421 ГК РФ, «если условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, соответствующие условия определяются обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон». М.Г. Розенберг считает, что данное правило испытывает ограничения [11; 12, с. 16—17]. Действительно, в иерархии регуляторов гражданско-правовых отношений свободу договора ограничивают только императивные нормы, диспозитивные же сами могут испытывать влияние со стороны закона, иных правовых актов, договора, а также торговых обычаев (ст. ст. 311, 312, 314—316, 438, 452, 459, 508, 510, 724 ГК РФ).

Таким образом, представляется правомерным вывод о возможности установления обычными нормами правил, отличных от диспозитивных положений законодательства. Следует подчеркнуть, что в Англии и США действует такое же правило. Во Франции и Германии вообще допускается существование и применение обычаев, противоречащих императивным установлениям законодательства.

Как представляется, на современном этапе развития государства и права обычай делового оборота — недооцененный современными правотворческими и правоприменительными органами источник права. Более десяти лет назад Д.Г. Кряжков отмечал, что «обычай в современном праве используется редко и не в полную силу, но в нем скрыты большие резервы правового регулирования» [8, с. 3]. Это высказывание справедливо и в настоящее время.

Интересно, что в основном обычаи применяются не в области предпринимательства, а в иных сферах правового регулирования (семейной, трудовой, сфере медицинских услуг, страхования и др.). Исходя из этого, современный законодатель предполагает отказаться от термина «обычай делового оборота» в пользу термина «обычай» [9]. Последний характеризуется тем, что может применяться не только в предпринимательской, но и любой другой сфере деятельности.

Подобный подход будет способствовать возрастанию роли обычаев в гражданско-правовом регулировании, более полной реализации диспозитивных начал гражданского права.

Список литературы:

1. Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. I. Кн. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. СПб., 1898. 174 с.
2. Белых В.С. Обычаи делового оборота как источник предпринимательского права // Актуальные проблемы современного гражданского и предпринимательского права: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (4—5 ноября 2003 г.). Екатеринбург, 2004. С. 27—33.
3. Брагинский М. Гражданский кодекс. Часть первая. Три года спустя // Государство и право. — 1998. — № 1. — С. 3—20.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; в ред. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 65-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2011. — № 50. — Ст. 7347.
5. Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. М., 1983. 116 с.
6. Калашников Д.В. Применение арбитражным судом делового обычая при оценке доказательств, вытекающих из договоров купли-продажи // Право и экономика. — 1998. — № 1.
7. Канашевский В.А. Международный торговый обычай и его место в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. — 2003. — № 8. — С. 127—136.

8. Кряжков Д.Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 26 с.
9. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27 апреля 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — (дата обращения: 12.09.2012).
10. Ровный В.В. Обычай в современном обороте // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5: Сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет; Под общ. ред. В.Ф. Попондопуло, О.Ю. Скворцова. СПб., 2005. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — (дата обращения: 12.09.2012).
11. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. М.: Статут, 2003. 336 с.
12. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2003. 1072 с.
13. Федоров А. Обычай делового оборота // Финансовая газета. — 2003. — № 2. С. 8.
14. Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М., 1996. 521 с.
15. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права [Электронный ресурс]. Т. 1. Введение. Вып. 1. Казань, 1901. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — (дата обращения: 12.11.2012).

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кочеваткина Элина Фаритовна

канд. экон. наук, Балаковский институт техники, технологии и управления (филиал) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», г. Балаково

E-mail: elina2930k@mail.ru

EVALUATION OF INNOVATIVE AND INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF MUNICIPAL ENTITY'S PRODUCING SECTOR

Elina Kochevatkina

Candidate in economic sciences of Balakovo Institute of Social and Industrial Management, branch of Saratov State Technical University, Balakovo

АННОТАЦИЯ

Проведение оценки позволит диагностировать конкурентный профиль муниципального образования с целью определения стратегических «точек роста» инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора локальной территории. Исследуемая административно-территориальная единица относится к типичным муниципальным образованиям, формирующим «каркас» расселения и хозяйственного освоения территории государства на первичном уровне. Поэтому результаты проводимого исследования могут быть применимы для любого муниципального образования данного типа.

ABSTRACT

Carrying out evaluation enables to discover municipal entity's competitive profile in order to identify innovative and investment attractiveness strategic growing-points of local territory producing sector. Administrative-territorial entity under study refers to typical municipal entities which form a kind of frame of national territory settlement and development on the primitive level. Therefore, results of this research could be applicable for any municipal entity of the given type.

Ключевые слова: инновационно-инвестиционная привлекательность; производственный сектор муниципального образования; конкурентный профиль территории

Key words: innovative and investment attractiveness; producing sector of municipal entity; competitive territory profile.

В условиях заявленного курса на модернизацию национальной экономики Российской Федерации переориентация производственного сектора на инновационный сценарий развития приобретает все большее значение. Для муниципальной экономики данная проблема наибольшую актуальность в связи с тесной взаимосвязью уровня социально-экономического развития муниципального образования и характером промышленного производства предприятий, осуществляющих деятельность на данной территории.

В качестве информационно-аналитической базы исследования выступает муниципальное образование город Балаково (Саратовская область), являющийся крупнейшим в Поволжье промышленно-энергетическим центром. Выгодное географическое положение города, наличие ряда предприятий-производителей энергии и мощная производственная база определили возможности создания индустриального комплекса, насчитывающего более двух десятков предприятий химии, машиностроения, энергетики, строительной индустрии, пищевой промышленности. Таким образом, повышение инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора должно стать определяющим вектором перспективного развития данного муниципального образования.

Безусловно, инновационное развитие отдельно взятой локальной территории должно происходить в рамках общегосударственной стратегии. Тем не менее, специфика каждого конкретного муниципального образования предопределяет необходимость диагностики конкурентного профиля производственного сектора территории. В связи с этим необходимо определить стратегические точки роста инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора муниципального образования.

С этой целью проводится структурно-динамический анализ инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора муниципального образования по следующим направлениям: основная деятельность производственного сектора; результаты финансово-экономической деятельности производственного сектора; научный потенциал территории; инновационный потенциал производственного сектора; потенциал рынка труда;

наличие свободных инвестиционных площадок на территории муниципального образования; предпринимательский климат.

Производственный сектор муниципального образования генерирует значительные объемы производства и имеет значительные перспективы развития (табл. 1). Как следует из данных, представленных в табл. 1, рост объемов промышленного производства в анализируемом периоде обеспечивался увеличением объемов отгруженной продукции предприятий, осуществляющих производство, передачу и распределение электроэнергии, газа, пара и воды. Также положительным образом на росте объемов промышленного производства сказалось увеличение объемов отгруженной продукции отрасли производства пищевых продуктов. В то же время, снижение объемов производства в большинстве отраслей негативным образом повлияло на темпы роста промышленного производства реального сектора муниципального образования, наибольшее из которых коснулось отрасли машиностроения, химическом производстве и производстве мебели и изделий из дерева.

Таблица 1.

Динамика объемов отгруженной продукции промышленного производства в отраслевом разрезе

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Динамика за период	
				млн. руб.	%
Объем отгруженной продукции промышленного производства, в том числе:	68694	61382	76281	7587	111,06
Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и воды	33436	41529	50758	17322	151,81
Производство резиновых и пластмасс. изделий	5628	3074	5186	-442	92,15
Химическое производство	21915	12863	15219	-6696	69,45
Производство пищевых продуктов	1325	1444	1470	145	110,94
Производство машин и оборудования	1741	647	623	-1118	35,78
Производство мебели и изделий из дерева	1385	859	1095	-290	79,06
Прочие	3264	966	1930	-1334	59,13

Наряду с ростом объемов отгруженной продукции в действующих ценах, индекс физического объема промышленного производства, скорректированный на коэффициент-дефлятор, который

позволяет нейтрализовать фактор инфляционного роста цен на продукцию промышленного производства, свидетельствует о том, что объемы отгруженной продукции на конец 2011 г. еще не достигли уровня докризисных показателей по всем ключевым отраслям, за исключением предприятий, осуществляющих производство, передачу и распределение электроэнергии, газа, пара и воды.

На темпы роста объемов промышленного производства значительное влияние оказывает обеспеченность реального сектора основными фондами. Наблюдаемое превышение темпов роста стоимости основных фондов над темпами роста по остаточной стоимости свидетельствует о вводе в эксплуатацию дополнительных капитальных активов. Это подтверждается сравнительной динамикой объемов инвестиционных вложений в основной капитал производственного сектора и величины годовых амортизационных отчислений (рис. 1).

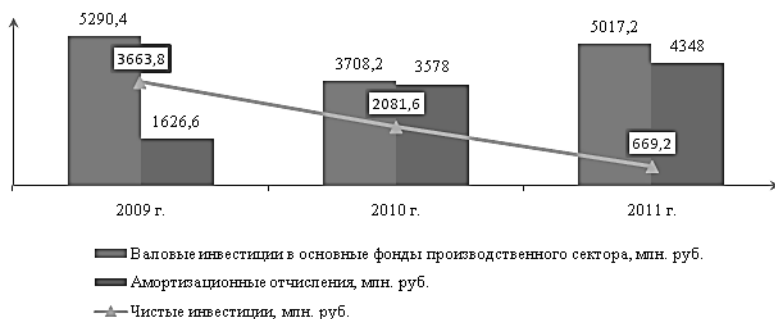


Рисунок 1. Динамика чистых инвестиций в основной капитал производственного сектора

Данные, представленные на рис. 1, демонстрируют стабильное превышение валовых инвестиций в основной капитал производственного сектора над величиной годовых амортизационных отчислений, что характеризует не только возмещение выбывающих объектов основных производственных фондов, но и приращение производственного потенциала предприятий производственного сектора муниципального образования. Но стоит отметить, что за исследуемый период величина чистых инвестиций с каждым годом сокращается. Причем максимальные объемы инвестиций обеспечиваются вложением средств в реализацию масштабных инвестиционных проектов, таких как строительство мини-завода

«Северсталь — Сортовой завод Балаково» и возведением установки по разделению воздуха, осуществляемого ООО «Эр Ликид» (стратегического партнера ОАО «Северсталь»), которое будет производить жидкие продукты разделения воздуха (кислород, азот и аргон) для обеспечения нужд ЗАО «Северсталь-Сортовой завод Балаково», а также действующих промышленных потребителей Саратовской и Самарской областей.

Наряду с положительными тенденциями, характеризуемыми снижением износа отдельных групп основных фондов, наблюдается повышение накопленного износа активной части основных фондов. Столь интенсивное накопление износа основных фондов может происходить и из-за нехватки инвестиционных ресурсов, что не позволяет предприятиям производить равномерное обновление всех групп основных фондов параллельно, обуславливая снижение эффективности их использования. Как доказательство, в ходе анализа была выявлена опережающая динамика стоимости основных фондов производственного сектора муниципального образования относительно роста объемов отгруженной продукции. Это негативным образом сказывается на эффективности использования основного капитала предприятий.

Итак, стабильную положительную динамику демонстрируют отрасль производства, передачи и распределения электроэнергии, газа, пара и воды и пищевая промышленность, то есть те отрасли, которые традиционно имеют особое социальное значение. Как следствие, низкое влияние кризисных явлений на объемы производства и реализации этих отраслей.

Анализ результатов финансово-экономической деятельности свидетельствует о росте финансовых результатов, но, несмотря на достаточно интенсивную восстановительную динамику, финансовые результаты промышленного производства не достигли докризисных объемов. Негативные тенденции, возникшие в производственном секторе, серьезным образом повлияли на общие результаты экономической деятельности муниципального образования (рис. 2). Как следует из данных, производственный сектор муниципального образования стабильно генерирует наибольшую долю общего финансового результата предприятий территории. Относительно невысокий удельный вес убыточных предприятий и способность быстро восстанавливать позиции при негативном внешнем воздействии положительно характеризуют производственный сектор при определении его инновационно-инвестиционной привлекательности.

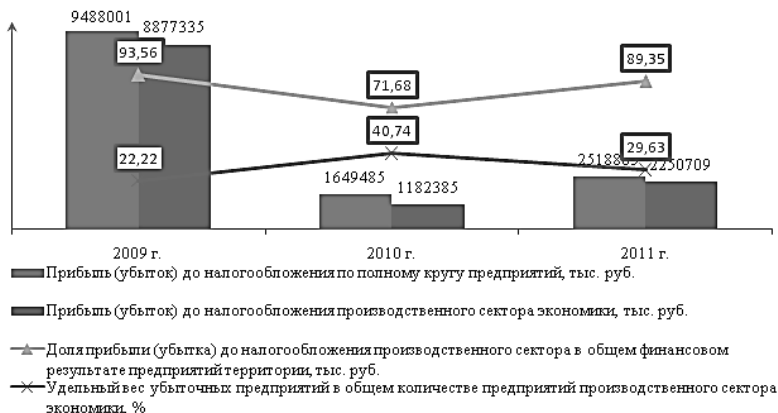


Рисунок 2. Влияние финансово-экономических результатов деятельности производственного сектора на совокупную прибыль предприятий территории

Развитие научного потенциала муниципального образования в основном обеспечивает Балаковский институт техники, технологии и управления (филиал) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.», на базе которого осуществляют деятельность: научно-внедренческая лаборатория «Энергосберегающие технологии»; инженерно-консультационный центр «Крансервис», созданный на базе научно-технического парка «ВОЛГА-техника»; научно-исследовательская лаборатория социальных исследований. Данные научные структурные единицы достаточно длительное время работают в сфере производства знаний и достигли определенных успехов во внедрении результатов научно-исследовательских разработок и обеспечении развития инновационной деятельности по различным отраслям производственного сектора муниципального образования.

Анализ инновационной потенциала проводимый с целью установления ресурсных возможностей муниципального образования для реализации инновационных проектов свидетельствует о том, что на сегодняшний день производственный сектор муниципального образования обладает высоким инновационным потенциалом, который обеспечивается наличием инновационно-активных предприятий. К сожалению, способностью к внедрению инноваций в процесс производства и выпуску инновационной продукции обладают лишь крупнейшие промышленные предприятия. Это объясняется тем,

что инновационную деятельность сопровождают повышенные специфические риски, поскольку процесс коммерциализации результатов научных исследований занимает длительный период времени и сопровождается значительными затратами. Так, на сегодняшний день инновационная деятельность осуществляется в ООО «Балаковские минеральные удобрения» (разработка технологии перехода на новый вид сырья, освоение возможностей использования вторичного сырья, как вяжущего компонента для стабилизации грунтов и устройства оснований дорожных одежд методом холодной регенерации), заводе «Аргон» (создание углеродных волокнистых материалов для удовлетворения потребностей в высокотехнологических материалах самолетостроения и ракетостроения, атомной энергетики и т. д.).

В то же время в муниципальном образовании сохраняются ограничения интенсивного инновационного развития: отсутствие интеграции образования, науки и производства; ограниченный платежеспособный спрос на внутреннем рынке на передовые технологии и нововведения; низкая информационная прозрачность инновационной сферы; низкая инновационная активность ведущих предприятий; недостаточный уровень поддержки и развития малого инновационного предпринимательства; недостаток профессиональных инновационных менеджеров; недостаточный уровень развития материально-технической базы у научных организаций; несоответствие высокого научного и технического потенциала и уровня внедрения инновационных разработок [6].

Анализ потенциала рынка труда показал, что абсолютная величина трудоспособного населения снизилась, что негативно отражается на его потенциале. Наиболее серьезное снижение численности занятых коснулось производственного сектора муниципального образования. Так, доля снижения персонала промышленных предприятий за анализируемый период составила 75,68 % (6 362 чел.) от общего снижения числа занятых. Это связано с тем, что под влиянием финансового кризиса большинство промышленных предприятий муниципального образования произвели сокращение персонала. В то же время, анализ динамики спроса и предложения на рынке труда свидетельствует о том, что потребность в трудовых ресурсах не покрывает предложение. Это говорит о наличии кадрового резерва на территории муниципального образования, что, при прочих равных условиях, можно трактовать как положительный фактор инновационно-инвестиционной территории.

Наличие свободных инвестиционных площадей обеспечивает инновационно-инвестиционную привлекательность производственного сектора муниципального образования, поскольку не всегда существующие промышленные объекты удовлетворяют технико-технологическим и организационным требованиям при создании новых производств. На сегодняшний день в реестре присутствуют 7 свободных инвестиционных площадок, которые могут быть использованы для реализации инвестиционных проектов. Данные объекты обладают различным уровнем обеспечения коммуникациями (свободные производственные площадки, предполагающие их последующую реконструкцию и использование для размещения новых производств; свободные территории для строительства), позволяющими реализовывать инвестиционные проекты в промышленности.

Анализ предпринимательского климата в инвестиционной сфере позволяет выделить позитивные и негативные факторы влияния политики, проводимой региональными органами власти и местными органами самоуправления, на инновационно-инвестиционную привлекательность производственного сектора муниципального образования. К позитивным факторам относятся: совершенствование муниципального инвестиционного законодательства, заключающееся в принятии пакета нормативных актов, составляющих единую законодательную базу для привлечения инвестиций и создающих максимально благоприятные условия для инвесторов на территории; предоставление инвесторам весь спектр льгот и преференций, в том числе режим «одного окна», который обеспечивается посредством заключения с инвестором инвестиционного договора [3]; предоставление налоговых льгот для отдельных инвесторов: снижения ставки налога на прибыль, зачисляемого в региональный бюджет с 17,5 % до 13,5 % [4]; освобождения от уплаты транспортного налога [2]; снижения ставки налога на имущество организаций до 0,1 % [1]; предоставление бюджетных кредитов, в том числе инвестиционного налогового кредита, отсрочки или рассрочки по уплате региональных налогов по основаниям, предусмотренным законодательством области; осуществление консультационной и информационной деятельности, направленной на повышение инвестиционной привлекательности территории; формирование информационно-аналитической базы данных инвестиционных проектов, реализуемых на территории, и единой информационной базы свободных производственных площадок и оборудования, территорий для застройки; создание бизнес-инкубатора, являющегося

проектом по поддержке и развитию малого инновационного наукоемкого бизнеса территории.

Наряду с факторами регионального уровня, позитивно влияющими на инновационную активность муниципального образования, можно выделить и негативные факторы: размытость стратегии, отсутствие фокуса в инвестиционных приоритетах со стороны органов местного самоуправления; ограниченность доступа к программам финансирования инвестиционных проектов субъектов малого и среднего бизнеса; недостаточное развитие необходимых для повышения инновационной активности элементов инфраструктуры, в том числе: транспортной, телекоммуникационной и инфраструктуры финансовых услуг.

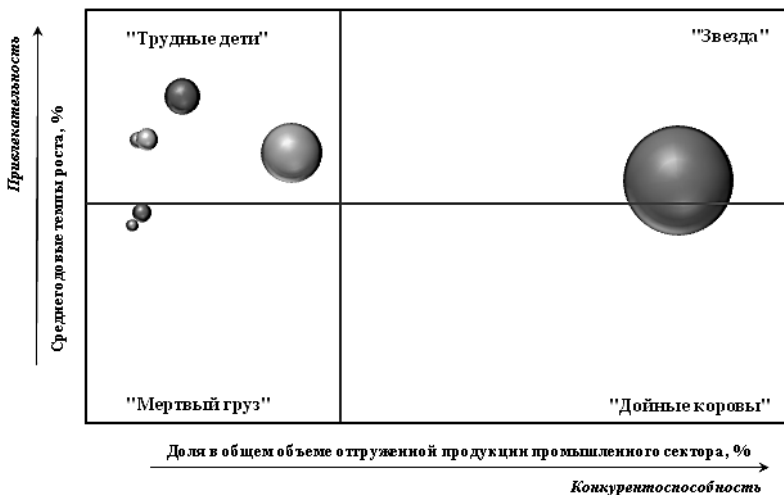
Итак, результаты анализа свидетельствуют о наличии как положительных, так и отрицательных факторов, предопределяющих инновационно-инвестиционную привлекательность производственного сектора.

С целью «сглаживания» диапазона влияния разнонаправленных факторов был рассчитан интегральный показатель уровня инновационно-инвестиционной привлекательности промышленного сектора муниципального образования. В связи с отсутствием официальной методики расчета данного показателя использована одна из предложенных российскими исследователями методик оценки развития региона и определения его инновационно-инвестиционной привлекательности [5], модифицированная для целей настоящей работы.

Расчеты показали, что интегральный показатель уровня инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора муниципального образования повысился, что обусловлено изменением частных показателей. Положительное влияние на величину интегрального показателя инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора муниципального образования оказали рост объемов отгруженной продукции, увеличение стоимости основных фондов предприятий промышленности. Наряду с этим, ограничителями роста инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора муниципального образования явились снижение численности занятых в данном секторе, недоиспользование инновационного потенциала и снижение величины чистых инвестиций в основной капитал производственного сектора. Итак, оценка производственного сектора муниципального образования свидетельствует о его достаточно высокой инновационно-инвестиционной привлекательности.

Любое коммерческое предприятие, в том числе и осуществляющее деятельность в производственном секторе, является обособленным экономическим субъектом. Привлечение инвестиций в хозяйственный оборот определяется его самостоятельной инвестиционной стратегией. В то же время, деятельность производственного сектора во многом определяет динамику и характер социально-экономического развития муниципального образования. В сложившихся условиях стратегический подход к управлению инновационно-инвестиционным процессом на муниципальном уровне становится определяющим фактором развития привлекательности производственного сектора муниципального образования.

Для решения данной проблемы необходимо выявить конкурентный профиль муниципального образования с целью определения стратегических «точек роста» инновационно-инвестиционной привлекательности производственного сектора муниципального образования. В качестве инструмента диагностики конкурентного профиля был использован классический метод анализа и планирования — матрица Бостонской консалтинговой группы (BCG) с адаптацией ее для целей настоящего анализа и частичным изменением параметров оценки (рис. 3).



- Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и воды
- Производство резиновых и пластмассовых изделий
- Химическое производство
- Производство пищевых продуктов
- Производство машин и оборудования
- Производство мебели и изделий из дерева
- Прочие

Рисунок 3. Матрица «Среднегодовые темпы роста — Доля в общем объеме отгруженной продукции промышленного сектора экономики» по отраслям производственного сектора

Судя по данным, представленным на рис. 3, в производственном секторе муниципального образования к «Звездам» можно отнести предприятия, осуществляющие деятельность по производству, передаче и распределению электроэнергии, газа, пара и воды. Предприятия данной отрасли генерируют большие объемы реализации, но и требуют значительных средств для поддержания интенсивных темпов роста. Тем не менее, динамичные темпы роста реализации обеспечивают значительные прибыли инвесторам. Стоит отметить, что наряду с высоким уровнем инвестиционной привлекательности, вхождение новых инвесторов данную отрасль достаточно проблематично в связи с наличием высоких входных барьеров, в том числе и административных.

Большинство отраслей производственного сектора муниципального образования относятся к группе «Трудные дети», но позиция

по ним крайне не однозначна. Так, химическое производство, несмотря на то, что темпы роста у него ниже, обладает более высокой конкурентоспособностью по сравнению с другими отраслями, отнесенными к этой группе, за счет более высокого объема реализации и доли в общем объеме отгруженной промышленной продукции. Кроме того, наличие на территории такого крупного предприятия химической отрасли, как ООО «БМУ», производящего широкий перечень не только высококачественной конечной продукции, но и новых видов химического сырья и материалов, увеличивает привлекательность данной отрасли для инновационно-инвестиционных вложений.

Наибольший темп роста в группе «Трудные дети» демонстрирует производство резиновых и пластмассовых изделий, но оно обладает не столь значительными конкурентными преимуществами, так как требует значительных инвестиционных вложений, в том числе и инновационного характера. Предприятия данной отрасли ориентированы, в основном, на выпуск комплектующих для российского автопрома, который испытывает серьезные проблемы в части мощной конкуренции со стороны иностранных автопроизводителей. В то же время господдержка отечественного автопрома может рассматриваться инвесторами как положительный фактор при принятии решения об инвестировании средств в производство резинотехнических изделий на территории муниципального образования.

Производство мебели и изделий из дерева и прочие отрасли, среди которых основной интерес для инвесторов может представлять производство готовых металлических изделий, демонстрируют интенсивные среднегодовые темпы роста, но составляют небольшой удельный вес в общем объеме отгруженной продукции промышленного производства. С точки зрения инвестиционной привлекательности производство мебели и изделий из дерева не представляет интереса для инвесторов, так как рынок мебели стабилен, высокой инновационностью не отличается, а наличие мощных конкурентов, таких как ПК ЕМК филиал ОАО «Шатура» (г. Балаково), ООО «Калинка Плюс» (г. Саратов), а также ряда производителей из соседних регионов (Ульяновской области и т. д.) отрицательно скажется на принятии решения об инвестировании средств в данную отрасль.

Производство готовых металлических изделий может иметь высокую инвестиционную привлекательность, так как на территории муниципального образования ведется строительство металлургического мини-завода по производству сортового проката, который

включен в перечень приоритетных инвестиционных проектов ПФО, утвержденный Распоряжением Правительства РФ. Таким образом, повышение инвестиционной привлекательности обеспечивается за счет снижения рисков поставщиков, сокращения транспортных расходов по поставке производственных запасов и т. д. Также положительным фактором для принятия решения об инвестировании в данную отрасль является наличие на территории муниципального образования предприятий по металлопрокату, гальванированию и т. д.

Неопределенная позиция в производственном секторе муниципального образования наблюдается в производстве пищевых продуктов и производстве машин и оборудования, попавших в группу «Мертвый груз». Темпы роста пищевой промышленности незначительны, доля рынка также мала. Несмотря на то, что пищевая промышленность наращивала объемы производства даже во время финансового кризиса, для крупных инвесторов она не обладает привлекательностью. Тем не менее, для мелких и средних инвесторов эта отрасль может быть привлекательна за счет достаточно свободного входа в рынок и относительно невысоких инвестиционных затрат.

Самая проблемная позиция сложилась у производства машин и оборудования. Несмотря на то, что данная отрасль традиционно определяла конкурентный профиль территории, чтобы восстановить позиции данной отрасли, необходимы огромные инвестиции. Потеря такой отрасли станет серьезной проблемой социально-экономического характера для муниципального образования. В то же время, можно рассматривать как новый импульс развития данной отрасли создание на территории нового предприятия ЗАО «Вагоностроительный завод» на базе производственных площадей ОАО «Балаковский завод запасных деталей».

Итак, анализ конкурентного профиля производственного сектора муниципального образования показал, что наибольшей инвестиционной привлекательностью для инвесторов на момент исследования обладают химическое производство и производство готовых металлических изделий, которые, несмотря на относительно невысокие темпы роста и незначительную долю в общем объеме отгружаемой продукции, обладают мощным инновационным потенциалом, высококвалифицированным персоналом, развитой производственной и транспортной инфраструктурой, а также близостью к источникам электроэнергии. А при реализации комплексной стратегии стимулирования развития таких отраслей, как производство резиновых и пластмассовых изделий и производство

машин и оборудования также могут рассматриваться как приоритетные для муниципального образования отрасли промышленного сектора экономики муниципального образования, которые при качественном инновационному менеджменте внесут значительный вклад в долгосрочное социально-экономическое развитие территории.

Список литературы:

1. О введении на территории Саратовской области налога на имущество организаций: Закон Саратовской области от 24 ноября 2003 года № 73-ЗСО [Электронный ресурс]: (принят Саратовской областной Думой 19.11.2003). — Ст. 2. URL: www.saratov.gov.ru/government/structure/mininv/.../mode-invest.do... (дата обращения: 01.11.2012).
2. О внесении изменений в статью 4 Закона Саратовской области «О введении на территории Саратовской области транспортного налога»: Закон Саратовской области от 02 августа 2007 года № 154-ЗСО [Электронный ресурс]: (принят Саратовской областной Думой 25.07.2007). — Ст. 1. URL: www.saratov.gov.ru/government/structure/mininv/.../mode-invest.do... (дата обращения: 01.11.2012).
3. О режиме наибольшего благоприятствования для инвесторов в Саратовской области: Закон Саратовской области от 28 июня 2007 года № 116-ЗСО [Электронный ресурс]: (принят Саратовской областной Думой 20.06.2007). — Ст. 10. URL: www.saratov.gov.ru/government/structure/mininv/.../mode-invest.do... (дата обращения: 01.11.2012).
4. О ставках налога на прибыль организаций в отношении инвесторов, осуществляющих инвестиционную деятельность на территории Саратовской области: Закон Саратовской области от 01 августа 2007 года № 131-ЗСО [Электронный ресурс]: (принят Саратовской областной Думой 25.07.2007). — Ст. 1. URL: www.saratov.gov.ru/government/structure/mininv/.../mode-invest.do... (дата обращения: 01.11.2012).
5. Ревина А.С. Особенности повышения инновационной активности мезокомплекса // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2010. — № 2 (22). [Электронный ресурс]. URL: <http://uecs.mcsnp.ru> (дата обращения: 22.10.2012).
6. Стратегия социально-экономического развития Балаковского муниципального района до 2025 года. — Балаково, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admbal.ru/page/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-bmr> (дата обращения: 01.11.2012).

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ В СИСТЕМЕ ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Креницкая Серафима Петровна

соискатель кафедры педагогики ФГБОУ ВПО «СФ БашГУ»,

г. Стерлитамак

E-mail: simanktn@gmail.com

THE PROBLEM OF COMPETENCE APPROACH IN THE SYSTEM OF PRESCHOOL AND PRIMARY EDUCATION

Kremenitskaya Serafima

Competitor of the Department of Pedagogy

FGBOU VPO «SF State Bash», Sterlitamak

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена реализации компетентностного подхода в дошкольном и начальном образовании. Освещены проблемы подготовки компетентного педагога в системе дошкольного и начального образования.

ABSTRACT

The article is devoted to the implementation of competence-based approach in preschool and primary education. The problems of competent teacher' training in the system of preschool and primary education are discussed.

Ключевые слова: дошкольный и младший школьный возраст; компетентностный подход; компетентность педагога; компетенция; познавательная компетенция.

Keywords: preschool and primary school age; competence approach; competence of teachers; competence; cognitive competence.

В соответствии с концепцией модернизации педагогического образования одной из основных задач является формирование компетентного педагога. Более того, можно сказать, что в последние годы значимость этой задачи еще сильнее возросла в связи с тем,

что в современном учебно-воспитательном процессе все большее внимание уделяется стратегии компетентностного образования. По нашему мнению, серьезные изменения в области дошкольного и начального образования связаны с принятием новых Федеральных государственных требований к условиям реализации основной общеобразовательной программы дошкольного образования и Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования второго поколения. Поэтому, мы считаем, готовность педагогов дошкольных образовательных учреждений и начальной школы к реализации инновационных моделей образовательной деятельности является залогом успешной модернизации образования.

Компетентностный подход включает два базовых понятия, а именно: компетенция и компетентность. В словаре-справочнике по педагогике термин «компетенция» трактуется так: «совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов», а «компетентность» соотносится с «возможностью установления субъектом деятельности связи между знанием и ситуацией или, в более широком смысле, способность найти, обнаружить ориентировочную основу действий, процедуру (знание + действие), необходимую для решения проблемы в конкретной ситуации [1].

В реализации компетентностного подхода в образовании И.Д. Фрумин выделяет четыре аспекта: ключевые компетенции, обобщенные предметные умения, прикладные предметные умения и жизненные навыки. Продвижение по каждому из этих направлений способствует повышению компетентности детей, их готовности к жизни в современном информационном обществе, желанию не столько больше знать, сколько больше и лучше уметь, в том числе, уметь приобретать знания. Очень важно быть способным применить свои умения и способы деятельности в реальной жизни для решения практических задач [5].

Процесс формирования познавательной компетентности у дошкольников и младших школьников находится на стадии разработки, поэтому во всех исследованиях отведено значительное место изучению ее сущности и структуры, знание которых обуславливает успешность осуществления этого процесса. Несмотря на то что этот вид компетентности называется в работах по-разному: «познавательная», «учебно-познавательная», «интеллектуально-познавательная», «учебно-исследовательская», «когнитивная» — все исследователи имеют в виду компетенцию, реализуемую

и формируемую в познавательной деятельности. Сущность и специфические признаки этой компетентности, с точки зрения исследователей А.В. Хуторского, И.А. Зимней и др. [3] определяются совокупностью знаний, умений, навыков, опыта и смысловых ориентаций познавательной деятельности, способностью к ней, готовностью осуществлять ее самостоятельно.

М.А. Холодная отмечает, что познавательная компетентность — это способность личности эффективно решать проблемные ситуации в той или иной предметно-познавательной сфере, опираясь на специальным образом сформированную базу знаний, полученных с помощью интеллектуальных операций. База знаний — это семантические сети, посредством которых субъект строит свои собственные представления о происходящем, уровень их организации связан с легкостью и пригодностью к применению. Особенности базы знаний субъекта характеризуют его компетентность, то есть такое психологическое качество, которое и выступает как критерий развития индивидуального интеллекта. Высокий уровень компетентности предполагает высокий уровень понимания проблемы в некоторой предметной области [4, с. 392.].

Непосредственно образовательная деятельность у дошкольников и младших школьников, на наш взгляд, реализуется через формирования познавательных компетенций, т. е. организацию различных видов деятельности детей: познавательно-исследовательской, игровой, коммуникативной, музыкально-художественной, продуктивной, трудовой, двигательной. Также формирование познавательной компетенции осуществляется через выполнение интеллектуальных заданий, учебные достижения и, в частности, является формированием умения учиться и оперировать знаниями. Третий путь формирования познавательной компетенции — через чтение художественной литературы. И, наконец, познавательная компетенция формируется через интеграцию разнообразных форм и методов работы. Данный выбор осуществляется педагогами самостоятельно в зависимости от уровня освоения программы, контингента детей и решения конкретных образовательных задач.

Анализ деятельности педагогов дошкольных образовательных учреждений и начальной школы показал, что разница между знающим и компетентным педагогом не в объеме и глубине усвоения знаний и не в их прочности, а в том, как индивидуальные знания организованы и в какой мере они надежны для принятия эффективных решений.

И.А. Зимняя отмечает, что современный педагог дошкольного и начального образования должен обладать: 1) навыками

продуктивного мышления: анализ, синтез, оценка и др., с помощью которых педагог может сформулировать умозаключение и правильно высказать его, построить логику доказательства того или иного положения, спроектировать решение проблемы, адекватно оценивая результаты работы, таким образом, эффективно решать реальные жизненные задачи; 2) сформированной базой знаний, которая предполагает оперативность, мобильность, то есть постоянную возможность их обновления и успешного применения в конкретных условиях; 3) рефлексией, то есть умение строить свою работу, осознавать собственные достоинства и недостатки при ее выполнении и управлять ею (развитие рефлексии предполагает построение целостной системы, в которой в единстве представлены как предметные знания, так и знания об организации собственной познавательной деятельности); 4) коммуникативной компетентностью, то есть умением строить диалог с детьми, работать в группе и т. д. [1].

Актуальное состояние практики профессионально-педагогической деятельности педагогов дошкольного и начального образования, мы считаем, связано с необходимостью постоянного разрешения педагогами противоречия между достигнутым уровнем профессиональной компетентности и новым уровнем, востребованным на современном этапе, который адекватен современным тенденциям инновационного развития образования. Кризис компетентности — это то состояние, которое должно быть потенциально присуще современному педагогу, учитывая динамичность и многоаспектность развития теории и практики профессионально-педагогической деятельности. Действенным выходом, предупреждающим деструктивное влияние, является постоянное стремление педагога к повышению своего профессионального мастерства, активная позиция педагога-исследователя, автора инновационных образовательных инициатив.

Список литературы:

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико—методологический аспект) // Высшее образование сегодня. — 2006. — № 4. — С. 20—27.
2. Словарь-справочник по педагогике /Авт.-сост. В.А. Мижериков; Под общ.ред. П.И. Пидкасистого. — М.: ТЦ Сфера, 2004. — 448 с.
3. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. — 2003. — № 2. — С. 58—65.

4. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.
5. Фрумин И.О. Компетентностный подход как естественный этап обновления содержания образования // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: материалы 9-ой научно-практической конференции. — Красноярск, 2003. — С. 41—44.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ

Латыпова Хатира Шамильевна

*старший преподаватель, Уфимский институт (филиал) Российского
государственного торгово-экономического университета, г. Уфа*

Email: latypova10@mail.ru

DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF ITS VALUABLE BASES

Hatira Latypova

*senior lecturer, the UFA Institute (branch) of Russian State University of
trade and economics, Ufa*

АННОТАЦИЯ

В период исторического развития общества, происходят трансформации в политической, экономической, культурной жизни. Важнейшее место в системе ценностей российского общества занимает образование, которое является частью культуры. При всем многообразии ценностей образовательной системы их можно условно разделить на два основных направления — прагматическую и гуманистическую. В динамике этих направлений прослеживаются изменения ценностей в образовательной системе.

ABSTRACT

In historical development of society, there are transformations in political, economic, cultural life. The major place in system of values of the Russian society occupies education which is a part of culture. At all variety of values of their educational system it is possible to divide conditionally

into two main directions —pragmatical and humanistic. In dynamics of these directions changes of values in educational system are traced.

Ключевые слова: образование; ценностные основания; ценность; общество.

Keywords: education; valuable bases; value; society.

Проблема ценностных оснований образования как системы — это проблема взаимообусловленности ценностей с культурой, обществом и личностью. В основных подходах к пониманию ценностей разными авторами присутствует относительное терминологическое единство. Ценности понимаются как значимые для личности (т.е. необходимые для удовлетворения потребностей) предметы и явления окружающей действительности [9, с. 672]. Ценности играют определяющую роль в структуре бытия и характеризуют отношение элементов системы к фактам реальности. Образование как структурный элемент общества изучается философией, что способствует становлению философии образования как раздела аксиологии и включает в себя многие различные варианты решения задачи определения ценностных оснований его развития. Проблема образования как ценностной системы была поставлена уже в работах конца XIX века, но ее основательное изучение в зарубежной литературе развернулось с середины XX века.

Ценность чего бы то ни было — объекта, явления, отношения — определяется его значимостью для субъекта и только таким (субъективным) образом и существует [8, с. 34]. Важнейшей подсистемой личности является индивидуальная система ценностных ориентаций, создается и закрепляется жизненным опытом человека, всей совокупностью его переживаний, возникающих из его взаимодействия с внешним миром. Ценностная система способствует устойчивости личности, преемственности его поведения, определяет содержание мотивов, установок, интересов. Поэтому, в известном смысле, можно говорить о том, что целостность и устойчивость системы ценностей определяет социальную зрелость личности [7, с. 93]. Кроме того, ценности играют роль перспективных стратегических жизненных целей и главных мотивов поведения, они характеризуют нравственные позиции и принципы, поэтому каждое общество заинтересовано в том, чтобы люди придерживались той, а не иной ценностной системы.

Понятийное содержание образования как системы, качества как категории определяется возобладавшей в обществе системой

ценностей, т. е. ценностное содержание образовательной деятельности проявляется через основные главные, доминантные ценности. Но система образования и актуализированные ценности могут находиться в гармонии, а могут и противостоять друг другу. Поскольку категории ценности и цели часто упоминаются вместе, то необходимо прояснить сходство и различие в их употреблении. Ценность как субъективное отношение и цель как предполагающийся результат деятельности могут относиться к одним и тем же объектам, но находиться в различных плоскостях рассмотрения. Цели занимают подчиненное положение, т. е. ценности определяют цели [1, с. 173]. При всем многообразии ценностей образовательной системы их можно условно разделить на две основные группы — это ценности сохранения содержания существующей системы и ценности преобразования содержания системы.

В философии образования было в прошлом и есть в настоящее время много различных направлений и подходов, так или иначе получивших отражение в образовательной практике. Однако, если свести их к ценностным основаниям образования как системы, то можно сказать, что это — прагматическая и гуманистическая образовательные традиции [5, с. 323].

Одним из существующих ценностных оснований образования являются ценности консерватизма. Не будет преувеличением сказать, что социально-культурный консерватизм — одна из древних идеологий образования. Идеи, лежащие в основе этого направления, сводятся к рассмотрению образования как канала передачи культурных достижений из поколения в поколение. Главной ценностью образовательных систем, сложившихся в ранние времена, было сохранение культуры, поэтому цель образования, в контексте культурного консерватизма в адаптации к нормам, непреходящим стандартам, вечным истинам. Представители классического реализма в соответствии с образовательными ценностями верят в универсальность форм реальности и в то, что посредством познания человек ухватывает ее основные смыслы. Цель образования состоит в достижении основных ценностей — это внутренний духовный рост, развитие природы человека в направлении совершенствования «Я», роста самосознания и самореализации. Образование как всеобщий процесс высшего приспособления свободного сознательного человеческого существа к Универсуму должно было дать ему ощущение родства с бесконечным универсумом [4, с. 67]. Именно это объявлялось главной ценностью образования.

Следующим направлением в рамках философии образования являются взгляды, основанные на ценностях развития и роста. Сохранение традиционных культурных ценностей — это бесспорная и очевидная задача, поэтому многие современные направления в области философии образования, основываясь на традиционных ценностях, тем не менее, на первый план выдвигают ценности, которые актуализируются по мере общественного развития. Одним из таких направлений является экзистенциализм. В системе ценностей экзистенциализма главное место занимают свобода и ответственность. Человек как неповторимая уникальная субстанция всегда находится в становлении, отвечает за то, что он с собою сделал, а его свобода и ответственность за себя не имеют границ. В области образования, в соответствии с представлениями экзистенциалистов, человек — не объект управления, а сознательный субъект, который выбирает свое отношение к себе и миру, а выбор становится для экзистенциалиста главным аспектом человеческой жизни. Это значит, что главный результат или достижение цели образования — это самостоятельная человеческая личность. Образование становится процессом развития свободных, самоактуализирующихся личностей, поэтому организация образовательного процесса не создает необходимости в принуждении, поскольку человек сам выбирает и создает свою природу [3, с. 133]. Ценностным основанием образования в рамках экзистенциального направления являются не знания, а переживания, следовательно, задачи и цели образования — достичь способности к переживанию.

Следующим направлением в философии образования являются взгляды, в основе которых в качестве главной ценности выделено достижение психологической зрелости. Осуществляется этот тезис по глубинной психологии Фрейда, Юнга, Адлера, Салливена. Выработать позитивное самопринятие возможно только через познание самих себя. А для этого необходимо увести образование от фактов предметного содержания, логики и рассуждений к тому, что важно для личности, где скрыты человеческие мотивы и реальные стремления. Чтобы стимулировать процесс самораскрытия, необходимо актуализировать вопрос о личностном смысле в связи со всем, что человек пытается изучить. Сторонники этого направления призывают признать, что в традиционном образовании все время отдается безличностному предметному содержанию, но при этом ничего не делается для развития эмоционального потенциала [6, с. 78].

Существует еще одно направление в философии образования ценностным основанием, и целью которого является приспособление к жизни. Эта ценностная концепция подчеркивает, что образование

должно обеспечить приспособление незрелых еще членов общества к жизни. Сторонники этой концепции подчеркивают, что при современной динамике происходящих в обществе изменений система образования не может подготовить человека ко всем тем ситуациям, с которыми он встретится в будущем. Следовательно, субъекты социального взаимодействия должны уметь видеть в конкретных ситуациях жизни общую проблему, структурировать ее, чтобы иметь возможность адаптироваться к быстро меняющимся условиям социальной жизни.

Со второй половины XX столетия философы, психологи, обществоведы стали говорить о снижении уровня духовности людей. Прагматическая направленность обучения на сегодняшний день остается ведущей не только в США, но и в странах Европы. Практика обучения по индивидуальному познавательным траекториям опирается именно на принцип прагматизма. Результаты этой практики — утилитарный подход к действительности, узкий кругозор, сформированная склонность к углубленному изучению одной или ограниченного количества модели реальности и дальнейшему ее совершенствованию. В настоящее время широкое распространение получил, как один из аспектов прагматизма, компетентностный подход в обучении, разрабатываемый современной зарубежной и отечественной психолого-педагогической теорией.

На рубеже XX—XXI вв. широкое звучание приобрел тезис о смене технократической прагматически ориентированной образовательной парадигмы, отражающей реалии уже ушедшего индустриального общества, новой, гуманистической, которая отвечает вызовам постиндустриального общества и утверждающей создание педагогических условий для самореализации личности в качестве главной миссии образования [2, с. 26]. Однако казалось бы, отживающая свой век и уступающая свое место гуманистическому подходу прагматически ориентированная традиционная образовательная система получила неожиданное подкрепление со стороны методологически близкого ей по целям компетентностного подхода, принятого в качестве одного из основных ценностных оснований модернизации отечественного образования.

Список литературы:

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. — М.: Наука, 1977. — 269 с.
2. Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании проблемы интеграции. — М.: Логос, 2009. — 143 с.
3. Гершунский Б.С. Философия образования. — М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Изд-во «Флинта», 1998. — 432 с.
4. Долгов К.М. От Киркегора до Комю. М., 1991, С. 67—68.
5. Кинелев В.Г., Миронов В.Б. Образование, воспитание, культура в истории цивилизаций. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998. — 520 с.
6. Комиссарова Г.А. Образование как социокультурная ценность. — М.: Фон, 1998. — 248 с.
7. Непомнящая Н.И. Ценность как личностное основание: Типы. Диагностика. Формирование. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. — 117 с.
8. Сурина И.А. Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство: Вопросы теории и методологии. М., 1999. — 54 с.
9. Яковлев А.М. Социальная ценность // Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Изд-во ИСПИ РАН, 1995. — 880 с..

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫМИ ПОТОКАМИ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Макаренко Сергей Александрович

*старший преподаватель кафедры «Экономика и организация
производства», МГМУ «МАМИ»*

E-mail: samprepod@mail.ru

ISSUES TO IMPROVE THE SYSTEM OF MATERIALS MANAGEMENT IN ENGINEERING ENTERPRISES

Sergey Makarenko

Senior teacher of MGMU «MAMI»

АННОТАЦИЯ

Управление материальными потоками относится к наиболее сложным задачам управления предприятием. Такие факторы, как высокая неопределённость внешней среды, низкая хозяйственная дисциплина субъектов рынка, общая разбалансированность финансовой системы, а также учёт инвестиционных рисков при формировании запасов, должны быть учтены и отражены в системе управления материальными потоками на машиностроительном предприятии. В статье рекомендован функциональный подход для построения эффективной системы управления материальными потоками.

ABSTRACT

Materials management is among the most challenging tasks of management. Factors such as the high uncertainty of the environment, low economic discipline of market, the overall imbalance in the financial system and the accounting for investment risk in the formation of reserves, should be considered and reflected in the system of materials management at an engineering company. The paper recommended a functional approach to building an effective system of materials management.

Ключевые слова: управление материальными потоками; машиностроительное предприятие; логистический подход; функциональный подход.

Keywords: materials management; engineering enterprise; logistical approach; functional approach.

В настоящее время в Российской Федерации происходит качественное изменение подходов к управлению производством на промышленных предприятиях с учётом новых отношений между потребителями продукции и производством. Всё более актуальной становится проблема продвижения материальных потоков через стадии закупки, производства и сбыта продукции.

Для реализации задач управления материальными потоками должна быть создана эффективная система, основанная на принципах оптимизации управленческих решений, контроля состояния выполнения заказов, прогнозирования изменений потребностей рынка, синхронизации планов-графиков работы подразделений и т. д.

Одной из основных задач управления материальными потоками можно считать синхронизацию во времени процессов производства, поставки материалов и сбыта продукции. Механизм синхронизации материальных потоков состоит из следующих частей: принятие решений по оценке степени синхронности работ; процедура оптимизации материальных потоков, принципы и приёмы синхронизации деятельности.

На данный момент многие предприятия перешли на логистическую организацию деятельности промышленного предприятия. Логистическая модель предполагает осознанное управление деятельностью предприятия и формирование экономических потоков по критерию оптимальности, что, в свою очередь, даёт возможность применять инновационные методы в технологии и организации производства. Соответствие технологий движения ресурсов в экономических потоках предприятия важным элементом логистической организации деятельности. Кроме того, логистический подход предполагает, что производственная программа разрабатывается с учётом всех затрат в совокупности, то есть не только на производство, но также на снабжение и сбыт.

В соответствии с логистическим подходом к управлению материальными потоками выделяется шесть функциональных областей логистики: закупочная, производственная, распределительная, транспортная, складская и информационная. Между указанными функциональными областями существует определённая

взаимозависимость, поскольку они являются составляющими единой логистической системы.

В.Н. Стаханов и С.Н. Тамбовцев выделяют шесть основных характеристик (принципов) материального потока в промышленной логистике [9]:

1. **Транзитивность.** Прохождение материального потока обеспечивается в заданном направлении и объёме, при котором сохраняется траектория движения материального потока и поддерживается скорость движения.

2. **Коммутационность.** Параметры материального потока изменяются в соответствии с требованиями производства.

3. **Трансакционность.** Создаются условия для эффективного обмена товарно-материальными ценностями как внутри предприятия, так и за его пределами.

4. **Компенсаторность.** Сглаживаются негативные аспекты качественных и количественных характеристик потоков, а также нейтрализуется или преодолевается временное отставание.

5. **Координация.** Обеспечивается согласованное протекание материальных потоков относительно друг друга.

6. **Кастомизация.** Материальному потоку придаются свойства и характеристики, способствующие максимальному удовлетворению потребностей производственных звеньев.

На российских предприятиях данные принципы реализуются не в полной мере, например, трансакционность, компенсаторность и координация представлены довольно слабо, наряду с почти полным отсутствием кастомизации (решению данной проблемы при разработке эффективной системы управления предприятием необходимо уделить особо пристальное внимание). Данные условия вместе с повышенной нестабильностью экономической среды являются основной причиной неэффективного управления материальными потоками.

Неэффективность существующей системы управления материальными потоками на российских машиностроительных предприятиях заключается в высоких сопутствующих (дополнительных) издержках изменения выпускаемого продукта; на данный момент производство ориентировано на выпуск одной модели автомобиля без значительных модификаций и близко к конвейерному; таким образом, при обновлении какого-либо аспекта модели автомобиля будет временно приостановлено всё производство. Издержки на простой остальных этапов высоки, что нерационально и приводит к значительным материальным и финансовым потерям. Однако подобные задачи должны решаться внутри функционального

подразделения и не оказывать никакого влияния на остальные этапы производства.

Таким образом, объективно возникает задача совершенствования системы управления материальными потоками для повышения конкурентоспособности предприятия в рыночных условиях, улучшения его финансового состояния и повышения адаптивности процессов производства.

Процесс управления материальными потоками предприятия должен представлять собой логически обоснованную систему способов и методов воздействия на резервы предприятия, ориентированную на достижение его целей и обеспечивающую комплексный и гибкий производственный процесс.

Для решения насущных задач производства предприятие должно провести самоорганизацию и выделить в своём составе подсистемы, в рамках которых осуществляются определённые виды деятельности. При наличии одинаковых факторов и условий производства каждая из подсистем предприятия может функционировать с различной степенью эффективности, поэтому основной задачей организации производства на предприятии является обеспечение рационального сочетания всех факторов и видов деятельности предприятия как частей единой производственной системы.

Управление материальными потоками в данном ключе может рассматриваться как комплексная динамическая автономная подсистема, являющаяся структурным элементом системы более высокого уровня, которой является промышленное предприятие в целом. Такой подход позволяет не ограничивать управление материальными потоками рамками производственного процесса, а учитывать все его особенности на протяжении цикла выполнения заказов [2, с. 18].

Основные сферы управления материальными потоками включают в себя управление ходом и сроками выполнения производственных заказов, запасами в производстве, материальным обеспечением производства и распределением продукции.

Логистический подход к управлению материальными потоками основывается на реализации следующих принципов: интеграции всех звеньев материалопроводящей цепи; оптимизации организационных и управленческих решений по формированию материальных потоков; согласования процессов закупки материалов, производства и сбыта продукции. Таким образом, требования потребителя, касающиеся выполнения и поставки заказа с минимальными затратами

в нужное место и нужное время, должны реализовываться с использованием принципов производственной логистики.

Процесс производства на предприятии образует комплексную систему взаимодействия между всеми подразделениями. Эта система связана с внешней по отношению к ней средой совокупностью «входов» и «выходов». «Входы» — поступающие на предприятие для переработки сырьё, материалы и информация, в то время как «выходы» представляют собой уже результат выполнения процессов, получаемый в виде продукции или услуг. Сущность функционирования системы в данном случае сводится к движению материальных потоков, связанному с переработкой определённых «входов» для получения необходимых «выходов».

Логистическая схема управления материальными потоками на предприятии выглядит следующим образом (рис. 1.) [3, с. 36]:

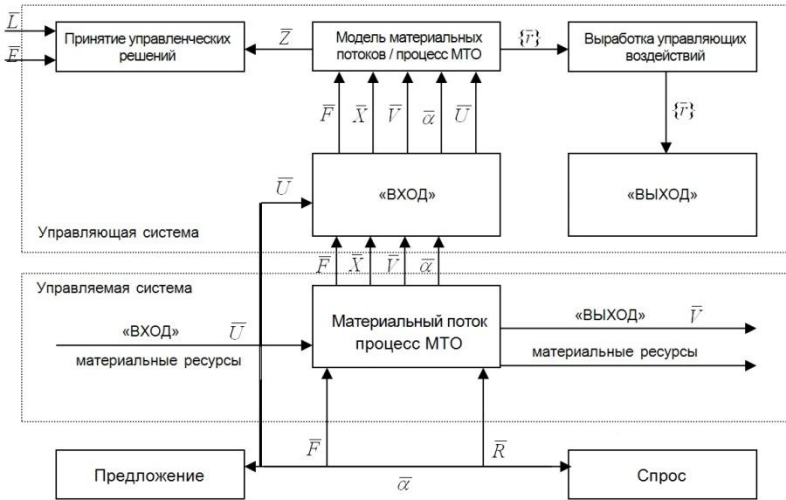


Рисунок 1. Схема управления материальными потоками

Дадим определение векторам, используемым в схеме (рис. 1):

- $\{\bar{r}\}$ — множество управляющих воздействий, основанное на принятых управленческих решениях;
- $\bar{\alpha}$ — соотношение спроса и предложения;
- \bar{E} — эффективность функционирования системы (минимизация затрат, оптимальное использование материальных ресурсов, коммерческий эффект и т. п.);

- \bar{F} — влияние внешней среды (информация, о работе других учреждений, которую необходимо учитывать в процессе управления материальными потоками);
- \bar{L} — экономические и правовые ограничения внешнего управляющего воздействия;
- \bar{R} — самоорганизация рыночного механизма;
- \bar{U} — «вход» в управляемой системе (наименование, характеристика и количество материальных ресурсов);
- \bar{V} — «выход» в управляемой системе (информация о материальных ресурсах: цены, объёмы, сроки поставок и т.п.);
- \bar{X} — состояние управляемой системы (объём и движение товарных запасов);
- \bar{Z} — принимаемые управленческие решения.

Как видно из приведённой схемы, каждому процессу соответствует определённый набор факторов и управленческих решений, влияющих на его дальнейшее развитие. По большей части формирование процессов управления материальными потоками как управляющей, так и управляемой системы зависит от влияния факторов внешней среды, выполняющих ограничительные (экономические и правовые) или регулирующие функции (соотношение спроса и предложения, оптимизация производства и т. д.) применительно к данным процессам.

Тем не менее, основными внутренними и внешними факторами, влияющими на формирование материального потока машиностроительного предприятия, должны являться факторы, связанные с обеспечением качества продукции и снижением сопутствующих транзакционных издержек. Именно в этом и заключается задача логистики, так как только за счёт согласованного действия всех структур предприятия возможно обеспечить эффективную реализацию его целей.

При всех неоспоримых преимуществах логистического подхода к управлению материальными потоками, применение такого подхода на практике выявляет ряд недостатков, мешающих его эффективному внедрению на российских промышленных предприятиях:

- желание поставщиков управлять своим сегментом запасов сильно осложняет обмен информацией между участниками логистической цепочки;
- ответственность за управление излишними запасами перекладывается на поставщика;
- бенефициар лишается части функций управления;

- для повышения эффективности работы компании приходится раскрывать свои внутренние резервы.

Чтобы обеспечить высокую эффективность и адаптивность производства в современных условиях, необходимо сформировать новые организационные процессы, пересмотреть традиционные методы управления производством и реализовать современные подходы к управлению материальными потоками с учётом принципов интеграции процессов производства и сбыта продукции. Для решения данной задачи рекомендуется применение функционального подхода к управлению материальными потоками, рассмотренного ранее.

Существующая система управления материальными потоками на машиностроительных предприятиях направлена на реализацию задач линейного производства, которое отличается низким уровнем адаптивности к изменяющимся условиям внешней среды и практически отсутствующими возможностями по обновлению продукта. Подобное управление материальными потоками снижает общую конкурентоспособность машиностроительных предприятий.

Эффективная система управления материальными потоками детерминирована возможностью преобразования внутренних факторов во внешние и изменением издержек управления на издержки контроля. Таким образом, функция управления материальными потоками должна заключаться в интеграции всех звеньев производственного процесса как единого целого, а также сокращении ресурсных и временных затрат, которые достигаются за счет оптимизации маршрутов и загрузки транспортных средств.

В связи с тем, что в современных реалиях изменение продукта происходит постоянно, в частности, обновление модельного ряда автомобилей происходит у значительной части производителей каждые 5 лет, можно утверждать, что каждый день производства, основанного на логистическом принципе управления потоками, снижает не только текущую эффективность компании, но и будущую. В данном случае наблюдается ситуация, при которой низкая скорость обновления продукции приводит в дальнейшем к значительным издержкам в производстве, связанным с затратами на формирование и содержание материальных запасов, а также общими издержками производства и обращения.

В современных условиях эффективная реализация логистического подхода к управлению материальными потоками на российских предприятиях осложняется отсутствием отлаженной системы поставок и доверенной сети поставщиков, а также отсутствием достаточного количества и качества пропускной способности

логистических каналов самих предприятий и регионов, в которых они расположены. Таким образом, территориально распределённое предприятие несёт большие потери, связанные с неоправданно завышенными временными интервалами перемещения грузов.

Невозможность комплексного применения данного подхода на всех предприятиях логистической цепочки затрудняет процесс планирования и принятия управленческих решений, сохраняя высокую вероятность появления неконтролируемых внешних воздействий на систему управления материальными потоками предприятия, к которым можно отнести разного рода скрытые потери, срыв сроков выполнения основного заказа и т. п.

Комплексное решение задач, позволяющих повысить качество управления материальными потоками, представляет собой сложную проблему, для решения которой необходимо учитывать жёсткие временные ограничения, возможность самостоятельной корректировки выполнения заложенных алгоритмов и рациональное использование транспортной системы предприятия.

Резюмируя вышесказанное, считаю, что разработка системы управления материальными потоками на машиностроительных предприятиях, позволяющая адаптировать производство к постоянному изменению продукции, обеспечивающая повышение эффективности производства и его внутреннюю мобильность, является важной научной и практической целью, реализованной им в последующих статьях. При этом прихожу к выводу, что для построения эффективной системы управления материальными потоками, адаптированной к условиям отечественной автомобильной промышленности, в качестве базового предлагается использовать функциональный подход.

Список литературы:

1. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. — М., 2011. — С. 19.
2. Воротникова Т.В. Система управления материальными потоками в производстве: Дис. ... канд. экон. наук. Воронеж. 2002. — С. 18.
3. Володина Е.В. Повышение экономической эффективности управления материальными запасами промышленного предприятия на основе логистической концепции: Дис. ... канд. экон. наук. Курган. 2008. — С. 36.
4. Ионов В.И., Макаренко С.А. Управление материальными запасами на машиностроительных предприятиях с позиций логистики. Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2009. Т. 1. № 2. С. 248—255.

5. Ионов В.И., Макаренко С.А. К вопросу об управлении информационными, материальными и сопутствующими потоками промышленных предприятий. Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2011. № 1. С. 247—253.
6. Рапопорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем. — М., 2007.
7. Родников А.Н. Логистика: терминология и издания, 2001.
8. Сергеев В.И. Логистика: аналитический обзор. — С.-Пб., 2006.
9. Стаханов В.Н., Тамбовцев С.Н. Промышленная логистика. — Ростов-на-Дону, 2008

МОТИВАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Морозова Ольга Васильевна

*канд. психол. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: ovm2210@gmail.com*

MOTIVATIONAL CHARACTERISTICS OF LEARNING ACTIVITIES OF STUDENTS

Olga Morozova

k.psihol.n., Associate Professor, Department of General and Educational Psychology, Vladimir State University, Vladimir

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются изменения в мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов факультета психологии на разных этапах обучения. Исследуются мотивация учения, профессиональной деятельности, мотивационная структура личности. Полученные результаты показывают сходство в мотивации студентов на 1—2 и на 4—5 курсах и различия между данными этапами обучения.

ABSTRACT

The article discusses the changes in motivation training and professional students of psychology at different stages of learning. Examines the learning motivation, professional, motivational personality structure. The results show similarities in motivating students on 1—2 and 4—5 courses and the differences between the stages of learning.

Ключевые слова: мотивация; мотивы; учебно-профессиональная деятельность; профессиональное становление.

Keywords: motivation; training and professional activity; professional development.

Одной из проблем оптимизации учебно-познавательной деятельности студентов является изучение вопросов, связанных с мотивацией учения. Мотивация учебно-профессиональной деятельности неоднородна, она зависит от множества факторов: индивидуальных особенностей студентов, характера референтной группы, уровня развития студенческого коллектива, этапа обучения в вузе, интереса к будущей профессии и т. д.

Ю.П. Поварёнков [2, 3] выделяет основные этапы, через которые проходит студент в период обучения в высшем учебном заведении: первый период — учебно-академический, 1—3 курсы. На этом этапе происходит преодоление школьной и приобретение студенческой идентичности; формирование академической формы учебной деятельности, актуализация учебно-познавательной мотивации профессионального развития как ведущей. Второй период — учебно-профессиональный, конец 3-го — 4 и 5 курсы. В этот период к личности и деятельности студента, в основном, предъявляются профессиональные требования, поэтому ведущими новообразованиями этого периода являются актуализация профессиональной мотивации, обретение элементов профессиональной идентичности, становление структуры профессионального интеллекта. Каждый из выделенных периодов делится на ряд фаз, анализ содержания которых раскрывает особенности профессионального развития студентов.

В процессе профессионального становления на этапе обучения в вузе студенты испытывают действия различных внешних и внутренних побудителей, которые могут противоречить друг с другом и с имеющимися целями личности. Такие факторы, как отсутствие ясных профессиональных перспектив, трудность нахождения работы по специальности, которая обеспечивала бы достойное существование, восприятие ее как социально неконку-

рентоспособной, могут выступать в качестве внешних демотиваторов, снижающих интерес к освоению выбранной специальности. Осознание своей профессиональной непригодности и неготовности, личностная незаинтересованность в будущей профессии могут стать внутренними демотиваторами, причиной разочарований в выбранной профессии, обучения по инерции, без активного творческого освоения профессии и, как следствие, низкого профессионализма будущего специалиста.

Применительно к учебной деятельности студентов в системе вузовского образования под учебно-профессиональной мотивацией понимается совокупность факторов и процессов, которые, отражаясь в сознании, побуждают и направляют личность к изучению будущей профессиональной деятельности [1]. Профессиональная мотивация выступает как внутренний движущий фактор развития профессионализма и личности, так как только на основе ее высокого уровня формирования возможно эффективное развитие профессиональной образованности и культуры личности.

В исследовании мотивационных характеристик учебно-профессиональной деятельности студентов — будущих психологов, проведенном совместно со студенткой 5-го курса факультета психологии Зотовой В.А., были использованы следующие методики [1]: «Исследование мотивации профессионального обучения» Каташева В.Г., «Мотивация обучения в вузе» Т.И. Ильиной, «Диагностика мотивационной структуры личности» Мильман В.Э., «Профессиональная мотивация учащегося» Верещагиной Л.А. В исследовании принимали участие 100 студентов 1—5 курсов факультета психологии Владимирского государственного университета.

Для студентов 1 курса характерен высокий уровень мотивации учения (50 % чел.). Так же для студентов актуальным является приобретение знаний (70 % чел.), овладение профессией (30 % чел.), а получение диплома на данном этапе обучения не значимо. Ведущими мотивами профессиональной деятельности являются мотивы социальной значимости. Студентам 1 курса присущ «общежитейский» мотивационный профиль. Ведущее место занимает общение (24,4 балла) и творческая активность (24,2 б.). Так же наблюдается высокий уровень проявления общей активности (17,9 б.). Менее значимыми в мотивационной структуре первокурсников являются такие показатели как социальный статус (16,7 б.) и социальная полезность (16,3 б.). Далее следуют показатель комфорта (15,3 б.) и жизнеобеспечения (11,8 б.).

Для студентов 2 курса характерен высокий уровень мотивации учения (55 % чел.). Так же для студентов актуальным является

приобретение знаний (85 % чел.), овладение профессией (15 % чел.), а получение диплома на данном этапе обучения не значимо. Ведущими мотивами профессиональной деятельности являются мотивы профессионального мастерства. Для студентов характерен «общежитейский» мотивационный профиль. Ярко выражено стремление к творческой активности (24,6 балла) и общению (32,2 б.). Далее предпочтительны социальная полезность (17,7 б.) и социальный статус (17,2 б.). Затем следуют показатель общей активности (15,4 б.) и комфорта (15,2 б.). Самым низким значением обладает показатель жизнеобеспечение (10,6 б.).

Для студентов 3 курса характерен нормальный уровень мотивации учения (45 % чел.), в то время как на 1 и на 2 курсе у студентов преобладает высокая мотивация учения. Видимо, 3 курс является каким-то переломным моментом в студенческой жизни. Значимыми являются приобретение знаний (35 % чел.) и получение диплома (35 % чел.), и чуть меньше овладение профессией (30 % чел.). Ведущими мотивами профессиональной деятельности являются мотивы социальной значимости. Для студентов характерен «общежитейский» мотивационный профиль. Ведущими мотивами являются творческая активность (24 балла) и общение (23,2 б.), а так же общая активность (21,6 б.). Близкими по значимости оказались такие показатели как социальная полезность (15,6 б.), комфорт (15,4 б.), социальный статус (15,2 б.) и жизнеобеспечение (11 б.).

Для студентов 4 курса характерен нормальный уровень мотивации учения (50 % чел.). Преобладает стремление получить диплом (50 % чел.), а затем уже желание приобрести знания (45 % чел.) и овладеть профессией (15 % чел.). Ведущими мотивами профессиональной деятельности являются мотивы профессионального мастерства. Для студентов характерен «общежитейский» мотивационный профиль. Наиболее значимыми являются общение (22,1 б.) и творческая активность (17 б.). Затем следуют социальный статус (16,5), социальная полезность (15,6 б.) и комфорт (15,3 б.). Наименьшие результаты принадлежат таким показателям как общая активность (13 б.) и жизнеобеспечение (12 б.).

Для студентов 5 курса характерен нормальный уровень мотивации учения (45 % чел.). Присуще стремление получить диплом (40 % чел.), затем уже желание приобрести знания (35 % чел.) и овладеть профессией (30 % чел.). Ведущими мотивами профессиональной деятельности являются мотивы самоутверждения в труде. Для студентов характерен «общежитейский» мотивационный профиль. Наибольшую значимость имеют такие показатели как общение

(22,7 б.) и творческая активность (17,9 б.). Далее по значимости идут комфорт (15,1), социальный статус (14,6), социальная полезность (13,6 б.), общая активность (13 б.) и жизнеобеспечение (10,3 б.).

Проведенная с помощью U-критерия Манна — Уитни оценка полученных различий подтвердила их достоверность, что позволяет нам сделать следующие выводы по итогам реализованного исследования.

Таким образом, в результате исследования было выявлено сходство мотивации учения, значимых мотивов обучения между 1 и 2 курсом, и 4—5 курсом. Что касается 3 курса, то он является переломным в жизни студентов, происходит снижение мотивации обучения и меняются доминирующие мотивы. Для студентов 1 и 2 курса факультета психологии характерен высокий уровень мотивации учения, в то время как для студентов 3—5 курсов — нормальный уровень. Возможно, это связано с тем, что к концу 3 курса и дальше происходит ориентация студентов на послевузовскую профессиональную жизнь, что приводит к смещению интереса с учебной деятельности на профессиональную — уже идет активный поиск и реализация себя в позиции специалиста. Многие студенты уже работают по специальности или в смежных областях. Читаемые курсы начинают оцениваться «с профессиональной точки зрения» и соответственно учебные дисциплины, получаемые знания уже дифференцируются по значимости для будущей (или настоящей) профессиональной деятельности.

Для студентов 1—3 курсов преобладающим мотивом является приобретение знаний, затем овладение профессией, а получение диплома приобретает актуальность только на 3 курсе. Возможно, это связано с тем, что для студентов на первом этапе обучения актуальным является успешная адаптация к требованиям учебной деятельности в университете, к студенческой жизни в целом, к студенческой группе и к позиции студента. Для студентов 4—5 курсов, наоборот, преобладающим мотивом является получение диплома, затем приобретение знаний и лишь потом — овладение профессией. Это может быть связано с близостью окончания обучения в университете, когда студент, как говорится, «работает на диплом». Так же к этому времени некоторые студенты могут испытывать разочарование в выбранной профессии и не связывать свое будущее с профессиональной деятельностью в области психологии. Кроме того, многие студенты уже работают по специальности и, таким образом, мотив овладения профессией уже удовлетворен или несколько снизил свою актуальность. Для студентов 1—3 курсов среди мотивов

профессиональной деятельности актуальными являются мотивы социальной значимости. У студентов 2 и 4 курсов преобладающим мотивом являются мотивы профессионального мастерства, для студентов 5 курса значимыми мотивами являются мотивы самоутверждения в труде. Данная смена мотивов может свидетельствовать об изменении представлений о профессии и ее роли в обществе. Но самое главное — изменяются представления о себе как профессионале: происходит переход от внешних характеристик (социальная привлекательность профессии) к внутренним (мастерство, самоутверждение, самореализации).

Для студентов всех курсов характерен «общежитейский» мотивационный профиль. Преобладающими компонентами являются общение и творческая активность. Причем наблюдается некоторое снижение данных показателей от курса к курсу (общение с 24,4 до 22,7, а творческая активность с 24,2 до 17) Так же происходит снижение показателя социальной полезности (с 17,7 до 13,6) и общей активности (исключение — студенты 3 курса имеют самый высокий показатель общей активности 21,6). В целом, можно отметить, что и общение, и творческая активность являются необходимыми условиями овладения профессиональной позицией психолога, и средствами саморазвития как в профессии, так и в личностном плане.

Т. о., в результате проведенного исследования мы видим, что для студентов на разных этапах обучения характерны различия в мотивационных характеристиках учебно-профессиональной деятельности, связанные с изменением отношения к выбранной профессии, изменениями в учебно-воспитательном процессе в вузе, изменением семейного положения студентов и рядом других факторов, изучение которых представляет безусловный интерес.

Список литературы:

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2004. — 534 с.
2. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. — М.: Изд-во УРАО, 2002.
3. Поваренков Ю.П. Основные тенденции профессионального развития человека на стадии обучения в вузе//Ярославский психологический вестник. — 2002. — № 9. — С. 68—73.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ГАЯЗА ИСХАКИ «НИЩЕНКА»

Никишина Светлана Раданисовна

*канд. филол. наук, доцент Казанского федерального университета,
г. Елабуга*

E-mail: radanisovna@mail.ru

IDEOLOGICO-ARTISTIC PECULIARITIES OF GAYAZ ISHAKY'S NOVEL "THE BEGGAR MAID"

Svetlana Nikishina

*Candidate of Science, assistant professor of Kazan Federal University,
Elabuga*

АННОТАЦИЯ

В статье речь идет о критической направленности творчества татарского писателя Гаяза Исхаки. В его романе «Нищенка» поднимается не только проблема возрождения личности, но и возрождения целой нации, проблема коренного изменения жизни всего общества. Тема женской эмансипации предстает здесь в своем новом содержании.

ABSTRACT

The article focuses on the critical orientation of the works written by the Tatar author Gayaz Iskhaky. In the novel "The beggar maid" not only the problem of personal revival is raised but also the problems of national renaissance and radical changes in the lives of the society. The theme of women's emancipation appears here in its new meaning.

Ключевые слова: критический реализм; гражданская позиция; женская эмансипация; нравственное возрождение.

Key words: critical realism; civil standpoint; women's emancipation; moral revival.

Формирование критического реализма в Европе принято относить к тридцатым годам XIX столетия. В России критический реализм возник в период кризиса самодержавно-крепостного строя и представлял собой реакцию на демократические преобразования

в жизни общества. Мощные социальные явления активизировали стремления передовых писателей к объективному отражению социальных противоречий и исторического прошлого.

Огромную роль в становлении метода критического реализма сыграли философские и критические труды Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Для того чтобы отрешиться от романтически-возвышенного восприятия жизни «нужно было», — отмечал Белинский, — «обратить все внимание на толпу, на массу, изображать людей обыкновенных, а не приятные только исключения из общего правила, которые всегда соблазняют поэтов на идеализирование и носят на себе чужой отпечаток» [1, с. 294].

Крупнейшие русские писатели реалистического направления такие, как Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Гончаров, Толстой, Чехов с большой глубиной раскрывали противоречия крепостной России. В отличие от писателей-романтиков критические реалисты показывают не только внутренний мир человека, но и окружение его — предметный мир, который берется в реальной связи с судьбами людей.

Следовательно, выдающимся художественным достижением писателей-реалистов является возможность проникновения во внутренний мир человека, причем мысли и переживания героев подаются не изолированно от реальной жизни, а соотносятся с реальной средой. В центре внимания критических реалистов оказывается стремление к подлинно реалистической объективности художественного отражения жизни.

Становление метода критического реализма в татарской литературе шло в ходе развития ряда других художественных направлений таких, как просветительский реализм, романтизм. Одновременно происходило и формирование татарской литературной критики. Критические реалисты начала XX века считали, что литература должна быть точным отражением действительности, быть «зеркалом жизни». Это требовало от писателей глубокого проникновения в мир человеческих мыслей, чувств и переживаний, а характер персонажей рассматривался всесторонне, исключая принцип деления на «хорошее» и «плохое».

Освещение жизненно важных проблем нравственности и морали явилось потребностью самой эпохи. Все животрепещущие проблемы, освещаемые писателями просветительского и романтического направлений, по новому проявились в интерпретации критических реалистов. Теперь они не ограничивались внешним описанием

поведения и поступков человека, а стремились к правдивости и глубине в процессе художественного освоения мира.

Социально-экономические преобразования в России не могли не сказаться на жизни татарского народа. Начало XX века ознаменовалось бурным развитием национально-освободительного движения в татарском обществе, зародившемся под влиянием Первой русской революции 1905 года. Невиданный подъем в это время переживает новая татарская литература, которая выдвигает целую плеяду выдающихся писателей таких, как Г. Тукай, Ф. Амирхан, Ш. Камал, С. Рамиев, Г. Исхаки, Г. Ибрагимов и др. Воспитанные на просветительской идеологии, на раннем этапе своего творчества они продолжили и развили идеи просветительского реализма, уделяя большое внимание просвещенным «идеальным» героям, которым присущи огромный патриотизм и гражданственность.

Татарская литература положительно воспринимала богатый опыт восточной классической литературы, была ветвью мусульманской культуры. Сохраняя и развивая национальные традиции, она обратилась к творческим завоеваниям западноевропейской цивилизации. Художественный опыт Чехова, Гоголя, Тургенева, Толстого содействовал дальнейшему обогащению татарской литературы эстетическими идеями великих русских реалистов.

В этот период шел интенсивный поиск новых художественных приемов отражения жизни, а также усилился интерес к русской литературе, особенно к произведениям критических реалистов.

Критическая направленность творчества реалистов особенно ярко проявилась в произведениях татарских писателей начала XX века. Писатели-реалисты не ограничивались внешним описанием поведения и поступков человека, а стремились к правдивости и глубине в процессе художественного освоения мира. Следовательно, для писателей данного направления характерно исследование внутреннего мира человека в реальной связи с жизненной средой и обстоятельствами.

Сохраняя приверженность традициям предшествующей национальной литературы, писатели-реалисты стремились к новому образу жизни и к новой национальной культуре, рассматривая литературу как средство познания и преобразования действительности. Новая литература являла собой новую ступень просветительства, рядом с которым развивался и действовал вновь появившийся метод критического реализма. Одновременно рядом с этими методами существовал и романтизм.

Однако следует отметить, что становление критического реализма в татарской литературе было трудным процессом. Рядом с новым методом полноправно действовали такие направления, как просветительский реализм и романтизм. Следовательно, молодая татарская литература не была монополией критического реализма. Конечно, писатели-реалисты использовали положительные традиции предшественников. Но, поднимая насущные проблемы современности, они основывались на реалистических принципах изображения характера персонажа и отображения действительности.

Таким образом, татарская литература начала XX века сохранила богатый опыт предшествующей национальной литературы и впитала в себя традиции мирового реалистического искусства, выражая, прежде всего общегуманистические принципы и тенденции.

Наиболее убедительным доказательством тому служит творчество Гаяза Исхаки, чьи художественные искания проникнуты глубокой верой в человека и его будущее. Идеи обновления социальной жизни неизменно привлекали к себе его пристальное внимание. Писатель возлагал большие надежды на развитие нравственного самосознания общества, болел душой за новое поколение, хотел видеть его в неустанной деятельности на благо общества и народа. Тесно сближая литературное творчество с реальной жизнью и чутко откликаясь на актуально злободневные вопросы действительности, писатель продолжил лучшие традиции национальной самобытной литературы. Он создал произведения огромного социально-нравственного значения.

В годы советской власти творчество Гаяза Исхаки считалось антисоветским, а на имени писателя было клеймо «врага народа». В своих произведениях он затрагивал проблему насильственного уничтожения татарской нации. В религии он видел способ консолидации народов, подчеркивал ее важную роль в деле воспитания подрастающего поколения.

Особое место в творчестве Г. Исхаки занимает тема женской эмансипации, особенно актуальная для татарской литературы начала XX века. Одним из важных свойств творческого метода писателя является его умение передать духовный мир униженных людей, раскрыть их непростую психологию, акцентируя при этом внимание на том, что в несчастьи этих людей прежде всего повинно общество. Г. Исхаки, рассматривая проблему женской эмансипации, активно выступал за создание необходимых социальных условий, которые позволили бы женщине проявить себя как личность.

Эта животрепещущая проблема поднята в романе Г. Исхаки «Нищенка» (1907—1914). По мнению академика Ф. Мусина, данное произведение — «более подробная иллюстрация некоторых проблем, поднятых в программном произведении «Исчезновение через 200 лет» [4, с. 39]

В романе «Нищенка» описывается жизнь девушки Сагадет, рано оставшейся без родительской опеки, ее несчастья после греховного падения и история ее воскрешения со дна жизни. По утверждению Г. Исхаки, этого может достичь человек, лишь обладающий высокой нравственностью и честью. Именно этими моральными качествами обладает главная героиня повествования Сагадет.

Писатель очень тонко раскрывает психологию бедных людей, оказавшихся на дне жизни. Исследователи творчества Г. Исхаки (Дж. Валиди, Г. Ибрагимов, Ю. Нигматуллина) отмечали схожесть некоторых эпизодов романа «Нищенка» с пьесой М. Горького «На дне». Четко прослеживается общность этих произведений в освещении актуальных вопросов неблагополучия социального строя того времени. Описание мира отверженных — это своего рода обвинение несправедливым и бесчеловечным условиям жизни социальных низов, всему общественному строю того времени. Автор вводит читателя в мир нищих и обездоленных. Он находит столь естественные и живые краски, такие слова и выражения, что его герои, несмотря на царящие вокруг грязь и нищету, получаются чистыми и притягательными, наделенными высоконравственными человеческими качествами.

Сагадет окружают люди, многие из которых не потеряли этих свойств характера; именно эти «отверженные» помогли ей похоронить родителей и делились с ней последним куском хлеба.

Сагадет осталась одна перед жестокой жизнью, открывшейся с другой неизвестной стороны. Она в полной мере познала страдания, нищету, голод, постепенно убеждаясь в несостоятельности ее прежних наивных представлений о действительности. Так девушка стала нищенкой. Ее и без того незавидное положение усугубила встреча с Абдуллой, человеком без чести и совести.

Абдулла — типичный представитель буржуазного сословия, характеристика которого в произведении вполне отчетлива. Автор раскрывает всю бездуховность, пошлость и беспринципность этого человека, для которого деньги являются основным мерилом достоинств человека и которому ничего не стоит воспользоваться женской беспомощностью. Сагадет оказалась в роли жертвы и не нашла в себе силы к сопротивлению. Оставаясь в душе чистой

и непорочной, она стала для окружающих пропащей женщиной. В ее душе происходит сложная духовная эволюция. Она отчетливо понимает, что у нее нет возврата к прежней жизни.

Сюжет «Нищенки» немного напоминает сюжет романа Л. Толстого «Воскресенье», героиня которого, Катюша Маслова, совершенно разочаровалась в жизни после предательства Нехлюдова, человека, которого искренне полюбила и полностью доверилась.

Аналогичная ситуация была и у Камер, героини рассказа Г. Исхаки «Девушка, шьющая тюбетейки». Оказавшись жертвой обмана приказчика Вафы, Камер, девушка с мягким безвольным характером, не имея никаких нравственных ориентиров и никакой моральной поддержки со стороны родной матери, постепенно скатывалась все ниже, пока окончательно не превратилась в падшую женщину, всеми отверженную и презираемую.

Социально-нравственные проблемы общества были в то время традиционны для татарской литературы. Г. Исхаки был одним из тех, кто поднимал проблемы негативного отношения к людям, оказавшимся на низшей ступени деградации, и изображал такие неприглядные явления, как алкоголизм, проституция, прелюбодеяние. Писатель стремился показать, как происходит нравственное падение человека, передавая при этом его личные мысли и переживания.

Подвергая своих героев духовным испытаниям, писатель призывает задуматься над тем, как теряются нравственные ценности, как происходит ломка моральных барьеров личности. При этом он открыто призывал и к освещению деликатной проблемы, затрагивающей сферу интимных отношений в семейной жизни. В ответ на это в адрес писателя обрушились обвинения в том, что в его произведениях содержатся растлевающие молодежь элементы порнографии.

Г. Ибрагимов, например, назвал произведения Г. Исхаки «Жизнь ли это», «Шакирд абый» и «Испорченный плод» порнографическими. Противоположное мнение имелось у И. Бикташева, считающего, что автору удалось мастерски раскрыть неприглядные социальные явления. При этом он подчеркнул, что данные явления имеют место не только в татарском обществе. Они отражены в произведениях таких выдающихся русских классиков, как Куприн, Горький и других. К мнению И. Бикташева присоединился Дж. Валиди, назвав повесть «Жизнь ли это?» «современным высокохудожественным произведением, имеющим глубокий смысл и содержание» [3, с. 430]

Женщины, попавшие на панель, обычно отвергнуты обществом. Тем более если речь идет о мусульманке. Г. Исхаки тоже считал

проституцию тяжким грехом, но при этом утверждал, что виновны не только люди, но и в большей степени условия, в которых они живут. Обвиняя Абдуллу, писатель обвиняет всех ему подобных, раскрывая бездуховность и беспринципность таких людей. Его произведения звучат призывом к избавлению от этих пороков. Читатель задается вопросами: где правда? кто прав? кто виноват? За частным конфликтом Абдуллы и Сагадет проступает более существенный — конфликт между классом богатых, властвующих и классом бедных, поработанных.

Активный сторонник демократии и национального прогресса, Г. Исхаки всячески поддерживает демократические силы в современном ему татарском обществе. Подвергая нравственному испытанию саму эпоху и ее молодые силы, писатель становится обвинителем эпохи, всего общественного уклада и выдвигает на первый план молодое поколение, как единственно способное перестроить жизнь.

Ярким представителем передового класса интеллигенции является в романе Мансур Алаяров. Он полон духовных исканий и размышлений о смысле жизни. Как и многие другие исхаковские герои, одержимые идеями новой жизни, подлинной образованности и культуры, Мансур понимает необходимость приобщения к русской литературе. В немалой степени этому способствуют произведения классиков русской культуры. Образ жизни, мысли и поступки Мансура — это образ жизни нового человека — интеллигента-демократа. Характер его не описывается автором, а показывается посредством взаимоотношения героя с окружающей средой и людьми. Автор наделяет Мансура способностью положительно влиять на людей, наделенных резко отрицательными чертами.

Нужно отметить, с какой поразительной художественной пронизательностью Гаяз Исхаки рисует жизнь несчастных обитательниц притонов и домов терпимости, которые совершенно перестали видеть отвратительность и унижительность своего положения.

Казалось бы, Сагадет должна смириться со своим незавидным положением, как смирилось бы большинство женщин. Но вопреки философии фатализма, Г. Исхаки придает огромное значение субъективному началу жизни, человеческому «я».

Сагадет, к счастью, недолго пробыла в публичном доме и еще не успела утратить живость натуры. В ее жизни начинается новый, не менее сложный этап жизни. Она выходит замуж за Абдуллу. Сагадет усердно занимается русским языком и добивается блестящих результатов. Она постоянно работает над собой, много читает

и размышляет. Нравственное возрождение Сагадет изображено в романе как медленное выздоровление.

Автор постепенно подводит читателя к мысли, что его героиня, несмотря на заблуждения и ошибки, все же нашла в себе силы для нравственного возрождения. И способствовали этому ее воля, стремление к свободе, желание освободиться ото лжи, жизненные обстоятельства и самое главное — люди, окружающие ее. Благодаря Мансуру, Сагадет нравственно совершенствуется и постепенно превращается в активного борца за свободу.

Со временем между Сагадет и Абдуллой возникает и зреет серьезный нравственный конфликт, раскрывающий духовный мир каждого из героев. Постепенно выясняется, что они чужие друг другу люди. Если Сагадет волновали вопросы улучшения жизни народа, то Абдуллу больше всего беспокоило личное благополучие. Теперь он горько сожалел, что женился на Сагадет, вместо того, чтобы составить выгодную партию дочери богатого купца. Перед нами предстает человек, обуреваемый низменными страстями.

Автор не скрывает презрения к этому герою, выражая безжалостный правдивый приговор Абдулле и ему подобным. Он противопоставляет миру господ и баев простых людей, который включает в себя бедных и отверженных, но ищущих справедливой жизни людей.

В образе Сагадет воплощены многие черты, позволяющие отнести ее к разряду новых людей с прогрессивными демократическими убеждениями. Она — исключительный персонаж, не похожий на образ татарской девушки того времени. Разрушая вековые традиции и пренебрегая велениями старотатарского общества, она выбирает путь свободного определения своего будущего.

Изображение личности героини, ее духовного развития автор дает с раскрытия противоречий между внутренней нравственной сущностью и образом ее жизни.

Г. Исхаки не признавал узкие рамки официальных религиозных представлений, смело разрушая эти догмы и ограничения своим творчеством. Показывая нравственное пробуждение Сагадет, он призывает женщин к духовному раскрепощению.

В «Нищенке» можно выявить близость к ситуации нравственного суда и духовного испытания в толстовской интерпретации. Л. Толстой стремился к разрешению моральных проблем путем нравственного совершенствования личности. В его романе «Воскресенье» острой критике подвергаются нравы и порядки общества того времени. Обличительный дух этого романа силен. Образы главных героев

раскрываются в неразрывной связи с основными социально-политическими вопросами.

В романе «Нищенка» также поднимается не только проблема возрождения личности, но и возрождения целой нации, проблема коренного изменения жизни всего общества. Как мы видим, проблемы нравственности, образования, воспитания решались в тесной взаимосвязи с жизненно важными проблемами татарского народа. Освещение этих проблем явилось потребностью самой эпохи.

В образе вольнолюбивой татарской женщины Сагадет читатель видит, как просыпаются ростки будущего нового татарского общества. С развертыванием в романе темы нового мира появляется тема нового человека, а также тема борьбы за свободу собственного народа. А тема женской эмансипации предстает здесь в своем новом содержании.

Анализируя роман Г. Исхаки «Нищенка», Ф. Мусин подчеркивает, что «проблема идеала женщины, которую начали поднимать просветители в татарской литературе XIX столетия, по-новому освещена в «Нищенке». Как известно, во многих случаях (например, в произведениях М. Акджигита, З. Хади или в первом варианте романа Г. Ибрагимова «Судьба татарки») можно говорить о попытках избавления татарской женщины от гнета семьи и рабских обычаев, о попытках добиться независимости — именно это показано как идеал. Что же касается Г. Исхаки, то он этот идеал обогащает социальным содержанием. Иначе говоря, мало того, что Сагадет независима и свободна и что она сознательная и свободная личность, он хочет показать усилившееся в начале XX века присущее татарам всеобщее стремление к служению жизненной идее» [4, с. 101]

Все животрепещущие проблемы, освещаемые демократическими писателями того времени, по новому проявились в интерпретации Г. Исхаки. До него не было в татарской литературе произведений, где столь ровно и положительно было отношение к женщине. Чтобы прекратить вырождение нации, Исхаки предлагает следующий путь — повысить роль женщины в жизни общества, аргументируя это тем, что девушки станут матерями и будут воспитывать будущих мужчин. Следовательно, те, кто выступают против женского равноправия — жестоко ошибаются.

Роман «Нищенка» был высоко оценен известными учеными-литературоведами. В частности, вот что пишет о нем Дж. Валиди:

«Гаяз-эфенди в «Нищенке» еще более достоверно обнажает болезни нации. Мы видим мир, где сосуществуют разврат и добродетель. Наша религия и мораль не могут воспрепятствовать тому, что праздная жизнь людей в богатстве ведет на путь разврата

и нищеты, которые, прикрываясь маской добродетели, лишь играют в невинность и целомудрие» [2, с. 73]

Конфликт человека со средой всегда занимал писателей-реалистов. Особое внимание уделялось ими изображению внутреннего мира человека, находящегося в антагонизме с окружающей средой и являющемуся частью реального мира.

Несомненно, что нелегко воссоздать содержание психологии человека, передать всю глубину его чувств и переживаний. Реалистически достоверно изображает писатель нравственные искания своих героев, что придает реализму Г. Исхаки подлинно психологический характер.

Список литературы:

1. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 10. Статьи и рецензии 1846—1848 — М.: Издательство Академии наук СССР, 1955 . — 474 с.
2. Валиди Дж. Гаяз эфенди// Мирас. 1996, № 7,8.
3. Исхаки Г. Сочинения в 15 томах. Т. 2 — Казань: Тат.кн.изд-во, 1999.— 464 с.
4. Мусин Ф.М. Гаяз Исхакий (Тормышы һәм эшчәнлеге). — Казан: Тат. кит. нәшр., 1998. — 172 б.

**АНАЛИЗ УРОВНЯ
ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ
КАК ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)**

Сафиуллин Марат Рашитович

*д-р экон. наук, профессор, директор ГБУ
«Центр перспективных экономических исследований Академии наук
Республики Татарстан»,
г. Казань
E-mail: Marat.Safiullin@tatar.ru*

Шакирова Алина Ильдаровна

*аспирант ГБУ
«Центр перспективных экономических исследований Академии наук
Республики Татарстан»,
г. Казань
E-mail: Shakirova.Alina@tatar.ru*

Ельшин Леонид Алексеевич

*канд. экон. наук, ст. науч. сотр. ГБУ
«Центр перспективных экономических исследований АН РТ»,
г. Казань
E-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru*

ANALYSIS OF THE LEVEL OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE REGION OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT AS A FACTOR INNOVATION DEVELOPMENT

Marat Safiullin

*PhD, Professor, Director of Center for Advanced Economic Research
Academy of Sciences of the Republic Tatarstan, Kazan*

Alina Shakirova

*Graduate student, Center for Advanced Economic Research Academy of
Sciences of the Republic Tatarstan, Kazan*

Leonid Elshin

*Ph.D, Senior researcher Center for Advanced Economic Research Academy
of Sciences of the Republic Tatarstan, Kazan*

АННОТАЦИЯ

В данной статье определено место Приволжского федерального округа в Российской Федерации в контексте инновационного и инвестиционного развития. Выделен ряд инвестиционных преимуществ округа по сравнению с другими округами. Проведен анализ динамики инвестиционного развития округа в разрезе регионов.

ABSTRACT

This article defines the place of the Volga Federal District of the Russian Federation in the context of innovation and investment development. Identified several investment advantages district compared to other districts. The analysis of dynamics investment development in the region by region.

Ключевые слова: инвестиционная активность; инновации; региональное развитие.

Keywords: investment activity; innovation; regional development.

В Приволжском федеральном округе (ПФО) сосредоточена треть инновационно-активных предприятий России и 41 % объема российского экспорта технологий, а объем инвестиций в экономику ПФО составляет 15,3 %

всех инвестиций России [2]. Отличительной характеристикой структуры валового регионального продукта Приволжского

федерального округа является высокая доля обрабатывающих отраслей — 23 % (по России — 17,7 %), а также добычи полезных ископаемых — 12,3 % (по России — 10,5 %). Именно поэтому анализ инвестиционной активности регионов ПФО становится актуальным вопросом в рамках решения задачи устойчивого развития Российской Федерации в целом.

В качестве объекта исследования с учетом стратегической значимости в РФ выбран ПФО.

Очень важным инвестиционным преимуществом ПФО является развитое в его пределах (по российским меркам) транспортная инфраструктура. Только в Центральном и Южном федеральных округах плотность железнодорожных путей общего пользования выше. Плотность железнодорожных путей общего пользования в ПФО в 2010 г. составила 142 км на 10 000 кв. км территории (это в два раза больше, чем в Северо-Западном регионе), плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием — 150 км на 1 000 кв. км территории (3 место в РФ).

ПФО обладает целым рядом инвестиционных преимуществ по сравнению с другими российскими округами:

1. Развитая промышленность — 2-е место по обрабатывающим производствам и производству (22,9 % по предварительным данным 2011 года) и распределению электроэнергии, газа и воды (19,2 %).

Это открывает большие возможности для иностранных игроков разных отраслей промышленности по реализации новых brownfield и greenfield проектов.

2. Большой потребительский рынок (18,1 % по предварительным данным 2011 года) — 2-е место среди федеральных округов по объему розничной торговли.

Этот рынок, по всем прогнозам, будет уверенно расти в среднесрочной перспективе в связи с национальным и местным экономическим ростом и увеличением доходов населения.

3. Развитая транспортная и энергетическая инфраструктура — 3-е место среди федеральных округов по плотности автомобильных и железных дорог.

Это обстоятельство очень важно для российских условий, поскольку слабое развитие инфраструктуры часто является одним из основных препятствий для реализации в России новых крупных инвестиционных проектов.

4. Низкие операционные издержки бизнеса по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом.

Даже в крупнейших городах ПФО цены на землю, офисные и складские помещения значительно ниже, чем в Санкт-Петербурге и, тем более, в Москве. Существенно ниже в ПФО и стоимость рабочей силы. Немаловажна также близость административного центра ПФО — г. Нижний Новгород — к российской федеральной столице Москве.

5. Развитое сельское хозяйство — 1-е место среди федеральных округов по объему сельскохозяйственного производства

Это открывает большие возможности для реализации новых инвестиционных проектов в пищевой промышленности — одной из наиболее привлекательных для иностранных инвесторов отраслей российской экономики.

Кроме этих основных, по мнению авторов, преимуществ в ПФО нужно отметить также значительный экспортный потенциал экономики (3-е место среди федеральных округов по объему экспорта), большие объемы строительства и инвестиций в основной капитал и относительно развитый малый бизнес. Наконец, важно подчеркнуть, что экономика ПФО обладает значительным инновационным потенциалом — в пределах ведущих промышленных агломераций достаточно развита R&D инфраструктура, крупнейшие университеты ПФО высоко котируются на национальном уровне.

Оценка инвестиционной привлекательности ПФО приводится в настоящей работе в соответствии с данными агентства «Эксперт» и включает в себя две основные составляющие: оценку инвестиционного потенциала и оценку инвестиционного риска.

Таблица 1.

**Инвестиционный потенциал и риск регионов ПФО
в 2010—2011 гг.**

Ранг потенциала	Ранг риска	Регион (субъект федерации)	Ранги составляющих инвестиционного потенциала в 2010—2011 годах									Изменение рангов 2010—2011 годов к 2009—2010 годам	
			Трудовой	Потребительский	Производственный	Финансовый	Институциональный	Инновационный	Инфраструктурный	Природноресурсный	Туристический	Ранги потенциала	Ранги риска
7	9	Республика Татарстан	8	7	6	8	5	4	21	40	5	0	-3
8	17	Самарская область	6	9	11	10	9	8	17	47	17	5	21
9	12	Республика Башкортостан	11	6	9	7	13	18	44	22	7	0	-7
11	49	Пермский край	19	13	8	13	14	12	59	6	11	0	-3
13	59	Нижегородская область	10	11	13	12	10	5	29	56	12	-5	-20
21	19	Саратовская область	15	21	27	22	19	24	28	38	27	1	1
29	18	Оренбургская область	28	26	24	20	27	40	37	21	30	-1	-1
40	64	Удмуртская Республика	31	33	38	36	34	27	35	65	52	-1	-14
44	65	Чувашская Республика	34	53	48	55	47	23	13	78	46	-2	-13
51	25	Ульяновская область	35	40	49	47	43	34	31	53	61	2	6
52	46	Пензенская область	36	35	53	45	46	29	38	54	55	-2	-21
58	55	Кировская область	44	41	47	44	40	45	63	51	40	-1	7
66	60	Республика Мордовия	52	69	58	68	66	46	33	63	60	0	-24
71	69	Республика Марий Эл	65	71	67	72	67	68	57	43	70	0	-3

Обращает на себя внимание очень высокая корреляция инвестиционного потенциала волжских регионов и текущего размера их ВРП. Регионы-лидеры по ВРП лидируют и по инвестиционному потенциалу. Республика Татарстан, Самарская область и Башкортостан входят в первую российскую десятку по большинству составляющих инвестиционного потенциала. Высокие позиции занимают также Пермский край и Нижегородская область. Для лидирующих регионов ПФО характерны высокие показатели по природно-ресурсному, производственному, финансовому, инновационному и потребительскому факторам инвестиционной оценки.

Потоки капиталобразующих инвестиций в 2011 году в целом по округу выросли до 1,68 трлн. руб., превысив их докризисный уровень 2008 года (1,46 трлн. руб.) на 15,8 %.

Темпы роста инвестиций в основной капитал по округу увеличились: индекс физического объема инвестиций достиг 107,5 % в 2011 году (105,7 % в 2008 году).

Общий объем иностранных инвестиций составил почти 7 млрд. долл. В структуре иностранных инвестиций, поступивших в Приволжский федеральный округ, 22,9 % составляют прямые инвестиции. Темпы роста инвестиций в основной капитал по округу увеличились: индекс физического объема инвестиций достиг 107,5 % в 2011 году (тогда как в 2008 году он составил 105,7 %).

Совокупно регионы округа по итогам 2011 года занимают 12,3 % в суммарном российском валовом внутреннем продукте, 15,6 % в объеме капиталобразующих инвестиций и 8,7 % в объеме прямых иностранных инвестиций.

По объему инвестиций в основной капитал округ стабильно занимает третье место среди федеральных округов.

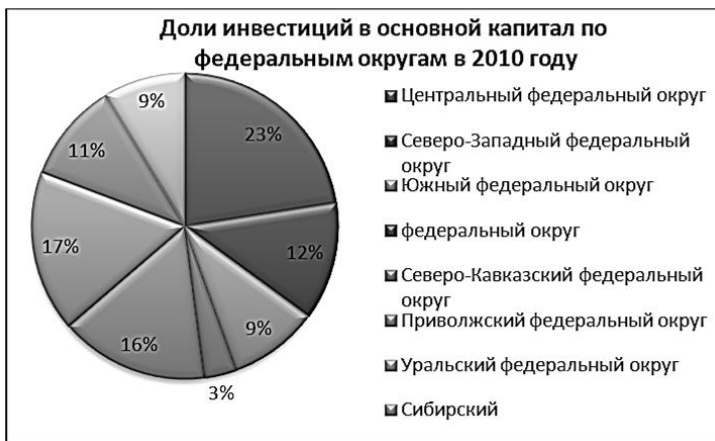


Рисунок 1. Доли инвестиций в основной капитал по федеральным округам в 2010 году

Вместе с тем, кризис 2008—2009 годов значительно повлиял на социально-экономическое развитие всех регионов округа.

Сильный и более длительный спад имели регионы машиностроительной специализации, особенно автомобильной (Самарская и Нижегородская области), вследствие низкой конкурентоспособности машиностроения и сократившегося спроса на продукцию указанной отрасли.

Умеренным спадом отличались развитые регионы с диверсифицированной промышленностью и городами-миллионниками (в том числе, и близкими к ним по численности) (республики Татарстан, Башкортостан, Пермский край), так как сочетание экспортно-ресурсных отраслей промышленности и развитого сектора услуг в крупных городах повышает устойчивость региональной экономики [2, с. 1—6].

Процесс восстановления инвестиционной активности в регионах округа протекает неравномерно.

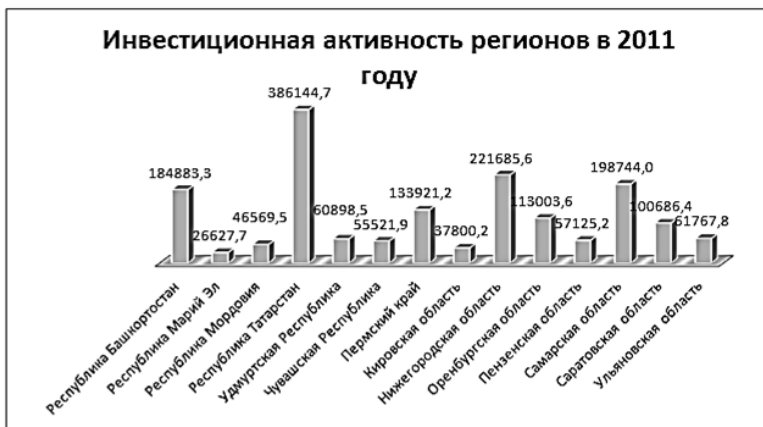


Рисунок 2. Инвестиционная активность регионов ПФО в 2011 году

Инвестиционный спад в регионах округа является более существенным, чем промышленный. Восстановление происходит низкими темпами, объем инвестиций в 2011 году в целом по стране на 4 % отставал от 2008 года, кризис еще более усугубил инвестиционный климат в России. Это подтверждает и сложившаяся картина инвестиционного климата в регионах, в частности, ПФО.

По объему инвестиций в основной капитал лидирующие позиции в 2011 году по-прежнему занимает Республика Татарстан (в 2008 г. — 273,1 млрд. рублей; в 2011 г. — 386,1 млрд. рублей). Второе место по объему инвестиций в основной капитал у Нижегородской области (207,4 млрд. рублей и 221,7 млрд. рублей соответственно) со стабильно высоким результатом.

В Республике Башкортостан (203,7 млрд. рублей и 184,9 млрд. рублей), Кировской области (42,7 млрд. рублей и 37,8 млрд. рублей) отмечается снижение объема инвестиций в основной капитал в 2011 году по сравнению с 2008 годом.

Наименьший объем инвестиций в основной капитал в Республике Марий Эл, размер которого в 2011 году составляет 26,6 млрд. рублей, что в 14,5 раз меньше аналогичного показателя Республики Татарстан [3].

Наибольший темп роста инвестиций в основной капитал в 2011 году отмечается в двух регионах — Удмуртской Республике

и Саратовской области (по 116,8) %. Следующий в рейтинге по данному показателю регион— Чувашская Республика (115,3 %).

Последствия кризиса в наибольших масштабах сказались на инвестиционной сфере Пермского края: инвестиционный провал сохраняется на протяжении 2009—2011 годов индекс физического объема (ИФО) инвестиций в основной капитал, соответственно, составил 83,7 %, 95,2 %, 89,5 %.

Один из основных факторов размещения иностранных инвестиций является агломерационная составляющая, которая в меньшей степени характерна для регионов ПФО — основной интерес для инвесторов представляет лишь Нижегородская область, находящаяся в наибольшей доступности к Московской агломерации.

Вместе с тем, увеличение притока инвестиций в отдельных регионах округа способствует экономическому росту, выступая его локомотивом. Наибольшими темпами объем инвестиций увеличивается в Пензенской, Ульяновской областях, Удмуртской, Чувашской республиках, Самарской области, Республике Татарстан, Нижегородской области. В других регионах экономика опирается на некапиталообразующие факторы (Республика Мордовия, Кировская область, Оренбургская область).

Таким образом, мы можем уверенно сделать вывод, что темпы восстановления ПФО после финансового кризиса заметно ускоряются, и инвестиционная привлекательность регионов ПФО имеет высокую оценку.

Список литературы:

1. Доклад «Инвестиционный климат в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Приволжского федерального округа: проблемы и пути решения». — Нижний Новгород, 2012.
2. Информационно-аналитический портал об инновациях и инвестициях в Приволжье [Электронный ресурс] — URL: <http://venturevolga.com/privolzhskij-federalnyj-okrug-pfo/ekonomika-i-investicii.html> (дата обращения июль 2012 г.).
3. Статистический сборник. Регионы России. Социально-экономические показатели. — М.: Росстат, 2011. 990 с.

АНАЛИЗ СУБСИДИЙ И ЛЬГОТ ПО ОПЛАТЕ УСЛУГ ЖКХ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ПОДОБИЯ

Сахабетдинов Минзакир Абдулович

*профессор, канд. техн. наук, Уфимский филиал
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Уфа
E-mail: minzakir-s@yandex.ru*

THE ANALYSIS OF SUBSIDIES AND PRIVILEGES ON PAYMENT OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES ON THE BASIS OF THE SIMILARITY THEORY

Minzakir Sakhabetdinov

*The professor, Candidate of Technical Sciences,
the Ufa branch of Financial University at the Government
of the Russian Federation, Ufa*

*Данная публикация подготовлена в процессе работы по гранту
РФФИ № 11-06-00056а.*

АННОТАЦИЯ

В результате обработки статистических данных по ряду социальных показателей субъектов РФ получены критерии подобия — инварианты для подавляющего большинства субъектов РФ. Результаты могут использоваться при выработке социальной политики страны.

ABSTRACT

As a result of statistical data on a number of social indicators of the RF subjects received similarity criteria - invariants for the vast majority of Russian regions. The results can be used in the formulation of social policy.

Ключевые слова: субсидии; льготы; население; пенсионеры; оплата услуг ЖКХ.

Keywords: subsidies; benefits; population; pensioners; payment for services of housing and communal services.

Одним из социальных показателей субъектов РФ является уровень расходов граждан на оплату услуг ЖКХ. Тарифы на услуги ЖКХ растут с каждым годом, и это обстоятельство вызывает тревогу жителей РФ, поскольку это связано со снижением их уровня жизни. Государство проявляет заботу о своих гражданах, в частности, предоставляет льготы и субсидии на оплату услуг ЖКХ. Льготы сохранились еще со времен существования СССР и имеют отношение, в основном, к ветеранам и инвалидам.

Впервые предоставление субсидий малообеспеченным гражданам при оплате жилищно-коммунальных услуг было предусмотрено Законом РФ от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики». Данным законом были введены понятия социальной нормы площади жилья, компенсаций по оплате жилья и коммунальных услуг. На получение субсидии на оплату услуг ЖКХ могут рассчитывать граждане, у которых расходы на коммунальные услуги превышают 22 % от среднего дохода семьи (в зависимости от региона этот порог может меняться в меньшую сторону, например, для жителей Москвы он составляет 10 %).

В сборнике Росстата [2] имеются статистические данные, позволяющие анализировать размеры льгот и субсидий на оплату услуг ЖКХ, их связи с другими социальными показателями в целом по стране, по федеральным округам, по субъектам РФ. Данных много, но возникает естественное желание из них извлечь некоторые интегральные показатели, которые были бы инварианты для всех или большинства субъектов РФ.

Теория подобия [1], столь успешно используемая в технических науках для представления результатов наблюдений и служащая теоретической базой моделирования, позволяет строить обобщенные зависимости (критериальные уравнения), справедливые для множества подобных объектов (предметов, явлений, процессов). Каждый критерий — это безразмерная комбинация нескольких показателей (в механике обычно 3...5) объекта. Для подобных (в некотором смысле) объектов в сходственных состояниях значения критериев одинаковы, хотя отдельные показатели, входящие в критерии подобия, для разных объектов могут различаться во много раз.

Если имеется уравнение, описывающее некоторые свойства объекта, построение критериального уравнения не представляет трудности [1]. В нашем случае имеются таблицы разных социальных показателей всех субъектов РФ, но нет теоретически обоснованных уравнений связей между ними. Тогда остается основываться только

на регрессионных зависимостях между показателями, построенных эконометрическими методами.

Итак, объектами, подобие которых мы выясняем, являются субъекты РФ по свойствам, относящимся к жилищным субсидиям и льготам. Рассчитанные коэффициенты корреляции показали, что связи между интересующими показателями с хорошей точностью описываются уравнением вида $y=Cx$, где C — некоторая константа. Тогда в соответствии с теорией подобия в качестве критерия подобия для i — го субъекта можно взять $C_i=(y/x)_i$, если x и y имеют одинаковую размерность. Если же размерности x и y разные, то в качестве критерия подобия можно взять, например, безразмерную величину $C_i=(y/x)_i/(y/x)_R$, где индекс R показывает принадлежность соответствующей величины РФ. Равенство значений C_i при $i=1..k$ говорит о подобии этих субъектов по показателю (y/x) , а приближенное равенство — о приближенном подобии.

В публикации [2] приведены статистические данные по социальным показателям по годам, федеральным округам и субъектам РФ. В данной работе мы опирались на данные 2010 года. В-первых, стали исчезать последствия мирового кризиса, а во- вторых, для некоторых субъектов РФ в другие годы отсутствуют соответствующие данные. Предварительная обработка табличных данных показал, что ряд анализируемых показателей по Северокавказским республикам, Республике Тыва, Чукотскому автономному округу, Москве и Московской области значительно отклоняются от остальных, согласующихся между собой, и их совместная обработка не оправдана. Значения показателей автономных округов, входящих в состав областей, нами учтены в показателях соответствующих областей. Таким образом, в дальнейших расчетах учтены показатели 72 субъектов РФ.

Умозрительно понятно, что количество предоставленных субсидий и льгот на оплату услуг ЖКХ, каким — то образом связано соотношениями между числом семей, пенсионеров, среднедушевым доходом в разных субъектах РФ. Статистический анализ показал, что между этими показателями действительно существует сильная корреляция, и связи с приемлемой точностью выражаются весьма простыми линейными уравнениями вида $y=Cx$.

На рисунках 1—6 и в таблице приведены основные результаты статистического анализа ряда социальных показателей.



Рисунок 1. Зависимость числа семей от численности населения по 72 субъектам РФ

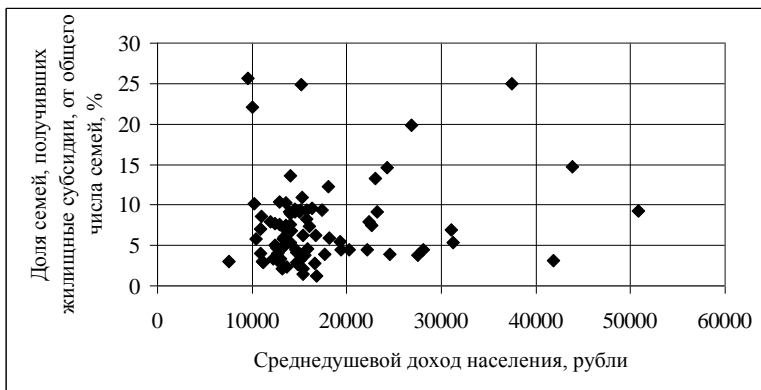


Рисунок 2. Зависимость числа семей, получивших жилищные субсидии, от среднедушевого дохода населения по 82 субъектам РФ

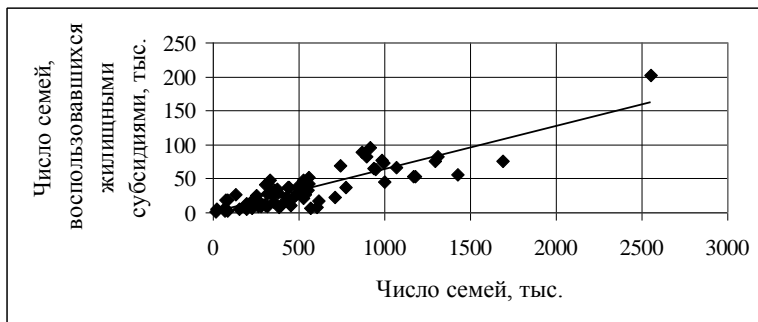


Рисунок 3. Зависимость числа семей, воспользовавшихся жилищными субсидиями, от общей численности семей по 72 субъектам РФ

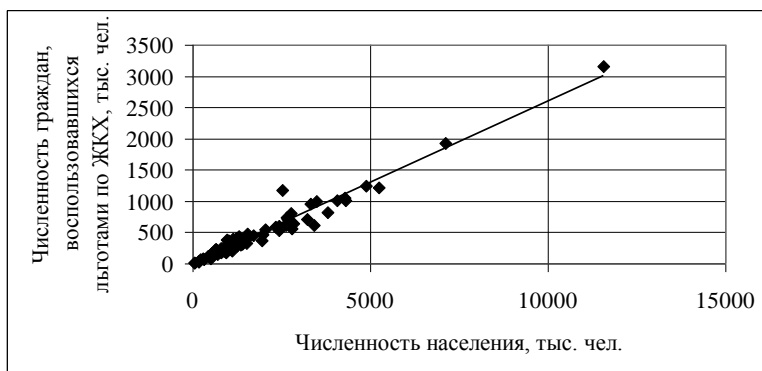


Рисунок 4. Зависимость числа граждан, воспользовавшихся льготами по оплате услуг ЖКХ, от численности населения по 72 субъектам РФ

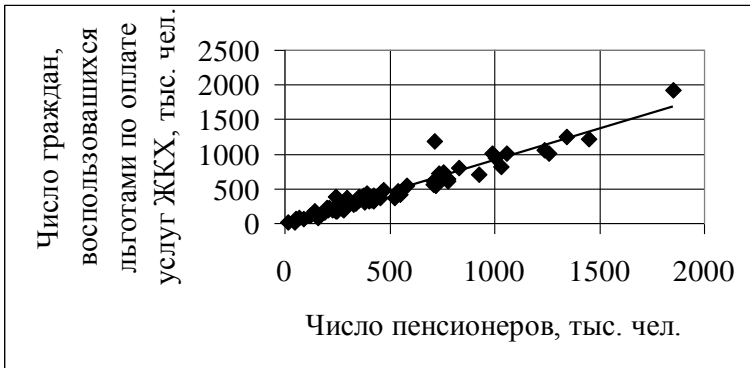


Рисунок 5. Число граждан, воспользовавшихся льготами по оплате услуг ЖКХ, в сопоставлении с числом пенсионеров по 72 субъектам РФ

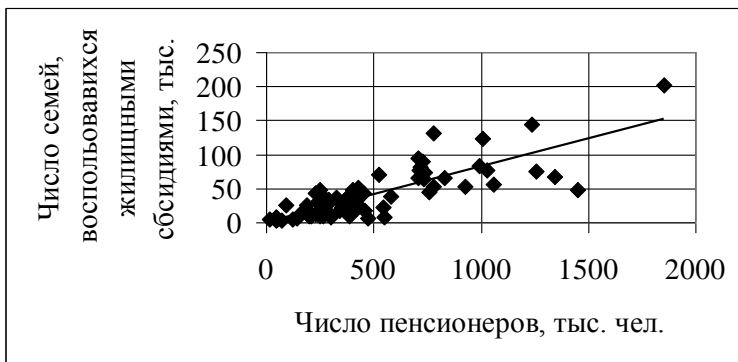


Рисунок 6. Число семей, воспользовавшихся жилищными субсидиями, в сопоставлении с числом пенсионеров по 72 субъектам РФ

Таблица 1.

Критерии подобия 72 субъектов РФ по нескольким социальным показателям

№№ п/п	Показатель	Критерий	Доверительный интервал при $P=0,95$	Коэффициент детерминации R^2	№ рис.
1.	Доля семей (s) в общей численности (v) населения	$Cs/v=0,356$	$0,356\pm 0,005$	0,991	1
2.	Доля семей, получавших субсидии (sub), в общей численности семей (s)	$Csub/s=0,0638$	$0,0635\pm 0,0053$	0,749	3
3.	Доля граждан, воспользовавшихся льготами по оплате услуг ЖКХ (sp), в общей численности населения (v)	$Csp/v=0,243$	$0,243\pm 0,011$	0,964	4
4.	Число граждан, воспользовавшихся льготами по оплате услуг ЖКХ (sp), отнесенное к числу пенсионеров (p)	$Csp/p=0,911$	$0,911\pm 0,034$	0,933	5
5.	Число семей, воспользовавшихся жилищными субсидиями (sub), отнесенное к числу пенсионеров (p)	$Csub/p=0,0825$	$0,0825\pm 0,0081$	0,652	6

Несмотря на то, что субъекты РФ “живут” в самых различных географических условиях, имеют разные природные ресурсы, разное состояние экономик, имеют разную плотность населения, и т. п., показатели субъектов подчиняются единым зависимостям с приемлемой, на наш взгляд, точностью. Хотя наша задача заключается в проверке возможности описания показателей многих объектов

едиными обобщенными зависимостями, вкратце прокомментируем полученные результаты.

На рисунке 1 приведен результат расчета количества семей по косвенным данным из источника [2]. Интересна обратная величина ($1/C_{s/v}=1/0,356=2,81$). Если бы все население считалось семейным, средний размер семьи был бы 2,81 человека, но так как только часть населения семейная, то реальный средний размер семьи намного меньше — многие супруги живут для себя (без детей), много холостых.

Казалось бы, что в субъектах, где высок среднедушевой доход населения, практически не должно быть семей, получающих жилищные субсидии, которые предоставляются малоимущим. Рисунок 2 показывает, что это не так. Например, в Ненецком автономном округе при среднедушевом доходе 50843 рубля почти 10 % семей пользуются жилищными субсидиями, а в Москве при среднедушевом доходе 43876 рублей 15 % семей пользуются жилищными субсидиями. В Чукотском автономном округе 25 % семей пользуются жилищными субсидиями при среднедушевом доходе 37422 рубля. Надо полагать, это связано не только с дороговизной услуг ЖКХ в этих субъектах — просто рядом с “богатенькими” живут и малоимущие.

Рисунки 3 и 6 показывают значительный разброс показателей, связанных с субсидиями. По-видимому, это связано с большим разбросом тарифов за услуги ЖКХ, определяемых местными органами управления. Рисунки 4 и 5, наоборот, демонстрируют незначительный разброс, поскольку льготы разным категориям граждан определены государством по единым для страны правилам.

Рисунки 5 и 6 не говорят о том, что именно пенсионеры пользуются льготами и субсидиями. Согласно закону РФ льготы по оплате услуг ЖКХ распространяются на 10 категорий граждан, среди которых есть и пенсионеры.

По полученным результатам можно сделать вывод о наличии приближенного подобия субъектов РФ по показателям, относящимся к предоставлению субсидий и льгот по оплате услуг ЖКХ, за исключением субъектов, перечисленных выше. Стало быть, почти вся Россия едина в данном отношении!

Список литературы:

1. Веников В. А. Теория подобия и моделирования. Учебное пособие для вузов. — М.: Высшая школа, 1976. — 479 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 990 с.

РОЛЬ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Стафеева Юлия Александровна

*соискатель ученой степени кандидата педагогических наук
на кафедре методологии и теории социально-педагогических
исследований Тюменского государственного университета, г. Тюмень
E-mail: kukuruzavegan@mail.ru*

Змановский Никита Сергеевич

*учащийся 10 класса Академической гимназии при ТюмГУ, г. Тюмень
E-mail: nz.lingvo@gmail.com*

Селиванова Ольга Антиевна

*д-р пед. наук, проф. ТюмГУ, г. Тюмень
E-mail: towerred1966@mail.ru*

THE ROLE OF THE ORGANIZATION FORMS OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN DEVELOPMENT OF ECOLOGICALLY RESPONSIBLE BEHAVIOR AMONG THE YOUNG PEOPLE

Julia Stafeeva

*the competitor of a scientific degree of the candidate of pedagogical
sciences on the chair of methodology and theory of social and pedagogical
researches of the Tyumen state university, Tyumen*

Nikita Zmanovsky

*the pupil of the 10th class of the Academic gymnasium at Tyumen state
university, Tyumen*

Olga Selivanova

Research supervisor, prof. Tyumen state university, Tyumen

АННОТАЦИЯ

В данной статье дается определение формы организации воспитательной деятельности, направленной на развитие экологической ответственности. Авторы описывают опыт использования некоторых форм воспитательной деятельности (экологическая акция, метод открытого пространства «Open Space» и форсайт-проектирование) для развития экологически ответственного поведения у молодежи.

ABSTRACT

In this article we give the definition of an organization form of the educational activity directed at the ecological responsibility development. We describe the experience of the usage of different educational activity forms such as an ecological action, a method of “Open space” and “Forsyte design” for development of ecologically responsible behavior in youth.

Ключевые слова: экологическая ответственность; форма воспитательной деятельности; экологическая акция; метод открытого пространства; открытое пространство; форсайт-проектирование.

Keywords: ecological responsibility; forms of educational activity; ecological action; method of “Open space”; “Forsyte design”.

Единственная возможность найти компромисс между свободой и обязанностями — это ответственность. Ответственность личности можно рассматривать как характеристику нравственно-этической сферы личности, предполагая свободу выбора обязательств на основе того, как эта личность понимает морально-этические нормы [2]. Экологическая ответственность представляет собой такое качество личности, как активно-сберегательное отношение человека к природному миру, что вытекает из добровольного принятия социально-экологической зависимости от него [6].

Мы придерживаемся следующего определения экологической ответственности. Экологическая ответственность — это способность человека в процессе взаимодействия с окружающим миром уберечь его от негативных последствий своей деятельности.

Во время процесса развития экологической ответственности необходимо учитывать становление экологических ценностей, приобретение экологических знаний, навыков и умений, а также изменение экологического поведения [7].

Преследуя цель (развитие экологической ответственности у молодежи), мы изучили роль форм организации воспитательной деятельности и современные формы организации деятельности.

Некоторые из форм мы применили для работы с добровольцами природоохранного движения г. Тюмени, изменив их содержание в соответствии с нашей целью.

Успешность реализации воспитательного процесса, грамотная организация мероприятий и результат их проведения — все это зависит от выбранной педагогом формы организации деятельности молодежи.

В словаре С.И. Ожегова дается девять значений слова «форма». Это и внешнее сочетание, и установленный образец и тому подобное. Имея в виду форму организации деятельности, мы, прежде всего, говорим о выражении воспитательной работы через определенную структуру отношений между участниками воспитательного процесса. Е.В. Титова определяет такую форму как «устанавливаемый порядок организации конкретных актов, ситуаций, процедур взаимодействия участников воспитательного процесса, направленных на решение определенных педагогических задач (воспитательных и организационно-практических); совокупность организаторских приемов и воспитательных средств, обеспечивающих внешнее выражение воспитательной работы» [1].

По Б.В. Куприянову, форма воспитательной работы — это ограниченная по месту и времени структура совместного взаимодействия детей и взрослых, позволяющая решить определенные воспитательные задачи.

Основываясь на определении Б.В. Куприянова, мы делаем вывод, что форма организации воспитательной деятельности молодежи, направленная на развитие экологической ответственности — это структура взаимодействия участников воспитательного процесса, ограниченная по месту и времени, нацеленная на развитие способности участников в процессе взаимодействия с окружающим миром уберечь его от негативных последствий своей деятельности.

Анализируя современные формы организации деятельности молодежи в соответствии с нашей целью, мы выделили следующие:

- экологические акции,
- метод открытого пространства «Open Space»,
- «Форсайт-проектирование».

Экологическая акция — это мероприятие, проводимое с участием молодежи, направленное на привлечение ее к практической деятельности по сохранению природы или решения экологических проблем различного уровня. Эта форма выполняет следующие функции: информационную, обучающую, воспитательную, социализирующую, практическую. Также экологическая акция по содержанию

ному наполнению одновременно является многообразием форм и методов. Ведь в рамках нее мы можем организовать и флешмоб, и заседание экологического киноклуба, и проведение различных конкурсов [4].

Метод открытого пространства «Open Space» — это форма, направленная на организацию пространства, в котором в течение определенного времени и в рамках установленных правил осуществляется мозговой штурм участниками процесса. Основные правила проведения — это ориентация на то, что в данный момент времени собрались именно те люди, которые нужны для решения проблемы, и на то, что все происходящее — это то, что и должно происходить, и тому подобное в целях создания комфортной реальности для обсуждения тех или иных вопросов [3].

Форсайт-проектирование — это процесс построения видения будущего как уже прошедшего. Это необходимо для повышения качества принимаемых в данное время решений и для достижения ускорения результата, к тому же такое программирование позитивно влияет на эмоциональный фон участников процесса [5, с. 7].

Все три формы организации деятельности молодежи были применены в работе с добровольцами природоохранного движения следующим образом.

Для формы «экологическая акция» нами была выбрана Всероссийская уборка «Сделаем!» (2012 г.). Активистам движения было предложено организовать сбор мусора на территории г. Тюмени. Для этого нами был предложен следующий алгоритм действий:

- собрать информацию от жителей города об имеющихся загрязненных территориях;
- назначить ответственного добровольца за каждый замусоренный участок;
- привлечь жителей города к сбору мусора;
- оповестить СМИ о предстоящей акции;
- осуществить сбор мусора в назначенный срок.

В результате проведенной экологической акции мы выяснили следующие имеющие ценность для нашей научной работы данные. С помощью интервьюирования мы узнали, что принявшие участие в акции добровольцы считают данную форму организации деятельности эффективной в развитии у них экологической ответственности, так как они осознали необходимость оберегать окружающую среду от негативных последствий деятельности человека. В ходе акции добровольцы обрели экологические знания о вредном воздействии бытовых отходов на почву, воздух и воду, получили навыки и умения

по очищению территории от мусора, научились проводить подобные акции, о чем свидетельствует самостоятельно проведенная ими в последующем акция по сбору мусора вдоль береговой зоны озера. Этот факт свидетельствует также и о сформированности у добровольцев природоохранного движения экологического поведения.

Для организации деятельности с помощью метода открытого пространства «Open Space» нами был подготовлен ряд актуальных вопросов, рассчитанный на работу в трех группах по 5 человек:

- для первой группы — практикоориентированные вопросы:
 1. Какие вы знаете экологические проблемы в нашем городе?
 2. Какие вы можете предложить способы для их решения?
- для второй группы — вопросы, касающиеся получения экологических знаний:
 1. Какие способы экологического просвещения вы знаете?
 2. Как вы думаете, о чем необходимо рассказывать людям в рамках экологического просвещения?
- для третьей группы — ценностноориентированные вопросы:
 1. Почему, по вашему мнению, важно заниматься природоохранной деятельностью?
 2. Что случится, если люди не будут вести экологичный образ жизни?

Во время проведения деятельности с помощью метода «Open Space» добровольцы могли переходить из одной группы в другую («закон двух ног»), что способствовало обмену информации между всеми участниками процесса. Во время обсуждения ответов на вопросы модератор корректировал выступления добровольцев, расставляя акценты на особо важных аспектах. Во время групповой рефлексии участники отметили то, что получили представление об экологической ситуации в городе, о том, что именно они могли бы сделать для ее улучшения, почему это важно и о чем необходимо рассказывать жителям города.

Применение в работе «форсайт-проектирования» потребовало составление следующего алгоритма действий. По сценарию добровольцам предлагалось мысленно перенестись на два месяца вперед, когда у них уже есть собственная экологическая организация и они уже провели ряд экологических акций. Участникам нужно было рассказать, как называется их организация, чем она занимается и какие акции были проведены, их результат. После нашей позитивной оценки полученной от них информации добровольцам после возвращения в настоящее время предлагалось в течение двух месяцев воплотить ими задуманное в реальность и встретиться с нами через два месяца,

чтобы подвести итоги. В результате добровольцы организовали объединение «Зеленый Авангард», участниками которого была проведена раздача брошюр о ведении экологичного образа жизни на улицах города.

Нами также был разработан сценарий «Путешествие инопланетянина на Землю в 2020 году», по которому в 2020 году на планете Земля решены все экологические проблемы, люди живут счастливо и имеют прекрасное здоровье. Ведущий играет роль инопланетянина, на родине которого катастрофическая экологическая обстановка. Его задача — узнать, каким образом земляне решили свои проблемы (что было сделано, каким образом и почему). В роли землян 2020 года — остальные участники процесса. После завершения путешествия и возвращения в реальность мы предложили добровольцам не забывать о своих рассказах и постараться перенести придуманное ими в жизнь, так как ответы добровольцев соответствовали реальным экологическим перспективам. Это предложение ими было принято с согласием, только два человека из 15 присутствующих высказали сомнение о том, что такое возможно.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что в развитии экологически ответственного поведения такие формы, как экологическая акция, метод открытого пространства «Open Space» и «Форсайт-проектирование» позволяют сформировать экологические ценности у молодежи, обеспечить получение ею экологических знаний, умений и навыков, а также мотивировать молодежь к экологическому поведению.

Список литературы:

1. Виноградова Ю.В., Ручко Л.С. Формы воспитательной работы с детским объединением: образовательный модуль к дистанционному (заочному) этапу курсов по теме «Организация воспитательной работы в образовательном учреждении», разработанный кафедрой теории и методики воспитания Костромского областного института развития образования // [Электронный ресурс] — URL.: http://www.koipkro.kostroma.ru/Pages/Kostroma_EDU.aspx (дата обращения: 13.11.2012).
2. Закирова М.А. Развитие ответственности в юношеском возрасте // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс] — URL.: <http://www.dissercat.com/content/razvitiie-otvetstvennosti-v-yunosheskom-vozraste> (дата обращения: 12.11.2012).

3. Подушкина Т. Г. Технология «Открытое пространство»: научная статья // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» 2010 — № 5 [Электронный ресурс] — URL: psyjournals.ru/files/.../psyedu_ru_2010_5_Podushkina (дата обращения: 14.11.2012).
4. Романова О.В. Экологическая акция как форма социального самоопределения подростков // Материалы Международной научно-практической конференции «Экология. Риск, безопасность», том 2, 2010 г. [Электронный ресурс] — URL.: kemcdod.ru/pedagog-pedagogu/rom.pdf (дата обращения: 13.11.2012).
5. Тетерский С.В. Как заглянуть в свое завтра: Инновационный учебник в комиксах. — М.: Триумф, 2011. — 108 с.
6. Хазыкова Т.С. Формирование экологической ответственности у студентов колледжа в процессе проектно-исследовательской деятельности // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс] — URL.: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-ekologicheskoi-otvetstvennosti-u-studentov-kolledzha-v-protseesse-proektno-issle#ixzz2C8fFdknK> (дата обращения: 10.11.2012).
7. Чернявская О.М. Формирование экологической ответственности школьников средствами экологоориентированной образовательной среды // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. — URL.: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-ekologicheskoi-otvetstvennosti-shkolnikov-sredstvami-ekologoorientirovannoi-obr#ixzz2C8ftNSBs> (дата обращения: 09.11.2012).

СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Федоров Владимир Николаевич

канд. геогр. наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск

E-mail: egf_73@mail.ru

NETWORK SPACE AS A FACTOR OF INNOVATIVE EDUCATIONAL SYSTEMS

Vladimir Fedorov

Associate professor of Ulyanovsk State Pedagogical University.

I.N. Ulyanova, Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

Сетевая форма организации образовательной деятельности направленная на обеспечение доступа к образовательным, в т. ч. инновационным ресурсам, на реализацию форм взаимодействия учебных заведений в рамках социума и управления ими. Моделирование сетевого образовательного пространства обеспечивает внедрение в практику современных форм, методов и технологий обучения, способствует повышению территориальной доступности и качества предоставляемых образовательных услуг.

ABSTRACT

Network form of organization of educational activities aimed at ensuring access to education, including innovative resources, the realization of forms of training institutions in the society and governance. Modeling network educational space provides practical application of modern forms, methods and technologies of education, contributes to territorial availability and quality of educational services.

Ключевые слова: образовательное пространство; сетевое взаимодействие; сетевая модель; инновация

Keywords: educational space; networking, network model and Innovation

Важной задачей современного этапа развития российского общества является создание единого образовательного пространства, объединяющего территориальные образовательные системы разного вида, типа и форм организации, и призванного обеспечить возможность равного доступа граждан к инновационным ресурсам и передовым педагогическим технологиям.

Следовательно, в условиях модернизации системы образования наиболее важным представляется проектирование пространственных моделей инновационного ее развития. К тому же образовательная деятельность это не только воспроизводство социального опыта, накопленного предыдущими поколениями, но и ориентация на инновационные изменения в культурно-образовательной среде. При этом реализация инновационных идей возможна при непосредственном сопровождении субъектов образовательного процесса, создании оптимальных условий для их взаимодействия на всех этапах и уровнях организации.

Следует отметить, что понятие «*пространство*» является одной из важнейших основополагающих категорий в области научного познания и довольно широко используется в различных сферах деятельности. В педагогическом сообществе словосочетание «образовательное пространство» (или — *среда*, — *социум*, — *сфера*) и его производные — «*географическое*», «*экономическое*», «*социальное*», «*геополитическое*», «*гуманитарное*» и т. д. выделяются в *философском, гносеологическом, семантическом, культурологическом, системном, синергетическом, герменевтическом* и прочих аспектах, разрабатываемых в современной теории и практике образования.

В философии пространство — «это всеобщая форма бытия материи» [4, с. 519], ее важнейший атрибут; это абстрактное понятие, выражающее существование связи вещей друг с другом, порядок их размещения относительно друг друга. По мнению Алаева Э.Б., под пространством, очевидно, должна пониматься объективная, всеобщая и познаваемая форма существования географических объектов [1, с. 98].

В прикладном аспекте данное понятие, как правило, используется в целях выделения общих (или условных) границ (или контуров) деятельности исследуемых объектов. Следует предположить, что образовательное пространство является частью социокультурного пространства, т. е. совокупностью социально-экономических, историко-культурных, демографических, организационно-управленческих и прочих характеристик, взятых в их отношении к образованию.

В нем главенствуют горизонтальные (сетевые) связи (в отличие от иерархических структур, где в основном выстроены вертикальные связи). При этом образовательную сеть можно определить как совокупность субъектов образовательной деятельности, предоставляющих друг другу собственные образовательные ресурсы с целью повышения результативности и качества образования. Важной задачей организации сетевого образования является обеспечение технического, организационно-управленческого и нормативно-правового взаимодействия его участников, поиск новых педагогических позиций (тьютер, сетевой педагог, педагог-навигатор), механизмов продвижения инновационных образовательных программ и т. д.

Решение проблем требует выстраивания новых форм организации образовательного процесса между его субъектами и новых типов отношений в границах школьного и внешкольного пространства. В связи с этим процедура проектирования сетевого пространства включает:

1. Выработку социальных ориентиров, поиск сетевых партнеров и распределение функций между ними.

2. Анализ содержания (состояния внутренних образовательных ресурсов), формы, механизма построения и реализации оптимальной модели организации сети.

3. Установление структурных элементов модели, способов их взаимодействия друг с другом и с внешними элементами среды с целью расширения перечня и качества предоставляемых услуг, в т. ч. Инновационных.

4. Разработку нормативно-правовых документов организационно-управленческого и учебно-методического характера, регламентирующих порядок сетевого взаимодействия.

5. Диагностику и определение критериев и показателей оценки эффективности функционирования сети (или ее модели).

6. Подготовку методических рекомендаций по внедрению разработанной модели в образовательные системы региона и управления ею.

Сетевая модель организации образовательного пространства — это структурно-функциональная система взаимосвязанных центров и узлов открытого типа, линейных и площадных элементов, способная неограниченно расширяться путем включения в нее новых звеньев (объединений, комплексов) и видоизменяться (приобретать определенную конфигурацию) для решения насущных задач, что придает ей гибкость и динамичность. Она обладает внутренней структурной неоднородностью и в зависимости от специфики

и разномасштабности своей деятельности может приобрести различную композицию (рис. 1).

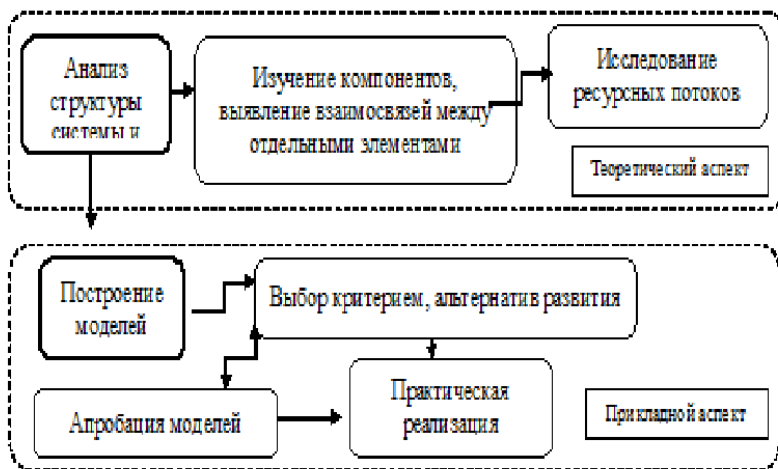


Рисунок 1. Схема проектирования модели сетевого пространства

На практике процесс сетевой модернизации направлен на активное использование инновационных технологий, координацию деятельности участников инновационного проекта, предусматривающей отказ от традиционных иерархических форм управления.

В сетевой структуре появляются более широкие возможности для использования сравнительных преимуществ географического и ресурсного характера [2, с. 89]. Так, анализ динамики развития социокультурного пространства сельских школ свидетельствует о структурной его трансформации, что создает определенные трудности в обеспечении территориальной доступности услуг, в т. ч. инновационных. Нарушается целостность образовательной среды, сужаются ее границы, уменьшается «емкость», «качество», «ассортимент» предоставляемых услуг, усиливаются тенденции социальной поляризации. Поэтому, на наш взгляд, стратегическим направлением развития образовательного пространства в условиях сельской местности является, *во-первых*, сохранение (или конструирование) оптимальной сети образовательных учреждений, охватывающей все уровни учебного процесса, *во-вторых*, внедрение эффективных форм взаимодействия учреждений образования

с другими объектами социально-культурной и социально — бытовой инфраструктуры, способствующих повышению разнообразия и качества предоставляемых ими услуг, *в-третьих*, разработка индивидуальной траектории обучения, предусматривающей возможность выбора учеником форм и методов получения образования, в т. ч. в сфере инновационной деятельности.

Сетевая организация наиболее полно отвечает требованиям компетентностного подхода к обучению, реализации личностно-ориентированного характера обучения. Это умение действовать в коллективе (формирование корпоративной культуры) в условиях широкого выбора образовательных услуг, оценивать свои творческие способности и возможности освоения инновационных программных требований.

В организации сетевого взаимодействия учреждений образования (и не только!) следует выделить внутри- и межотраслевые варианты построения сетевых структур. *Первый вариант* модели предусматривает объединение нескольких образовательных учреждений (при сохранении их хозяйственной самостоятельности) одного типа и вида деятельности вокруг одного из них, выступающего, например, в роли ресурсных инновационных центров, учреждений-лабораторий, опытно-экспериментальных или стажировочных площадок. *Второй вариант* сетевой организации предполагает осуществление взаимодействия между учреждениями различных типов и видов деятельности, когда происходит «вписывание» разрабатываемых модулей или их элементов, складываемых отношений, связей и механизмов в существующую социокультурную среду (социально-педагогический комплекс) — во внешнее окружение сети. Например, сетевое пространство инновационного развития системы образования Ульяновской области объединяет 96 инновационных образовательных учреждений разных типов (от ДООУ до учреждений СПО), из которых 75 — областные экспериментальные площадки и 21 — научно-методические центры. Основная задача экспериментальных площадок состоит в проведении исследовательской и экспериментальной работы, апробации и внедрении инноваций, разработке научно-методической продукции, направленной на развитие и модернизацию системы образования Ульяновской области. Суть работы научно-методических центров заключается в продвижении накопленных и одобренных Областным экспертным советом результатов экспериментальной и инновационной работы.

Большинство образовательных учреждений, участвующих в программе развития инновационных проектов, находятся

в Ульяновске (43 ед), Димитровграде (5), Барыше (1), а также в 17 сельских муниципальных районах — Ульяновском (6), Барышском (5), Николаевском (5), Вешкаймском (4), Цильнинском (4), Радищевском (4), Новомалыклинском (4), Сенгилеевском (3), Мелекесском (2), Карсунском (2), Кузоватовском (2), Базарносызганском (2), а также в Майнском, Чердаклинском, Павловском, Тереньгульском и Новоспасском. В структуру сетевого образовательного пространства включены 27 детских образовательных учреждений, 1 учреждение дошкольного и начального образования, 2 начальные школы, 3 лицея, 6 гимназий, 40 общеобразовательных школ, 9 учреждений дополнительного образования детей, 8 учреждений среднего профессионального образования.

Проектирование форм и методов сетевого взаимодействия образовательных учреждений направлено на создание условий для доступа и повышения качества образовательных услуг, а также повышение эффективности управления ими в конкурентной среде. Архитектура взаимодействия включает не только внутренние элементы организации, но и предусматривает возможность привлечения внешних ресурсов. Так, внедрение сетевых форм и принципов организации учебного процесса с использованием информационно-коммуникационных (в т. ч. дистанционных) технологий удаленного доступа к информационным ресурсам (*call-центр, Интернет, E-mail сервисы, электронная почта, клиентский ящик*) обеспечивает эффективную реализацию модели «*инновационной образовательной среды*». Информационно-технические средства обучения способствуют интерактивному (виртуальному) взаимодействию сетевых агентов, разработке технологических альтернативных моделей образования в рамках сетевого сообщества, способствуют продвижению новаций на рынок передовых педагогических технологий.

Важным направлением развития сетевых структур является создание информационно-ресурсного центра, деятельность которого направлена на создание современной информационной среды образования. Например, в общеобразовательных школах Ульяновской области создано и функционирует 381 опытная зона использования *свободного программного обеспечения (СПО)*, 475 школ зарегистрированы на портале поддержки данного пакета, что составляет 93 % от общего числа школ. Пакет СПО установлен на 3373 компьютерах. При этом доля общеобразовательных учреждений, осуществляющих дистанционное обучение школьников, составляет 16 % от общей их численности.

Таким образом, внедрение сетевых структур в педагогическую деятельность позволяет сформировать единое образовательное пространство, выработать новую культуру мышления и осуществить переход от «знаниевой парадигмы к компетентностной» [3, с. 47]. Сетевая организация является стимулом позитивных изменений в системе образования, дает возможность решать разнообразные социально-экономические проблемы как образовательных учреждений, так и территории в целом. Внедрение сетевой формы пространственных структур способствует, на наш взгляд, более эффективному использованию технологических ресурсов, расширяет спектр предлагаемых услуг, позволяет реализовать научно-инновационные продукты в образовательном процессе, а также в административно-хозяйственной сфере и повысить качество управления учебным процессом.

Список литературы:

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
2. Давыдова Н.Н. Сетевое взаимодействие школ, ориентированных на инновационное развитие // Народное образование.— 2012.— № 1.— С. 88—94.
3. Павличенко Е.Н. Социальные сети как инструмент модернизации образования // Народное образование.— 2012.— №1. — С. 42—47.
4. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др.— 2—е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989.— 815 с.

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАЛЛИГРАММ

Чвалун Роза Владимировна

соискатель, преподаватель СГАУ, г. Ставрополь

E-mail: chvalun_roza@mail.ru

THE ROLE OF EXTRALINGUISTIC ELEMENTS IN A POETICAL TEXT OF CALLIGRAMMA

Roza Cvalun

applicant, teacher of SSAU, Stavropol

АННОТАЦИЯ

Статья содержит результаты лингвистического исследования поэтических текстов каллиграмм, в котором рассматривается роль экстралингвистических элементов в поэтическом тексте и их корреляция с лингвистической основой поэтического текста.

ABSTRACT

This article gives a review of the results of linguistic researching of poetical calligramma texts; also it gives the observing of the role of extralinguistic elements in a poetical text and their correlation with linguistic basis of poetical text.

Ключевые слова: экстралингвистический; текст; знак; семантика; нелинейность.

Keywords: extralinguistic; text; sign; semantics; non-linear.

Среди каллиграмм Г. Аполлинера можно найти так называемые стихи-разговоры. Это своего рода поэтические коллажи, когда действия и события, которые логически разделены во времени и пространстве, представлены вместе. В таких стихотворениях не говорится о сюжете в обычном понимании, они не подчиняются языковым правилам или правилам просодики и не имеют собственного действительного правила.

В стихотворении-диалоге «Lundi rue Christine» («Понедельник, улица Кристина») стих составлен из реплик-диалогов.

«Je partirai à 20h. 27
Six glaces s'y dévisagent toujours
Je crois que nous allons nous embrouiller encore davantage
Cher monsieur...»

*«Поезд в 20 часов 27 минут
Шесть зеркал друг на друга глядят в упор
Этак мы ещё больше собьёмся с толку
Дорогой мой...»*

(Здесь и далее перевод наш. — Чвалун Р.В.)

Неизвестно, говорит ли это поэт или кто-то другой, но все предложения подобраны беспорядочно, нелогично. Начало строк представлено в виде обращений: «Voici monsieur...», «Ecoute Jacque...», «Ecoutez c'est charmant...». Здесь можно выделить набросок письма, начинающегося со слов «Cher monsieur», которое поэт разделил и расположил на странице как совершенно несвязные строчки. Слова «Cher monsieur» находят продолжение в строках «Voici monsieur» и «Monsieur voulez-vous...», тем самым обозначая начало, середину и, возможно, конец письма, не представляя письмо целиком.

Каллиграммы Г. Аполлинера указывают на осознание важности графики поэтического текста. «Графика являлась полноценным участником гармонической организации текстов. В авангардных текстах наиболее значимой является графическая разработка буквы, слова, текста... Часто слова заменяют графическими знаками, которые выступают в качестве знаковых эквивалентов слов, иногда вклинивающихся в само слово [3, с. 258]. Внимание читателя обращено на аспект как внешней, так и внутренней двойственности произведений, в таком стихотворении графика полисемична.

Графическая организация текста и нелинейное его прочтение полностью передают его внутреннюю форму, создают визуализацию образа.

LETTRE-OCEAN

Je t'embrasse le soir
 au lit de chambre 2

J'étais au bord du Rhin quand tu partus pour le Mexique
 Ta voix me parvient malgré l'énorme distance
 Gens de mauvaise mine sur le quai à la Vera Cruz

1916

Correos
 Mexico
 4 centavos

U. S. Postage
 2 cents 2

Les voyageurs de l'Espagne devant faire
 le voyage de Coatzacoalcos pour s'embarquer
 je t'envoie cette carte aujourd'hui au lieu

REPUBLICA MEXICANA
 TARJETA POSTAL

11 05
 10. 5
 14
 Exp. de la. Balmonte

de profiter du courrier de Vera Cruz qui n'est pas sur
 Tout est calme ici et nous sommes dans l'attente
 des événements.

**T
S
F**

Non le travail
 Sur le
 gauche
 devant
 le post
 d'Isra

Exp. de la. Balmonte

Le
 Tu
 en
 ty
 la
 fondre
 un
 jour
 est

LE
 TU
 NE
 CONNAITRAS
 JAMAIS
 BIEN,
 LES

BONJOUR ANONG
 ANORA

Mayas

Рисунок 1 Каллиграмма Г. Аполлинера «Lettre-océan»
 (Calligrammes: poèmes de la paix et de la guerre (1913—1916))

Стихотворение «Lettre-océan» («Письмо-океан») обладает рядом особенностей. Оно не выполнено в виде стиха-картины как другие каллиграммы. Здесь обнаруживаются выделенные лексемы на испанском языке, другие же лексемы расположены в виде солнца. Среди выделенных лексем особое значение имеют следующие: **1) mayas, 2) bonjour, 3) tu, 4) connaîtras, 5) jamais.** Сопоставив их семантику с графикой стихотворения, видно, что они не дублируют друг друга, а взаимно дополняют. Лексемы создают изображение солнца, и при соотнесении этого изображения с выделенной лексемой **Mayas**, можно получить полную картину каллиграммы: речь идёт о цивилизации майя, которой суждено погибнуть. Здесь автор использовал не только выделенные лексемы и буквы, но и штампы и аббревиатуры реальных компаний, т.е. в графику стихотворения Аполлинер привнес и реалии из жизни. Слева на полях расположено два штампа: *Correos Mexico 4 centavos* — Почта Мексики 4 сентаво; *U.S. Postage 2 cents 2* — Почта С.Ш. 2 цента 2. Справа автор поместил жирные буквы **T S F** — это знак телеграфа Франции.

Не до конца ясно значение каллиграммы, в частности соотношение графики, изображающей почтовую открытку, и семантики, говорящей о гибели майя.

Следует принять во внимание наличие реалий в структуре произведения. Автор совмещает две вещи, мир поэзии и мир вещей, стихотворные строки смешаны со штампами и аббревиатурами. Так и в семантике смешались две линии. Первая линия — это Майя. К ней относятся фигурные элементы стихотворения (солнце, птицы). Вторая линия — это письмо или открытка, в которой говорить о расставании, об отъезде (штампы, классические стихотворные строки). Следует напомнить, что брат Г. Аполлинера Альберт уехал в Мексику. Они часто переписывались: «Альберт писал довольно часто из Мексики ... там были самые свежие новости о мексиканской революции и даже одна из каллиграмм, графически воспроизводящая телеграмму за океан. Аполлинер так и назвал её — «Письмо — Океан» и послал брату» [2, с. 217].

Таким образом, в графике, как и в семантике каллиграммы сплетается с одной стороны поэтическое, а с другой черты реальных объектов. Во внешней форме — это соотношение элементов стихотворения и элементов почтовой открытки; во внутренней форме — это соотношение мистики судьбы майя, семы «рока» и «гибели» легендарного народа, и судьбы самого автора, семы «разлуки» и «безысходности».

Каллиграмма написана Г. Аполлинером своему брату Альберту, и далее он обращается прямо к нему «Bonjour mon frère Albert...». Продолжение каллиграммы выполнено также в виде солнца, над которым большими буквами написано имя Альберта и фраза о землетрясении между 1885 и 1890 годами.

В центре каллиграммы располагаются строки: «Haute de 300 mètres». Строки расположены вокруг и идут по спирали от центра. Можно предположить, что центральная строчка указывает на Эйфелеву Башню, находящуюся в центре Парижа. Тогда остальные строки образуют движение вокруг неё и затем выводят на различные улицы. Это подтверждают следующие лексемы: *autobus, rue, circuler*. Следует обратить внимание на большое количество междометий и слов, содержащих сему «звук»: *z-z-z, ou-ou-ou, o-o-o, го-го-го, gramophone, sirènes*. Эти слова передают крики, шумы, различные звуки, которые можно услышать на улице. Графика привносит аспект движения и звучания образа. Так автор с помощью графики стихотворения создаёт абсолютно целостную картину стихотворения, полностью передавая атмосферу страха и паники на улицах города.

В каллиграмме «Lettre-océan» «Письмо-океан» Аполлинер вводит в поэтическое пространство элементы почтовой открытки, тем самым, разделяя и совмещая реальность и поэзию. В стихотворении «Venu de dieuze...» «Вот пришел диез...» тоже использованы вставки некоторых реалии в поэтическое пространство, но здесь это уже не оторванные от творческого пространства объекты, это ноты и фрагменты нотной грамоты.

Нельзя сказать, что эти объекты противопоставлены содержанию или никак не соотносятся с семантикой произведения. Наоборот, они воспроизводят ритм стихотворения и подчёркивают его музыкальность. Уже при первом взгляде читатель «предвкушает» его содержание и может сказать, о чем пойдёт речь. Такие знаки как скрипичный ключ, тон, остальные ноты строят внешнюю музыкальную тему стихотворения, а слова «halte», «cantato» продолжают её, но уже во внутренней структуре произведения.

Каллиграммы Г. Аполлинера указывают на осознание важности материальных средств передачи, можно сделать вывод о том, что структурно-графическая организация каллиграмм выполняет не только эстетическую функцию, но и служит для передачи аспекта движения, звучания. При соотношении семантики выделенных лексем и семантической формы мы наблюдаем соединение структуры значения и изображения, т. е. графика поддерживает и двойственность семантики стихотворения.

Список литературы:

1. Степанова В.В. Слово в тексте. — СПб.: Наука, — САГА, — 2006. — 272 с.
2. Хартвиг Ю. Аполлинер. — М.: Прогресс, 1971. — 448 с.
3. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. — Ставрополь: Издательство СГУ, 2006. — 646 с.
4. Штайн К.Э. Принципы анализа поэтического текста. — СПб. — Ставрополь: СГУ, 1993. — 276 с.
5. Apollinaire Guillaume, Calligrammes: poèmes de la paix et de la guerre (1913—1916), Paris: Mercure de France, XXVI, 1918. — 208 p.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Черкасов Михаил Николаевич

*канд. экон. наук, доцент ФГБОУ ВПО «МАТИ — Российский
государственный технологический университет
имени К.Э. Циолковского», г. Москва
E-mail: mixantyt@mail.ru*

INNOVATIVE METHODS OF STUDENTS' TRAINING

Mikhail Cherkasov

*PhD of Economics, the assistant professor «MATI — Russian State
Technological University named after K.E. Tsiolkovsky», Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыты актуальные проблемы внедрения, развития и использования инновационных приемов и методов в процессе обучения студентов. Проведен анализ передового и современного инновационного инструментария, который используется преподавателями вузов. Обоснованы преимущества инновационного подхода по сравнению с традиционными формами подготовки студентов.

ABSTRACT

The issues of the day of introduction, development and use of innovative receptions and methods in the process of educating of students are exposed in the article. The analysis of front-rank and modern innovative tool that is used by the teachers of Institutions of higher education is conducted. Advantages of innovative approach are reasonable as compared to the traditional forms of preparation of students.

Ключевые слова: обучение; вуз; инновации; студент; активные инструменты; специалист; информационные технологии.

Keywords: educating; institution of higher education; innovations; student; active instruments; specialist; information technologies.

Образование является стратегической основой развития личности, общества, нации, государства и залогом успешного будущего. Преобразование постиндустриального общества в глобальное информационное, основанное не только на знаниях, но и на компетентности специалистов, значительно актуализировало проблему инновационных подходов к организации образовательных процессов. В результате чего к системе образования в современных условиях выдвигаются весьма высокие требования: она должна готовить специалистов к жизни и деятельности в широком, динамичном, быстро меняющемся мире, где перед человеком постоянно возникают нестандартные задачи, решение которых предполагает наличие умений и навыков строить и анализировать собственные действия. Для достижения поставленной цели в Федеральной целевой программе развития образования на 2011—2015 годы особый акцент был сделан на обеспечение инновационного характера системы образования в соответствии с социально-экономическими вызовами и инновационным характером экономики [1]. Ведущее место в такой системе занимают инновационные методы подготовки обучающихся в системе высшего образования, которые в будущем будут непосредственно причастны к формированию и обеспечению реализации инвестиционной и инновационной политики.

В современной научной литературе, посвященной проблемам управления инновационными процессами в сфере образовательной деятельности, отмечается сложность и многоаспектность данного процесса. Особое внимание сосредоточено на том, что инновационный подход к обучению студентов должен быть системным и охватывать все аспекты учебно-воспитательной работы при подготовке будущих

специалистов, при этом должны быть пересмотрены теоретические и практические подходы к содержанию образования, профессионально-педагогической подготовки преподавателей, разработке новых технологий и методов обучения. Обозначенную проблематику активно изучают отечественные и зарубежные исследователи, такие как Дж. Мартин, Л. Свенсон, И. Лернер, М. Скаткин, В. Беспалько, В. Сластенин, О. Пехота, С. Сысоева и др. Однако большинство исследований направлено на общеобразовательные учебные заведения, а высшая школа незаслуженно остается без внимания отечественных ученых. И работ, которые посвящены рассмотрению особенностей и отличительных черт инновационных методов обучения студентов, а также выявлению преимуществ и перспектив использования различных инновационных форм обучения, не так много.

Как известно, основу инновационных образовательных технологий, применяемых в учебном процессе, должен составлять социальный заказ, профессиональные интересы будущих специалистов, учет индивидуальных, личностных особенностей студентов [2]. Поэтому при подготовке специалистов в высшей школе применение инновационных форм и методов необходимо органично сочетать с прагматическим пониманием целей и задач обучения и подготовки кадров. В современной психолого-педагогической литературе отмечается, что инновационные методы получают отражение во многих технологиях обучения, направленных на развитие и совершенствование учебно-воспитательного процесса и подготовку специалистов к профессиональной деятельности в различных сферах жизни современного общества [3]. Они создают условия для формирования и закрепления профессиональных знаний, умений и навыков у студентов, способствуют развитию профессиональных качеств будущего специалиста. Использование преподавателями инновационных методов в процессе обучения способствует преодолению стереотипов в преподавании различных дисциплин, выработке новых подходов к профессиональным ситуациям, развитию творческих, креативных способностей студентов.

Эффективными формами учебной работы по внедрению в образовательный процесс инновационных процессов и формированию ключевых профессиональных компетенций будущих специалистов является применение различных активных форм и методов обучения: создание проектов, подготовка публичных выступлений, дискуссионное обсуждение профессионально важных проблем, обучение в сотрудничестве, создание проблемных ситуаций, подготовка профессионально направленных видеофильмов и презентаций

и т. д. Переход от информационно-объяснительного обучения к инновационно-действенному связан с применением в учебном процессе новых компьютерных и различных информационных технологий, электронных учебников, видеоматериалов, обеспечивающих свободную поисковую деятельность, а также предполагает развитие и личностную ориентацию [5]. Исходя из этого, на сегодня можно отметить различные инновационные методы обучения студентов, в частности, это проблемная и игровая технологии, технологии коллективной и групповой деятельности, имитационные методы активного обучения, методы анализа конкретных ситуаций, метод проектов, обучение в сотрудничестве, креативное обучение, инновационная образовательная проектная деятельность, лекция-пресс-конференция, лекция-беседа, лекция-визуализация, лекция-диспут и т. д.

Рассмотрим некоторые из представленных методов более подробно.

В игровой имитационном моделировании широко представлены различные игры: деловые, аттестационные, организационно-деятельностные, инновационные, рефлексивные игры по снятию стрессов и формированию инновационного мышления, поисково-апробационные и т. д. [4]. При использовании деловых игр преобладает продуктивно-преобразовательная деятельность студентов. В частности, для обучающих игр характерны многовариантность и альтернативность решений, из которых нужно сделать выбор наиболее рационального. Деловые игры в учебных целях получили в настоящее время достаточно широкое распространение в вузах и применяются, в основном, на старших курсах при изучении специальных дисциплин, особенно тех, которые связаны с экономикой, организацией и управлением, бухгалтерским учетом, правоведением, с новыми формами хозяйствования в рыночных условиях.

Инновационная образовательная проектная деятельность является эффективной формой организации учебного процесса, направленной на индивидуальное развитие познавательных интересов и творческих способностей студентов. Данный метод предполагает овладение технологией презентации различных творческих работ (отчетов, обзоров, рефератов, докладов на профессионально ориентированные темы). Смысл и цель педагогических инноваций заключается в осуществлении нового видения методологии обучения, привлечении новых методов, технологий, мультимедийных средств обучения в интересах развития личности будущего специалиста.

Метод проектов относится к исследовательским. В его основе лежит развитие познавательных навыков студентов, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического мышления и творческих способностей [3]. Метод проектов ориентирован на самостоятельную деятельность обучаемых — индивидуальную, парную или групповую, которую студенты выполняют в течение определенного промежутка времени. Этот подход органично сочетается с групповым подходом к обучению. Метод проектов всегда предполагает решение некоторой проблемы, которая предусматривает, с одной стороны, использование разнообразных методов и средств обучения, а с другой, интегрирование знаний и умений из различных областей науки, техники, технологии, творческих отраслей.

Креативное обучение предполагает свободный доступ каждого студента к ресурсам сети Интернет и базируется на следующих принципах:

- основой креативного обучения является предполагаемый образовательный продукт, который будет создан студентом;
- соответствие внешнего образовательного продукта студента его внутренним потребностям;
- индивидуальная образовательная траектория учащегося в образовательном пространстве;
- интерактивность занятий, осуществляемых с помощью телекоммуникаций;
- открытая коммуникация по отношению к создаваемой студентом образовательной продукции.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что в основе инновационных методов обучения студентов лежат активные методы, которые помогают формировать творческий, инновационный подход к пониманию профессиональной деятельности, развивать самостоятельность мышления, умение принимать оптимальные в условиях определенной ситуации решения. Как показывает практика, использование инновационных методов в профессионально ориентированном обучении является необходимым условием для подготовки высококвалифицированных специалистов. Использование разнообразных методов и приемов активного обучения пробуждает у студентов интерес к самой учебно-познавательной деятельности, что позволяет создать атмосферу мотивированного, творческого обучения и одновременно решать целый комплекс учебных, воспитательных, развивающих задач.

Список литературы:

1. Базилевич С.В., Брылова Т.Б., Глухих В.Р., Левкин Г.Г. Использование инновационных и интерактивных методов обучения при проведении лекционных и семинарских занятий // Наука Красноярья. — 2012. — № 4. — С. 103—113.
2. Осмоловская И.М. Инновации и педагогическая практика // Народное образование. — 2010. — № 6. — С. 182—188.
3. Симоненко Н.Н. Управление образовательными услугами с применением инновационных методов обучения // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2012. — № 2. — С. 201—206.
4. Скрипко Л.Е. Внедрение инновационных методов обучения: перспективные возможности или непреодолимые проблемы? // Менеджмент качества. — 2012. — № 1. — С. 76—84.
5. Федеральная целевая программа развития образования на 2011—2015 URL: <http://old.mon.gov.ru/dok/prav/obr/8311/> (дата обращения: 27.10.2012).

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Шарина Сардана Ивановна

*канд. филол. наук, зав. сектором эвенской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск.
E-mail: sarshar@mail.ru*

FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY IN THE ÈVEN LANGUAGE

Sardana Sharina

Candidate of Sciences, Head of Even philology department, Institute of humanitarian researches and Problems of the minorities peoples of the North of the Siberian Branch Russian Academy of Sciences, Yakutsk.

АННОТАЦИЯ

В статье освещены проблемы количественности, персональности, possessивности и локативности в эвенском языке, которые рассматриваются в русле функционального подхода, направленного на описание значения и функционирования языковых единиц в их разноуровневом взаимодействии. В связи с этим ставится цель раскрыть грамматическую сущность форм, выражающих функционально-семантические категории и показать взаимосвязь разных языковых средств, используемых для выражения данных категорий: грамматических, синтаксических и лексических.

ABSTRACT

The article highlights the problems of numerativity, personality, possessivity and locativity in the Èven language which are considered within the context of the functional approach directed at describing the meaning and functioning of linguistic units in their interaction of various levels. In this connection, the aim is to reveal the grammatical essence of the forms expressing the functional-semantic category and is to show the interrelationship of the various linguistic means used to express the locativity: grammatical, syntactical and lexical.

Ключевые слова: эвенский язык; функционально-семантическая категория; количественность; персональность; посессивность; локативность.

Keywords: the Even language; functional-semantic category; numerativity; personality; possessivity; locativity.

Проблема описания языков и в XXI веке остается одной из самых актуальных в языкознании. Её сложность для североведческой лингвистической науки состоит в том, что в связи с уровнем изученности этих языков и задачами предназначенности их описания встает вопрос об ограниченности, специфичности описания, когда оно выдерживается в одном аспекте. Опыт исследований последних лет по эвенскому языку показывает, что описание его грамматической системы в рамках функционального подхода вполне оправдано и целесообразно. Функционально-семантический подход, который опирается на методику структурно-семантического моделирования языковых единиц и полевого структурирования в настоящее время считается одним из перспективных направлений в исследовании эвенского языка. Его преимущества к описанию агглютинативных языков, в частности, эвенского, иллюстрировано В.А. Роббеком [3].

Раскрытие всей глубины реальных явлений предусматривает единую систему средств, относящихся к разным языковым уровням, объединение на уровне общности их семантических функций. Функционально-семантические категории в эвенском языке выражаются разноуровневыми средствами: морфологическими, лексическими, синтаксическими и имеют полевую структуру, состоящую из ядра и периферии. В данной статье предпринимается попытка комплексного функционально-семантического анализа языкового содержания категорий количественности, персональности, посессивности и локативности в эвенском языке.

Количественность мы определяем как «функционально-семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком количественной характеристики объектов, действий и явлений в языке и речи, и выражение языковыми средствами значений меры, величины, степени» [4, с. 48]. В эвенском языке отмечается довольно широкий спектр способов выражения количественности. Основными средствами являются морфологические показатели единичности/множественности — различного рода суффиксы для выражения количественности: нулевой показатель, сингулятив (чан/-чэн, -какан/-кэкэн), формы множественности (-л/-р, -сал/-сэл, -тил/-тал, -нил), формы совместности/взаимности (-нюн, -гли/-

гали, -йа/-йэ, -саг/-сэг, -каг/-кэг), числа субъектов действия, фазы, кратности, интенсивности действия и показатели количества отдельных процессов. К лексическим средствам относятся счетные слова, действительные слова со значением определенных мер, традиционные меры объема, пространства, времени (например, чаңат `расстояние, пройденное без остановки, около 30 км`, эвумрэ `щепотка`, илаври дьуптари `олень-самец 11 лет`, чай хуйэлтыңын `промежуток времени для закипания чая` и др.). К синтаксическим средствам относятся повтор, перечисления, сочетания антонимов. Например: Анңан-анңантан ноңартан урэкчэр хэелитэн дюгаддэтта. `Из года в год они проводили лето на вершинах гор`. Илэ-гала олар удилтан иманрала оняпчал. `Здесь-там (местами) оленьими следами снег разрисован`.

Под категорией персональности в эвенском языке мы понимаем «систему грамматических форм, объединенных обобщенным категориальным значением лица» [5, с. 43]. Функционально-семантическая категория персональности опирается на глагольные и местоименные формы лица, лексические средства (различные наименования лиц типа: аман `отец`, ораччимңа `оленовод`), а также синтаксические средства выражения этой семантики. Также персональность в эвенском языке в определенной речевой ситуации может выражаться контекстом, главным образом при характеристике лиц образными, эмоционально окрашенными выражениями, например: Њин, хуптуриди, хогдий далчаңчинни. `Собака, отстав, хвост свой лижет (о виноватом в чем-то человеке)`. Көрбэ хокан эңилкэн-дэ, оңаттукун элгэптэн. `Олень-бык очень сильный, да за нос водится (о человеке, который при определенных успехах допускает какую-нибудь слабость)`.

При определении средств эвенского языка, служащих для выражения посессивных отношений, мы исходим из определения А.В. Бондарко: «Посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого» [1, с. 99]. Основным средством выражения значения обладания в эвенском языке являются собственно притяжательные формы (лично-притяжательные суффиксы -в, -му, показывающие принадлежность 1-му л. ед. ч.; 2-му л. ед. ч. — -с-; 3-му л. ед. ч. — -н; 1-му л. мн. ч. — -вун, -т; 2-му л. мн. ч. — -сан/-сэн; 3-му л. мн. ч. — -тан/-тэн). Для эвенского языка характерно чрезвычайно широкое употребление лично-притяжательных показателей. Даже весьма приблизительные данные сопоставительного подсчета частотности этих форм обнаруживают довольно красноречивые цифры по сравне-

нию с другими формами, актуализирующими посессивность. Данное явление распространяется и на возвратно-притяжательные суффиксы -й, -и, -ми, -би, -вур, -ур, -мур, -бур. На предназначение предмета определенному лицу указывает суффикс назначительного падежа -га/-ка/-ңа, который используется с возвратно-притяжательным суффиксом. Показатель относительной принадлежности -ң также может быть включен в данный список, но семантически он указывает скорее на отношение лица к данному предмету.

Нельзя не отметить встречающуюся в эвенской речи некоторую «загруженность» посессивными показателями одного и того же слова. Так, весьма высокую частотность обнаруживает оформление по модели «суффикс косвенной принадлежности + суффикс назначительного падежа + показатель безличной принадлежности». Например: Няң олраңгавур бэйнэдэвур мулгаритан. `И решили (они) пойти ловить рыбу себе`. Тарбач берусэл ноңман атикаңгавур гасчинар. `И вот берусы захотели ее в жены взять`.

К морфологическим средствам выражения посессивности относятся также форма обладания имен -лкан, словообразующие суффиксы прилагательных -пчи, -мнан/-мнэн. Актуализаторами обладания являются и словообразующие глагольные суффиксы -та/-тэ, -лат/-т/-лэч, -нач/-т, -ң (например, от слова дю `жилище, юрта` образуется глагол дюндай `присвоить чей-либо дом, юрту`). Лексическими показателями посессивности являются притяжательные и возвратные местоимения. К этой же группе относятся эвенские глаголы обладания. К синтаксическим способам выражения посессивности можно отнести экзистенциально-локативные конструкции с оформлением имени обладателя местным падежом.

Локативность в функциональной грамматике трактуется как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и, вместе с тем, как функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений [1, с. 5]. Языковые средства, показывающие локативность, разнотипны. В эвенском языке это: показатели падежей, послелогов, указывающие на местонахождение, наречия места, различного рода сочетания предиката с падежными, послеложными и наречными локативными показателями.

Основной формой выражения локализатора в эвенском языке является существительное, оформленное локативными (или дательным) падежами, или существительное с послелогом, с падежным и притяжательным оформлением. Всякий раз, когда необходимо

определить местонахождение предмета, независимо от контекста и ситуации, прибегают к этой форме: Мут урэкчэндули бадутникан окат бардалан уямкарбу иттит. `Мы, проезжая верхом по горе, увидели на том берегу реки снежных баранов`. Локализатор может обозначаться и наречиями места.

Пространственное отношение может быть выражено любым средством, обозначающим связь двух субстанций. В эвенском языке к таким средствам относятся послелого, падежные показатели, глаголы. Локализация в пространстве может интерпретироваться как перемещение или местонахождение предмета. В зависимости от характера выражения пространственных отношений глаголы могут быть разделены на три группы: глаголы, требующие или допускающие обстоятельство, выражающее местонахождение (глаголы положения в пространстве); глаголы, требующие или допускающие обстоятельство, выражающее перемещение (глаголы движения); глаголы, выражающие своей основой пространственное отношение (собственно пространственные глаголы). Глаголы первых двух групп связаны с выражением общих пространственных отношений, глаголы последней группы могут сами участвовать в выражении частных пространственных отношений.

Как известно, в эвенском языке позиционные глаголы, требующие или допускающие обстоятельство, выражающее местонахождение — позицию предмета в отношении одного из трех измерений, управляют местным и дательным падежами. Форма дательного падежа действительно используется с локализуемыми предметами одушевленными, причем с учетом критерия как бы временной связи, тогда как выбор местного падежа попадает на примеры с инактивным локализуемым предметом с учетом критерия постоянных пространственных отношений.

В ядро поля локативности могут быть выведены показатели локативных падежей. Падежные суффиксы в эвенском языке выступают в автономной функции, указывая самостоятельно на локализацию предмета, или же в сопряженной функции, уточняя значение послелога. Так, автономную функцию можно усматривать у показателей следующих локативных падежей: продольный — обозначающий маршрут движения (-ли/-дули/-тули); дательный, местный, направительный, направительно-местный, направительно-продольный (показатели -ду/-ту-ла/-лэ; -тки/-таки/тэки; -кла/-клэ; -кли), обозначающие «место», конечную точку; отложительный и исходный (-дук/-тук; -гич/-нич) — обозначающие начальную точку движения.

Следующая после ядра по степени грамматикализованности сфера состоит из лексических элементов, выражающих положение в пространстве. Это довольно большой пласт языка, который

мы группируем по значениям. К лексическим средствам выражения локативности относятся послелого, наречия.

Послелого являются в эвенском языке одним из важнейших средств выражения пространственных отношений. Послелого, актуализирующие локативность: собственно послелого, которые изолировались от наречий и имен и остались только в роли послелогов; отыменные послелого, образованные от имен пространственного значения и наречные послелого.

Использование наречий для выражения пространственного значения теснейшим образом связано с обозначением локализатора. При выражении пространственного отношения наречием особое обозначение локализатора отсутствует. Локализатор в таком случае подсказывается контекстом или ситуацией. Наречие является по сути дела вторичным способом обозначения пространственного отношения, т. к. оно никогда не выступают в роли самостоятельной номинации места.

Итак, при рассмотрении определенных функционально-семантических категорий в эвенском языке обнаруживается следующее. И количественность, и персональность, и посессивность, и локативность в эвенском языке опираются на категории морфологические. В данном случае находит подтверждение точка зрения о том, что в эвенском и в других тунгусо-маньчжурских (т. е. агглютинативных) языках функционально-семантическими являются лишь те категории, ядром которых является морфологическая категория [2]. Теоретические положения функциональной грамматики аргументированы материалом эвенского языка, выявляя общие тенденции в языковых процессах и специфические проявления в отдельном языке.

Список литературы:

1. Бондарко А.В., Восойкова М.Д., Гак В.Г. и др. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. — 229 с.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 289 с.
3. Роббек В.А. О новом подходе к исследованию грамматики тунгусо-маньчжурских языков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2010. — № 1 — С. 48—55.
4. Шарина С.И. Категория количественности в эвенском языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — 115 с.
5. Шарина С.И. Персональность и посессивность в эвенском языке. Новосибирск: Наука, 2001. — 96 с.

СЕКЦИЯ 6.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВРОЖДЕННЫХ ПОРОКОВ РАЗВИТИЯ КОСТНО- МЫШЕЧНОЙ СИСТЕМЫ У НОВОРОЖДЕННЫХ ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ

Пишак Василий Павлович

*д-р мед. наук, проф. заведующий кафедрой медицинской биологии,
генетики и фармацевтической ботаники Буковинского
государственного медицинского университета, г. Черновцы*

Ризничук Марьяна Александровна

*ассистент кафедры педиатрии и медицинской генетики,
Буковинского государственного медицинского университета,
г. Черновцы*

E-mail: rysnichuk@mail.ru

EPIDEMIOLOGICAL EVALUATION OF BIRTH DEFECTS OF BONES AND MUSCLES IN NEWBORNS OF THE CHERNIVTSY REGION

Vasiliy Pishak

*MD, PhD, Prof., supervisor of the department of medical biology, genetics
and pharmaceutical botanics
Bukovinian State Medical University (Chernivtsy)*

Maryana Ryznychuk

*Assistant of Department of Pediatrics and Medical Genetics, Bukovinian
State Medical University (Chernivtsy)*

АННОТАЦИЯ

Анализируется частота и структура формирования пороков развития костно-мышечной системы у детей Черновицкой области. Пороки и деформации костно-мышечной системы в Черновицкой области превышают данные по Украине и других странах в 2,7 раза. В структуре пороков костно-мышечной системы, выявленных у новорожденных преобладает врожденный вывих бедра.

ABSTRACT

Analyzes the frequency and structure of formatting of congenital malformations and deformations of the musculoskeletal system in children of Chernivtsy region. Congenital malformations and deformations of the musculoskeletal system in Chernivtsy region are higher than the data for Ukraine and other countries of 2.7. Defects in the structure of the musculoskeletal system, the identification of newborns prevalent congenital hip dislocation.

Ключевые слова: врожденные пороки развития; новорожденные; костно-мышечная система.

Keywords: congenital malformations; newborns; musculoskeletal system.

Вступление. Врожденные пороки развития (ВПР) являются актуальной и все еще не решенной проблемой современной медицинской науки [8, с. 135]. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), эти частые и тяжелые заболевания встречаются у 5,5 % новорожденных [7, с. 82; 5, с. 36]. Генетически обусловленные болезни служат причиной смерти 33—37 % детей в возрасте до 1 года, способствуют развитию инвалидности у 40 % детей и представляют собой острую медицинскую и социальную проблему не только в России, но и в большинстве европейских стран [3, с. 59]. Врожденные аномалии опорно-двигательного аппарата у детей составляют около 50 % всей патологии данной системы детского возраста и 25,3 % всех ортопедических заболеваний [1, с. 6; 6, с. 4]. Среди врожденных аномалий костно-мышечной системы преобладают дисплазия тазобедренного сустава и врожденный вывих бедра, частота которых составляет 30—70 % детей с патологией данной системы. Врожденный вывих бедра отмечается у 5 из 1000 новорожденных (по другим данным — 1:400), затем следуют кривошея — 10—30 %, косолапость — 1,3—34,4 %, синдактилия, полидактилия и другие редукционные аномалии кисти и стопы, эктромелия — 10—15% [10, с. 93]. Врожденные аномалии

развития опорно-двигательного аппарата и лицевого скелета входят в список Международного регистра EUROCAT [9].

Материалы и методы исследования. Исследование частоты ВПР проводилось в Черновицкой области на базе медико-генетического центра (МГЦ) областного диагностического центра (ЧОДЦ). Использовался ретроспективный метод исследования за 2004—2008 гг. путем изучения регистрационных генетических карт (ф. № 149/0), утвержденных приказом МЗ Украины от 13.12.1999 г. № 290. Кроме того нами изучались отчеты ЧОДЦ МЗ Украины — ф. № 49-здоров. «Отчет о предоставлении медико-генетической помощи», утвержденная приказом Минздрава Украины от 03.05.1999 г. № 102; ежегодные статистические сборники (2004—2008 гг.) областной детской клинической больницы г. Черновцы; сообщения о рождении ребенка и обследование на наличие врожденных пороков развития, хромосомной и наследственной патологии (ф.149-1/0). Случаи зарегистрированных ВПР, определялись по месту жительства матери. Для сбора материала использовался когортный метод.

Демографические показатели выбирались из ежегодных статистических справочников ОДКБ. За исследуемый период (2004—2008 гг.) мониторингом охвачено 51129 новорожденных в Черновицкой области, в 1777 случаях выявлено врожденные пороки развития.

Проведенные исследования частоты ВПР по годам за проанализированный период на основе данных регистра и сравнительно данным Международного регистра ВПР Европейских стран.

Результаты и обсуждение. При анализе распространенности ВПР у новорожденных Черновицкой области ведущее место занимают ВПР и деформации костно-мышечной системы (17,2 ‰), на втором — ВПР сердечно-сосудистой системы (4,6 ‰), на третьем — ВПР половых органов (3,8 ‰), и четвертом — множественные врожденные пороки развития (2,6 ‰).

Изучая распространенность ВПР среди новорожденных в Черновицкой области за 2004—2008 годы, получены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1.

Частота врожденных пороков развития у новорожденных Черновицкой области за 2004—2008 гг.

Годы	Количество новорожденных	Частота врожденных пороков развития на 1000 новорожденных	
		абсолютно	на 1000 детей
2004	9759	293	30,02
2005	9941	330	33,20
2006	10221	351	34,34
2007	10087	356	35,29
2008	11121	447	40,19
Всего	51129	1777	173,0
Среднее	10225±529,1	355,4±56,9	34,61±3,7

Считалось целесообразным сопоставить показатели рождаемости с уровнем врожденных пороков развития. Анализируя данные по Черновицкой области, наблюдалось незначительное повышение рождаемости с 2004 по 2008 гг. и рост ВПР в 1,5 раза — из 293 случаев в 2004 году до 447 случаев в 2008 году.

Всего за период с 2004 по 2008 гг. родилось 51129 детей, среди них зарегистрировано 1777 ВПР общего учета. Базовая частота последних среди новорожденных Черновицкой области за исследуемый период составила 34,61±3,31%. Примерно такая же частота зарегистрирована в Минске (33,5%) [4, 15].

За период наблюдения между числом новорожденных и частотой ВПР общего учета отмечается прямой сильная корреляционная связь ($r=0,98$, $p<0,05$), т. е. с каждым годом количество ВПР достоверно увеличивается.

Результаты мониторинга ВПР проанализированы и сравнены с данными по Украине, Российской Федерации и EUROCAT (табл. 2).

Таблица 2.

Частота врожденных пороков развития среди новорожденных в Черновицкой области и по данным Международного регистра (‰)

Территория	1	2	3	4	5	6	7	8
Частота врожденных пороков развития	34,61	23,32	21,75 (8,6— 21,9)	34,20	40,61	14,59	33,17	18,6 (7,5— 40,0)

Примечание: 1 — Черновицкая область, 2 — Украина, 3 - EUROCAT, 4 — Чехия, 5 — Финляндия, 6 — Польша, 7 — Австрия, 8 — Россия [4, с. 14]

При анализе таблицы 2 частота ВПР в Черновицкой области сравнима с частотой таковых в Чехии и Австрии, но ниже чем в Финляндии. При сопоставлении с данными Международного регистра EUROCAT и Украины, частота ВПР в Черновицкой области превышает такую по EUROCAT на 12,86 ‰ и показатели по Украине — на 11,29 ‰. В Польше наоборот, наблюдается снижение данного показателя в 2,5 раза, что указывает на высокий пренатальный уровень диагностики и своевременную первичную профилактику ВПР.

Наибольший удельный вес в структуре всех пороков (49,47 %) составляют ВПР костно-мышечной системы. Примерно такая распространенность врожденных аномалий развития этой системы зарегистрирована Верзилиной И.Н. и соавт. среди новорожденных г. Белгорода РФ (38,15 ‰) [2, с. 151].

За период с 2004 по 2008 год наблюдался максимальный удельный вес пороков и деформаций костно-мышечной системы в 2007 году (56,74 ‰), а минимальный — в 2008 году (39,15 ‰) (табл. 3).

Таблица 3.

Удельный вес врожденных пороков развития и деформации костно-мышечной системы среди всех пороков в Черновицкой области за 2004—2008 гг

Нозология	Годы					Всего
	2004	2005	2006	2007	2008	
Общее число врожденных пороков развития	293	330	351	356	447	1777
Пороки развития и деформации костно-мышечной системы, абсолютное число, %	161 54,95	164 49,70	177 50,43	202 56,74	175 39,15	879 49,47

При сравнительном анализе структуры ВПР и деформации костно-мышечной системы выявлено, что наибольший удельный вес приходится на врожденный вывих бедра (40,61 %), наименьший — на редукционные пороки конечностей (1,93 %) (табл. 5).

Таблица 5.

Структура ВПР и деформации костно-мышечной системы по данным генетического мониторинга в Черновицкой области за 2004—2008 гг.

Нозологические формы	Годы					Всего
	2004	2005	2006	2007	2008	
Врожденные пороки и деформации костно-мышечной системы	161	164	177	202	175	879
Врожденный вывих бедра, абсолютное число, %	14 8,70	108 65,85	98 55,37	125 61,88	12 6,86	357 40,61
Полидактилия, абсолютное число %	13 8,07	3 1,83	8 4,52	7 3,46	0 0	31 3,53
Синдактилия, абсолютное число %	7 4,35	6 3,66	6 3,39	2 0,99	4 2,29	25 2,84
Редукционные пороки развития конечностей, абсолютное число %	2 1,24	3 1,83	0 0	3 1,49	9 5,14	17 1,93
Косолапость, абсолютное число %	0 0	0 0	10 5,65	18 8,91	22 12,57	50 5,68
Деформация стопы, абсолютное число %	0 0	23 14,02	0 0	31 15,35	12 6,86	66 7,51

Дисплазия тазобедренных суставов, абсолютное число %	119 73,91	15 9,15	51 28,81	15 7,43	113 64,57	313 35,61
Дефект брюшной стенки, абсолютное число %	6 3,73	6 3,66	4 2,26	1 0,49	3 1,71	20 2,29

Максимальное количество ВПР и деформаций костно-мышечной системы зарегистрировано в 2007 году (20,03 %), минимальное — в 2008 году (15,74 %) (табл. 6).

Таблица 6.

Динамика частоты врожденных пороков развития и деформаций костно-мышечной системы (на 1000 новорожденных) по нозологическим формам у новорожденных в Черновицкой области

Нозологические формы	Годы					
	2004	2005	2006	2007	2008	Всего
Пороки развития и деформации костно-мышечной системы	16,50	16,50	17,32	20,03	15,74	17,22
Врожденный вывих бедра	1,44	10,86	9,59	12,39	1,08	7,07
Полидактилия	1,33	0,31	0,78	0,69	0	0,62
Синдактилия	0,72	0,60	0,59	0,20	0,36	0,49
Редукционные пороки конечностей	0,21	0,31	0	0,30	0,81	0,33
Косолапость	0	0	0,98	1,78	1,98	0,96
Деформация стопы	0	2,31	0	3,08	1,08	1,29
Дисплазия тазобедренных суставов	12,19	1,51	4,99	1,49	10,16	6,07
Дефект брюшной стенки	0,61	0,60	0,39	0,10	0,27	0,39

Как видно из табл. 6, чаще всего встречается врожденный вывих бедра 7,07 %, минимальная частота приходится на редукционные пороки конечностей (0,33 %).

При сравнении частоты УВР и деформации костно-мышечной системы с данными по Украине и EUROCAT (на 1000 новорожденных) за исследуемый период получены следующие данные (табл. 7).

Таблица 7.

Сравнительная частота врожденных пороков развития по нозологическим формам у новорожденных, по данным реестров Черновицкой области и EUROCAT (на 1000 новорожденных)

Нозологические формы	Регионы					
	1	2	3	4	5	6
Пороки развития и деформации костно-мышечной системы	17,22	6,49	5,37	2,84	4,78	4,61
Врожденный вывих бедра	7,07	1,36	0,58	0,22	0,21	1,06
Полидактилия	0,62	1,55	0,89	0,11	1,42	0,62
Синдактилия	0,49	0,33	0,48	0,08	0,35	0,15
Редукционные пороки конечностей	0,33	0,55	0,41	0,06	0,51	0,14
Косолапость	0,96	0,22	0,77	0,95	0,81	0,72
Деформация стопы	1,29	0,22	0,77	0,95	0,81	0,72
Дисплазия тазобедренных суставов	6,07	1,36	0,58	0,22	0,21	1,06
Дефект брюшной стенки	0,39	0,90	0,89	0,25	0,46	0,14

Примечание: 1 — Черновицкая область 2 — Украина, 3 — Австрия, 4 — Ирландия, 5 — Мальта, 6 — Португалия

При анализе таблицы 7 видно, что пороки и деформации костно-мышечной системы в Черновицкой области превышают данные как по Украине, так и другим странам примерно в 2,7 раза.

Вывод. Результаты клинико-статистического исследования свидетельствуют, что распространенность аномалий костно-мышечной системы в структуре ВПР у новорожденных Черновицкой области требуют углубленных исследований.

Список литературы:

1. Акперова Г.А. Распространение врожденных аномалий скелетной системы в популяциях Муганской и Ширванской зон Азербайджана / Г.А. Акперова // *Фундаментальные исследования.*— 2009.— № 8.— С. 6—9.
2. Верзилина И.Н. Распространенность и структура врожденных аномалий развития у новорожденных детей г. Белгорода / И.Н. Верзилина, Н.М. Агарков, М.И. Чурносов // *Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского.* — 2009. — Т. 88, № 2. — С. 151—154.
3. Верихов Б.В. Эпидемиологические аспекты изучения костно-мышечной патологии у детей (на примере Пермской области) / Б.В. Верихов, О.Ю. Устинова, Н.В. Зайцева // *Гиги. и сан.* — 2007. — № 3. — С. 58—60.
4. Демикова Н.С. Мониторинг врожденных пороков развития и его значение в изучении их эпидемиологии / Н.С. Демикова // *Рос. вестн. перинатол. И педиатрии.* — 2003. — Т. 56, № 4. — С. 13—17.
5. Куценко Г.И. Влияние антропогенной окружающей среды на частоту вредных пороков развития у детей / Г.И. Куценко, Н.М. Агарков, Н.М. Яковлев. — М.; Орел: Вешн. воды, 2002. —148 с.
6. Малахов О.А., Кралина С.Э. Врожденный вывих бедра (клиническая картина, диагностика, консервативное лечение). — М: Медицина, 2006. — 208 с.
7. Роль наследственных болезней и врожденных пороков развития в возникновении детской инвалидности и возможные меры профилактики / А.С. Симаходский, О.П. Романенко, Д.К. Верлинская, Е.Ю. Кузнецова // *Вопр. практ. пед.* — 2008. — Т. 3, № 4. — С. 82—85.
8. Роль фактора сезонности и формирования врожденных пороков развития / О.В. Антонов, Е.В. Богачёва, А.А. Комарова [и др.] // *Бюлл. сибир. мед.*— 2012.— № 3.— С. 135-138.
9. EUROCAT <http://www.eurocat-network.eu>. (дата обращения 20.11.2011 г.).
10. Hemminki K. Congenital malformations by parental occupation in Finland / K. Hemminki, P. Mutanen, K. Luoma [et al.] // *Int. Arch. Occup. Environ. Health.* — 1980. — Vol. 4, № 6. — P. 93—98.

ПРИМЕНЕНИЕ ФОКУСИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ В КАРДИОЛОГИИ КАК МЕТОДА, ПОЗВОЛЯЮЩЕГО ОЦЕНИТЬ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ К ТЕРАПИИ

Семенова Ольга Николаевна

*аспирант кафедры факультетской терапии ГБОУ ВПО
«Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России»,
г. Саратов*

E-mail: semenova280484@yandex.ru

Наумова Елизавета Александровна

*д-р мед. наук, профессор кафедры факультетской терапии
ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского
Минздрава России», г. Саратов*

E-mail: Naumova-L@yandex.ru

APPLICATION OF THE FOCUSED INTERVIEW IN CARDIOLOGY AS A METHOD TO ASSESS ADHERENCE TO THERAPY

Olga Semenova

*Post-graduate student of the chair of faculty therapy of GBOU VPO
«Saratov State Medical University n.a. V.I. Rasumoskiy of Ministry
of health », Russia, Saratov*

Elizaveta Naumova

*Doctor of medical Sciences, Professor of the faculty therapy chair
of GBOU VPO «Saratov State Medical University n.a. V.I. Rasumoskiy
of Ministry of health», Russia, Saratov*

АННОТАЦИЯ

Цель: изучить причины, влияющие на поведение пациентов и эффективность лечения. Метод: фокус-группы. Результаты и выводы: исследовано 6 групп пациентов (3 группы (фокус-группа № 1) — пациенты, участвующие в клинических исследованиях, соблюдающих рекомендации врача и 3 группы (фокус-группа № 2) —

с неоднократным опытом госпитализации, не соблюдающие терапию). В исследуемых группах выражена патерналистическая модель общения врач-пациент. Существуют личностные характеристики врача и пациента, которые могут влиять на приверженность к терапии.

ABSTRACT

Aim: to examine reasons influencing the behavior of patients and the effectiveness of the treatment. Methods: focus-groups. Results and conclusions: investigated the 6 groups of patients (3 groups (focus-group № 1) — patients participating in clinical trials that comply with the recommendations and the 3 groups (focus-group № 2) with repeated experience of hospitalization, non-compliance with therapy). In the groups expressed paternalistic-model of doctor-patient communication. There are the personal characteristics of the physician and the patient, which may affect the adherence to therapy.

Ключевые слова: приверженность; невыполнение врачебных рекомендаций; фокусированное интервью; фокус-группы.

Keywords: adherence; noncompliance of medical recommendations; focused interviews; focus- groups.

Актуальность проблемы

Невыполнение пациентами врачебных назначений и рекомендаций — серьезнейшая проблема современной врачебной практики. Одной из причин этого является отсутствие взаимопонимания врача и пациента [2].

Фокус-группа — особая форма группового интервью, объединенная по некоторым критериям малая группа, внимание и интеллектуальные усилия которой временно сконцентрированы ведущим (модератором группы) на определенной теме для определения отношения к поставленной проблеме, выяснения мотивации тех или иных действий [1, 3, 7]. Фокус-группа обычно формируется из 7—12 участников, не знакомых друг с другом [3, 7]. При меньшем числе участников получить достоверную информацию невозможно из-за недостатка участвующих, при большем, из-за того, что не все участники успеют высказаться. Участники отбираются по наличию ряда общих характеристик, имеющих отношение к теме фокус-группы [3, 7]. Важным достоинством метода является проявление в беседе неосознанных установок, которые становятся осознанными и выявляются в процессе общения [1].

Цель исследования: изучение причин, влияющих на поведение пациентов с помощью проведения группового фокусированного интервью.

Материалы и методы: исследование проводилось в январе и октябре 2012 г. В исследование включались пациенты с хроническими заболеваниями сердечно-сосудистой системы. Всего было исследовано 6 групп пациентов, из них 3 группы — пациенты, участвующие в различных клинических исследованиях (КИ) по поводу сердечно-сосудистой патологии (ишемическая болезнь сердца, хроническая сердечная недостаточность, артериальная гипертензия), проводимых в различных центрах г. Саратова, тщательно соблюдающие все рекомендации врача (в дальнейшем по тексту фокус-группа № 1) и 3 группы — пациенты с неоднократным опытом госпитализации по поводу сердечно-сосудистого события, госпитализированные вновь в кардиологическое отделение Клинической больницы по поводу обострения сердечно-сосудистой патологии, не соблюдающие, частично соблюдающие, а иногда и полностью отказывающиеся от амбулаторной терапии после выписки из стационара (в дальнейшем по тексту фокус-группа № 2). Все пациенты, участвующие в данном исследовании, отбирались лечащими врачами. Количество человек в группах составляло от 7 до 12. С каждой из 6 групп поочередно проводилась групповая беседа под руководством модератора (опытного и квалифицированного социолога, без медицинского образования, не знакомого с пациентами). Длительность беседы составляла около 1,5 часов. Мероприятия фиксировались видеокамерой и диктофоном. Задаваемые вопросы приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Вопросы, обсуждаемые с пациентами

Что такое болезнь в принципе и для Вас конкретно?
Что Вы знаете о своем заболевании? Насколько Вам важно знать информацию о своем заболевании, и в каком объеме?
Считаете ли Вы свою болезнь серьезной и насколько?
Почему некоторые люди лечатся регулярно, а другие — полностью отказываются от лечения?
<i>Для пациентов фокус-групп № 1:</i> Почему Вы приняли решение проводить постоянное лечение именно в рамках КИ?
Что Вы думаете о сотрудничестве с врачом? Какие отношения с врачом у Вас на данный момент?

Насколько для Вас важно принимать решение о лечении вместе с врачом и как это сотрудничество может повлиять на Ваше решение о постоянном лечении?
Что Вам сложнее всего соблюдать: прием препаратов, соблюдение режима дня, диеты, посещение плановых обследований.
Каким должен быть процесс лечения, чтобы Вы были этим удовлетворены?
Какова лично для Вас мотивация к постоянному лечению после выписки?
Как часто Вы принимаете предписанные Вам препараты?
Какие факторы влияют на регулярность приема препаратов?

Все вопросы задавались только в открытой форме. Врач-исследователь, имеющий многолетний опыт работы с проблемой приверженности пациентов к лечению, наблюдал on-line трансляцию беседы и с помощью sms или записок, передаваемых через ассистента, задавал дополнительные вопросы и давал комментарии модератору. Ход беседы в дальнейшем был застенографирован. Результаты беседы обсуждались совместно врачами-исследователями и социологом. Все пациенты добровольно согласились на участие и подписали информированное согласие.

В работе использовалось деление нонкомплаинса на осознанный (сознательное прекращение или продолжение лечения) и неосознанный (регулярность приема препаратов) компоненты [4, 8].

Результаты: в исследовании приняло участие 47 пациентов: 25(53,2 %) мужчин и 22 (46,8 %) женщины. Медиана возраста составила 59 лет. (Таблица 2) В состав фокус — групп № 1 поочередно вошли 12, 7 и 7 пациентов, в составе фокус — группы № 2 в каждой беседе приняло участие по 7 человек. Стоит отметить, что на участие в данном исследовании пациенты первой группы соглашались без помех, а вот пациенты второй группы крайне неохотно.

Таблица 2.

Характеристика пациентов

	Фокус * группа № 1	Фокус * группа № 2
Пол Мужской	17 (36,2 %)	8 (17 %)
Женский	9 (19,1 %)	13 (27,7 %)
Возраст: не достигшие пенсионного возраста	2 (4,2 %)	5 (10,6 %)
достигшие пенсионного возраста	24 (51,1 %)	16 (34,1 %)
Наличие артериальной гипертонии	25 (53,2 %)	19 (40,4 %)
Наличие ИБС	25 (53,2 %)	20 (42,6 %)
Перенесенный инфаркт миокарда	22 (46,8 %)**	6 (12,8 %)
Наличие ХСН	23 (48,9 %)	19 (40,4 %)
Перенесенное ОНМК	3 (6,4 %)	4 (8,5 %)
ХИГМ	8 (17 %)	6 (12,8 %)
Мерцательная аритмия	5 (10,6 %)	8 (17 %)
Ожирение	12 (25,5 %)	5 (10,6 %)
Сахарный диабет	9 (19,1 %)	5 (10,6 %)
Дислипидемия	11 (23,4 %)	16 (34 %)

* — в таблице приведены суммарные характеристики по трем группам;

** — различия достоверны, $p < 0,05$

Группы в целом были сопоставимы между собой. В группе № 1 было достоверно больше больных с перенесенным инфарктом миокарда.

В таблице 3 представлены характерные ответы пациентов обеих групп.

Таблица 3.

Наиболее частые ответы пациентов

Вопрос	Фокус-группа № 1	Фокус-группа № 2
<i>Что такое болезнь?</i>	«Болезнь — это катастрофа, случайность» «Болезнь — это судьба» «Болезнь — это образ жизни»	«Болезнь — потеря здоровья, хорошей работы, ухудшение семейного бюджета, ограничение активности»
<i>Что Вы знаете о своем заболевании?</i>	«Достаточный уровень — это название болезни, на что она влияет, на что может повлиять, какое будет самочувствие, что нужно делать и чего не нужно делать»	«Курса лечения, который проходишь, хватает на полгода, а когда ухудшение, надо показаться врачу» «Все знаем, только ничего не выполняем»
<i>Насколько важна информация и в каком объеме?</i>	«Меньше знаешь, лучше спишь» «Кто предупрежден, тот вооружен»	«Мы очень мало информированы о том, какие болезни есть, как не доводить себя до серьезного» «Я знаю практически ВСЕ, ну нужно знать еще больше, мне хочется жить дольше»
<i>Считаете ли Вы свою болезнь серьезной и насколько?</i>	«Наша болезнь — это наш образ жизни, не надо из этого делать трагедии, это такая жизнь»	«Болезнь мешает полноценно работать, отдыхать, жить в полную силу, как хотелось бы, вот в чем серьезность» «Если болезнь терпима, то можно «махнуть рукой»»
<i>Почему Вы приняли решение проводить постоянное лечение именно в рамках клинических исследований?</i>	«Моя мотивация — «Я хочу жить!»» «Врачи-исследователи — это специалисты, «мастера на все руки», которые «поставили меня на ноги», я благодарен программе»	

<i>Почему некоторые люди лечатся регулярно, а другие полностью отказываются от лечения?</i>	«Мы все не верили, пока тяжелая болезнь не случилась» «Значит не совсем «прижало» «Гром не грянет — мужик не перекрестится»	«Нет времени нам прием таблеток, быт, семья, работа, а потом уже здоровье» «Таблетки нужны, когда плохо» «Думаю, что вылечился!» «Нет четкого контроля, и мы забываем»
<i>Что Вы думаете о сотрудничестве с врачом? Какие отношения с врачом у Вас на данный момент?</i>	«Сотрудничество — это главное в процессе лечения» «Мы доверяем врачу как профессионалу» «И врачи выбирают «проверенную гвардию!»»	«Естественно, очень ВАЖНО понимать друг друга, тогда и претензий меньше будет. Если бы так было и в поликлинике, мы бы регулярно обследовались, лечились»
<i>Насколько для Вас важно принимать решение о лечении вместе с врачом и насколько это сотрудничество может повлиять на Ваше решение о постоянном лечении?</i>	«Если есть выбор, выберу то, что скажет врач, ориентируюсь на мнение врача» «Врач сказал — я согласился» «Мы сами не можем выбрать» «Я советуюсь с врачом, доверяю врачу, что лучше, скажет врач»	«Необходимо совместно принимать решение с врачом» «Мы полностью доверяем врачам стационара» «В поликлинике не разговаривают с нами, врачам поликлиники не хватает времени на общение с нами»
<i>Что Вам сложнее всего соблюдать: прием препаратов, соблюдение режима дня, диеты, посещение плановых обследований.</i>	«Мы все соблюдаем» «Сложнее всего соблюдать режим питания и диету (хочется себя побаловать)»	«Никакой пользы от соблюдения всего нет: если сердце уже изношено — то уже все бесполезно!» «Трудно все соблюдать в комплексе» «Сложно вспомнить, что нужно пить таблетки»
<i>Каким должен быть процесс лечения, чтобы Вы были этим удовлетворены?</i>	«Удовлетворены, не в чем усомниться» «Очень важна организация, информация и общение с врачом, а именно его внимание»	«Преимственность между стационаром и поликлиникой» «Информированность о заболевании» «Забота, внимание и контроль врача »

<i>Какова лично для Вас мотивация к постоянному лечению после выписки?</i>	«Продолжение жизни!!!»	«Плохое состояние» «Неполноценная жизнь» «Жить надо как в последний день»
<i>Как часто Вы принимаете предписанные Вам препараты?</i>	«Постоянно»	«Когда прижмет»
<i>Какие факторы влияют на регулярность приема препаратов?</i>	«Жить не только долго и спокойно, но и ощущать эту жизнь, радоваться внукам»	«Невнимание, непонимание со стороны врача» «Недостаток информации»

Пациенты фокус-группы № 1 полагают, что болезнь — это либо «судьба», либо «катастрофа». Первое сердечно — сосудистое событие этими пациентами воспринималось как «случайность», и они полностью были уверены, что «здоровы», однако повторная катастрофа заставила их одуматься и осознать серьезность своего заболевания и теперь для них болезнь — это «образ жизни». Информация о заболевании важна для них, но только в том объеме, который позволяет им адекватно реагировать на изменения своего самочувствия и комфортно себя чувствовать (какие таблетки выпить, кому позвонить в экстренной ситуации), больше знать (о сути заболевания, вариантах лечения) они действительно не хотят. Для пациентов этой группы сотрудничество с врачом — это главное в процессе их лечения, но сотрудничество они воспринимают как полное, абсолютное, доверие к врачу, и, соответственно, в процессе принятия медицинского решения они полагаются на мнение врача, как определяющее. Участие в КИ для них — это постоянный контроль, внимание со стороны лечащего врача, поддержание здоровья, «надежда на лучшее», полное доверие не только к врачам, но и к препаратам, которые они назначают (даже плацебо для них — «авось поможет»). Врачи клиники для них — это профессионалы. Но при этом они не отрицают существование определенной внутренней привязанности и симпатии к определенному врачу. В экстренных ситуациях, при отсутствии по каким-либо причинам в данный момент «своего» врача-исследователя они могут обратиться к «такому же» исследователю, а вот постоянное лечение они предпочитают проводить со своим врачом. Большинство пациентов, входящих в состав данной фокус — группы приняли

осознанное решение лечиться на постоянных условиях в рамках КИ в основном по причине нежелания и невозможности получать «такое же» лечение в амбулаторной практике в виду большой загруженности данной службы очередями и малым количеством времени, отведенным на общение с врачом. Пациенты данной группы абсолютно дисциплинированы в отношении не только приема лекарственных препаратов, но и соблюдения режима дня и регулярных плановых обследований по программе КИ («Это не сложно»). Определенные трудности у них вызывает соблюдение диеты, особенно у пациентов с сахарным диабетом. Эти пациенты полностью удовлетворены процессом своего лечения. Постоянное лечение для них — это не только продление и улучшение качества жизни, но и предотвращение осложнений и развития повторных катастроф. Прием лекарственных препаратов несколько не нарушает их жизнь, а только способствует ее продолжению. Пациенты этой группы отмечают высокую роль в процессе лечения своей семьи.

Мнение участников данных бесед о больных, не соблюдающих врачебных предписаний, сводится к тому, что у этих пациентов не настал тот момент в жизни, который смог бы заставить их по другому отнестись к своему заболеванию и осознать его серьезность.

Перед представлением результатов беседы с пациентами фокус-группы № 2 следует отметить, что поведение пациентов данной группы было различным. Первые две группы, которые характеризовались лечащими врачами как пациенты, не регулярно принимающие терапию и негативно настроенные на процесс лечения, негативно были настроены и на беседу. Третья же группа пациентов, характеризовавшаяся врачами, как регулярно принимающая терапию, но в ходе беседы признавшаяся, что лечится нерегулярно, была очень похожа по поведению на группу пациентов, участвующих в КИ.

Для пациентов фокус — группы № 2 болезнь — это «очередной этап в жизни», потеря не только здоровья, но и существенное ограничение профессиональной активности, физических возможностей, ущерб семейному бюджету, неспособность отдыхать как хотелось бы, одним словом, это — «неполноценный образ жизни». Здоровье в их жизни — это «не приоритет», главное — это работа и работоспособность. Нахождение в больнице для них — «потерянные дни». Заболевание заставляет их задуматься о возможной потере работы как основного источника дохода. Они не понимают всю серьезность своего заболевания, воспринимая его как недолгое «обострение». Они полностью уверены, что дальше будет

та же полноценная жизнь, как и раньше и отрицают возможность вообще существования хронических заболеваний. Лечение для них заканчивается при наступлении «хороших результатов» и начинается снова только при ухудшении состояния. Эти пациенты утверждают, что «хотят» как можно больше знать о своем заболевании, чтобы с ним справиться и предотвращать его последствия, но они ничего не делают для этого, не предпринимают попыток для получения такой информации. Свою недисциплинированность они оправдывают нехваткой времени на поддержание здоровья в силу преобладания на первом месте работы и бытовых проблем, забывчивостью, а также отсутствием преемственности между стационарной и поликлинической службой, недостаточным объемом информации, предоставляемым врачами амбулаторного звена, «плохим» качеством оказываемой амбулаторной помощи или ее отсутствием, «невниманием», «незаинтересованностью» и «некомпетентностью» поликлинических врачей. Пациентов данной группы не устраивает, что врачам отведено мало времени на прием («За 7 минут все сделать невозможно»), то есть их не удовлетворяет система организации и работы данной службы. Переход от стационарного звена к поликлиническому для них — «хождение по мукам». И даже при ухудшении состояния, они не идут за оказанием помощи в поликлинику, а вновь госпитализируются в стационар. Пациентам был задан вопрос, почему в другое время они лечатся? Ведь, помимо поликлинических служб, есть консультативные приемы, частные клиники. Почему они не ищут варианты, если «хотят» лечиться? На данный вопрос был получен следующий ответ: «Чтобы обратиться за консультацией, необходимы материальные средства, которые можно получить только работая, а работая уже не хватит времени на здоровье». Так выглядит по их мнению порочный круг и «виноваты» в этом не они сами, а врачи поликлиники. Пациенты первых двух («неблагонадежных») групп остановились именно на этом. Они сняли с себя всю ответственность за происходящее, и категорично, и иногда даже агрессивно, отказывались дискутировать на этот счет, несмотря на все усилия модератора. В ходе беседы с пациентами третьей группы было выявлено, что недисциплинированность является осознанным действием и присутствием таких качеств как лень, беспечность, «наплевабельское», или наоборот, чрезмерно эгоистическое отношение к себе.

Прием лекарственных препаратов вызывает у большей части пациентов страх стать зависимым и приобрести «букет других болячек» — «одно лечишь — другое калечишь». Мотивацией

для продолжения терапии для них является плохое самочувствие и неполноценная жизнь. Данные пациенты утверждают, что хотят сотрудничать с врачом, участвовать в принятии медицинского решения, однако врачи амбулаторного звена «не внушают» им доверия и непонимание их проблем, является для них обидой и, как следствие, отказом от терапии. Они были бы удовлетворены процессом лечения, если бы выполнялись такие условия, как получение достаточного объема информации о своем заболевании, регулярный контроль, внимательное отношение со стороны именно поликлинических врачей. При вопросе «Если бы Вам предложили участие в клинических исследованиях и наблюдали Вас и оказывали достаточно внимания, как Вам бы хотелось», только пациенты третьей группы ответили, что захотели бы лечиться в этих рамках.

Разговор в обеих группах самими пациентами все время сводился к осознанному выполнению врачебных рекомендаций, т. е. сознательному продолжению этими пациентами длительной терапии. Высокая степень регулярности терапии в первой группе (т. е. низкая частота пропусков приема препаратов) автоматически вытекала из осознанного желания пациента лечиться. Во второй группе, не продолжающей лечение после выписки из стационара, вопрос о регулярности терапии соответственно не обсуждался.

Обсуждение

При длительном хроническом заболевании переживания своей болезни больным подвержены определенной динамике [5], что четко проявилось в наших беседах. У пациентов обеих групп четко прослеживается последовательная смена четко описанных этапов [5] по отношению к своей болезни: предмедицинская фаза, фаза ломки жизненного стереотипа, фаза адаптации к болезни, фаза «капитуляции», фаза формирования компенсаторных механизмов приспособления к жизни. Только пациенты фокус-группы №1 полностью «пережили» данные этапы, а пациенты фокус-группы №2 находятся на пограничном этапе между фазой ломки жизненного стереотипа и фазой «капитуляции». У пациентов первой группы присутствует дружелюбная и спокойная реакция на болезнь, они безгранично доверяют врачу, выполняя все рекомендации, и признательны ему за помощь. Они больше соответствуют гармоничному, реалистичному типу по отношению к болезни, они стремятся во всем содействовать успеху лечения. У пациентов группы №2 прослеживается негативная и разрушительная реакция, они либо не придают серьезности указаниям и советам врача, либо просто их игнорируют, что в свою очередь является неблагоприятным

последствием для них в дальнейшем. Пациенты данной группы, скорее всего, стоят на грани между эргопатическим и анозогностическим типом, они хотят сохранить свою работоспособность и активно отбрасывают мысли о своем заболевании.

В сознании всех пациентов присутствует патерналистическая модель общения с врачами, то есть врач — это главное лицо в лечебном процессе, это лицо, которое берет на себя ответственность за все. Доверие к врачу возводится в «абсолют», пациенты согласны делать все, что скажет им их лечащий врач. Но данная модель по-разному реализуется в исследованных группах. Пациентов первой группы это приводит к полному доверию к врачу и соблюдению всех рекомендаций, а для пациентов второй группы неполучение адекватной помощи в поликлинике является «обидой» на недооценку их доверия и мотивацией для отказа от лечения в дальнейшем.

Пациентами обеих групп ярко подчеркивается недостаток времени у поликлинических врачей на общение с ними. Конечно, претензии пациентов к врачам и к системе здравоохранения могут быть оправданы перегруженной работой поликлиники, нехваткой персонала, «бумажной работой», отсутствием порой необходимого оборудования, но они приводят к крайне негативным и клиническим и экономическим проблемам.

Имеются определенные личностные особенности, касающиеся коммуникативных особенностей опрошенных групп пациентов. Пациенты, участвующие в КИ интеллигентные, достаточно доброжелательно настроенные люди с достаточно высокими коммуникативными особенностями. Первые две группы фокус-группы № 2 являются «неблагонадежными» и отличаются наличием собственных внутренних установок, изначально негативно настроены на лечение. Пациенты же третьей группы по своим личностным особенностям напоминают группу пациентов, участвующих в КИ. Они осознают, что причина нерегулярного лечения в них самих, просто они еще не встретили на своем жизненном пути того врача, под четким руководством которого они выразят желание лечиться на постоянной основе и даже в рамках КИ.

Возможно, одним из факторов, который повлиял на результат исследования, является отбор пациентов 2-й группы их лечащими врачами. Можно предположить, что врачи интуитивно, поделили пациентов на две группы: менее и более симпатичных, и это «деление» можно рассматривать как «интуитивный прогностический фактор» в отношении приверженности к лечению. С другой стороны,

«предубеждение врача» в отношении пациента может влиять на негативное поведение пациентов в дальнейшем.

Заключение

В исследуемых группах пациентов ярко выражена патерналистическая модель общения врач-пациент. Пациентов первой группы это приводит к полному доверию к врачу и соблюдению всех рекомендаций, а для пациентов второй группы неполучение адекватной помощи в поликлинике является «обидой» на недооценку их доверия и мотивацией для отказа от лечения в дальнейшем. Улучшение самочувствия является важным фактором, и заставляет пациентов первой группы следовать указаниям врача, а второй наоборот, прекращать терапию. Очень многое зависит от врача, его умения и желания правильно объяснить пациенту процесс лечения, расставить акценты и суметь достичь доверительных отношений с больным.

Список литературы:

1. Богомолова Н.Н., Мельникова О.Т., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как качественный метод в прикладных социально-психологических исследованиях. // Введение в практическую социальную психологию./ Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М., 1994. С. 193—196.
2. Болучевская В.В., Павлюкова А.И. Общение врача: создание положительных взаимоотношений и взаимопонимания с пациентом. (Лекция 4). [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 4. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 14.11.2012 г).
3. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / Пер. с англ. Т.Н. Федоровской под ред. С.А. Белановского. — М., 1991.
4. Наумова Е.А. Контролируемое исследование влияния стандартизированных наглядных мотивирующих рекомендаций на приверженность к лечению кардиологических пациентов / Шварц Ю.Г., Наумова Е.А., Тарасенко Е.В.// Клиническая фармакология и терапия. —2007. — № 4. — С. 9—12.
5. Сидоров, П.И. Клиническая психология: учебник для вузов / П.И. Сидоров, А.В. Парняков. — 3-е изд., испр. и доп. — М., ГЭОТАР-Медиа, 2008. — 880 с.
6. Barber, N. Should we consider non-compliance a medical error? / N. Barber // Qual Saf Health Care. — 2002. — № 11. — P. 81—84.
7. Merton R., Fiske M., Candall P. The focused interview. Glen-coe, 1956.

**КЛИНИКО-ПАТОГЕНЕТИЧЕСКОЕ
ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ВОДОРАСТВОРИМЫХ ФОРМ КВЕРЦЕТИНА
В КОМПЛЕКСНОМ ЛЕЧЕНИИ БОЛЬНЫХ
ОТЕЧНОЙ ФОРМОЙ ОСТРОГО ПАНКРЕАТИТА**

Шидловский Виктор Александрович

*д-р мед. наук, профессор кафедры общей и оперативной хирургии
и топографической анатомии Тернопольского государственного
медицинского университета им. И.Я. Горбачевского,
Тернополь, Украина*

Чорномидз Андрей Васильевич

*врач-хирург Тернопольской городской больницы скорой помощи,
соискатель кафедры общей и оперативной хирургии
и топографической анатомии Тернопольского государственного
медицинского университета им. И.Я. Горбачевского,
Тернополь, Украина.*

E-mail: chornomydz@mail.ru

**CLINICAL AND PATHOGENETIC REASON FOR A
WATER-SOLUBLE FORM QUERCETIN IN COMPLEX
TREATMENT OF PATIENTS WITH EDEMATOUS FORM
OF ACUTE PANCREATITIS**

Viktor Shidlovsky

*MD, Professor
of General and Operative Surgery with the topographic anatomy
of Ternopil State Medical University,
Ternopil, Ukraine*

Andriy Chornomydz

*Surgeon of Ternopil emergency hospital, the competitor of General and
Operative Surgery with the topographic anatomy
of Ternopil State Medical University,
Ternopil, Ukraine*

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучить возможность использования водорастворимой формы кверцетина в лечении больных отечной формой острого панкреатита.

Метод. Проводилось определение уровня метаболитов оксида азота, эндотелина-1 в крови и количества циркулирующих эндотелиоцитов в динамике заболевания.

Результат. Выявлено положительное влияние на клиническое течение заболевания и показатели дисфункции эндотелия включения в схему лечения острого панкреатита водорастворимой формы кверцетина. Установлено протекторное влияние препарата на риск развития хронических форм панкреатита.

Вывод. Рекомендовано применение препарата кверцетин в лечении острого панкреатита.

ABSTRACT

Target. Explore the use of a water-soluble form of quercetin in the treatment of edematous form of acute pancreatitis. **Method.** We measured blood levels of nitric oxide, endothelin-1 and the number of circulating endothelial cells in the disease. **Result.** Revealed the positive effect the inclusion in the scheme of treatment of acute pancreatitis, a water-soluble form of quercetin on the clinical course of disease and indicators of endothelial dysfunction. Found a protective effect of the drug on the risk of chronic pancreatitis. **Output.** Recommended the use of the quercetin in the treatment of acute pancreatitis

Ключевые слова: острый панкреатит; эндотелиальная дисфункция; кверцетин.

Keywords: acute pancreatitis; endothelial dysfunction; quercetin.

Введение. В современной абдоминальной хирургии проблема острого панкреатита является одной из актуальных и сложных [3, 5, 6, 24]. В последнее время в структуре острой хирургической патологии острый панкреатит выходит на второе место после острого аппендицита [14]. За прошедшие три десятилетия наблюдается значительное увеличение заболеваемости острым панкреатитом, достигая в некоторых регионах 12,4 на 10000 человек в год [14]. Смертность от данной патологии остается высокой [5, 6, 24]. Среди причин высокой летальности ведущее место занимает поздняя диагностика деструктивных форм острого панкреатита, недостаточная эффективность лечения на ранних сроках заболевания и отсутствие

комплексного подхода к патогенетической терапии через неопределенность отдельных звеньев развития патологического процесса [9, 15].

Сегодня особое внимание уделяется роли эндотелиальной дисфункции в развитии воспалительных процессов [4, 16, 22]. Под эндотелиальной дисфункцией понимают дисбаланс между различными системами эндотелиальных медиаторов, который проявляется отсутствием адекватной реакции сосудистой стенки в ответ на раздражители и регуляторные воздействия [4, 7].

Основным звеном дисфункции эндотелия является нарушение синтеза эндотелиальных факторов в ответ на повреждение эндотелиоцитов различными токсическими факторами (МСМ, цитокины, продукты ПОЛ, токсины бактерий и др.) [22]. Среди важнейших эндотелиальных факторов, дисбаланс которых приводит к дисфункции эндотелия, оксид азота и эндотелин [7].

На сегодняшний день известно о положительном влиянии на функциональное состояние эндотелия препаратов различных фармакологических групп [16].

По данным литературы, для коррекции нарушений функционального состояния эндотелия используют препарат кверцетин [1, 2]. Он является агликоном многих растительных флавоноидных гликозидов и обладает мощным антиоксидантным, противовоспалительным, антигистаминным, мембраностабилизирующим, иммуномодулирующим действием [1, 2]. Препарат способен блокировать 5-липооксигеназу, предупреждать синтез лейкотриенов, ингибировать фосфолипазу А₂, АТФ-азы, НАДН-оксидазы [2, 20]. Кверцетин снижает активность индуцируемой NO-синтазы путем инактивации трансдуктора активации транскрипции (STAT-1) и ядерного фактора (NF-κB), тормозит избыточное образование оксида азота при острых воспалительных заболеваниях и повышает активность eNOS в эндотелиоцитах, подавляет апоптоз эндотелиоцитов [2, 17, 19, 23]. Препарат снижает активность полиморфоядерных нейтрофилов и макрофагов, снижает синтез провоспалительных цитокинов [1, 10].

Цель работы. Изучить возможность использования водорастворимой формы кверцетина для лечения больных отечной формой острого панкреатита.

Материалы и методы. В основу клинического исследования положен анализ комплексного обследования 64 больных отечной формой острого панкреатита. Средний возраст обследованных 48,6 ± 13,8 лет. Среди них 40 (62,5 %) мужчин и 24 (37,5 %) женщины. Все обследованные были разделены на две равные группы. Первую группу (контрольную) составили 32 больных панкреатитом, у которых

лечение проводилось в соответствии с утвержденными протоколами оказания медицинской помощи. Во второй (основной) группе 32 обследованных дополнительно получали препарат «Корвитин» (Борщаговский ХФЗ, Украина) (№ UA/0119/01/01 от 27.11.2008 до 27.11.2013) в виде внутривенных инфузий в дозе 0,5 г препарата, растворенного в 50 мл изотонического раствора натрия хлорида. В первые 3 суток препарат вводили дважды в сутки с интервалом 12 часов, а с 4 до 7 суток — один раз в день.

Степень повреждения эндотелия оценивалась по количеству десквамированных эндотелиальных клеток по методу J. Hladovec et al. в модификации Сивак В.В., Тимофеевой Н.В. и др. [12].

Как маркеры нарушения функционального состояния сосудистой стенки были исследованы уровни стабильных метаболитов оксида азота (нитратов и нитритов) за КМ Miranda et al. [21] в модификации Метельской В.А., Гумановой Н.Г. [8] и уровень в крови эндотелина-1 иммуноферментным методом с использованием набора реактивов "Amercham pharmacia biotech", Великобритания. Для определения соотношения между вазоконстрикторами и вазодилататорами рассчитывался коэффициент вазомоторной дисфункции [13] $KBMД = ET / NOx$, где KBMД — коэффициент вазомоторной дисфункции; ET — уровень эндотелина-1; NOx — суммарный уровень нитратов и нитритов в плазме крови.

Для определения нормальных показателей маркеров эндотелиальной дисфункции обследовано 34 практически здоровых лиц.

Контрольную и основную группы обследованных составили больные, у которых длительность заболевания не превышала 24 часа до поступления в стационар. Обследование проводилось при поступлении в стационар, на третий день лечения и при выписке.

Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась с помощью статистических функций программ "Microsoft Office Excel 2007" и "STATISTICA 8.0" на персональном компьютере, с использованием параметрических и непараметрических методов статистической обработки. Вычислялась арифметическая величина M , средняя ошибка средней арифметической m , вероятность разности двух средних арифметических p . Для оценки зависимости использовались показатели множественного регрессионного анализа. Критический уровень значимости при проверке статистических гипотез в данном исследовании принимался равным 0,05.

Результаты исследований и их обсуждение. В первые сутки заболевания клиническая картина в обеих группах обследованных практически не различалась. В контрольной группе клинические

проявления заболевания удерживались в течение 3—4 суток. Нередко болевой синдром беспокоил больных в течение 5—6 суток.

У больных основной группы с первых суток заболевания отмечалось снижение диспепсического, болевого и интоксикационного синдромов. Тошнота, метеоризм и признаки интоксикации исчезали на 2—3 сутки лечения, боль в животе беспокоила в течение 4—5 суток. Гемодинамические нарушения в виде гипотонии или гипертензии, выраженной тахикардии или брадикардии, аритмии отмечались у 65 % больных контрольной группы, и у 37 % — в основной группе. Средняя продолжительность пребывания больных в стационаре в первой группе составила $8,8 \pm 2,1$ койко-дней. При использовании в комплексном лечении препарата кверцетин больные находились в стационаре $7,5 \pm 1,1$ койко-дней.

При проведении ультразвукового обследования на время выписки у 60 % больных из первой группы все же оставались патологические изменения в поджелудочной железе (рис. 1).

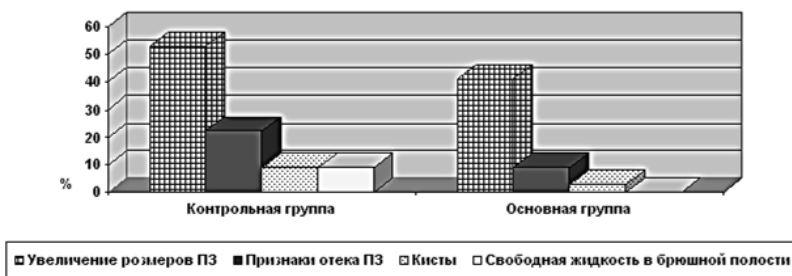


Рисунок 1. Ультразвуковая картина органов брюшной полости у больных острым панкреатитом в день выписки

У больных контрольной группы такие же патологические изменения обнаружены в 47 % случаев. У остальных больных имелась УЗД-картина выраженного уменьшения отека поджелудочной железы и отсутствие других патологических изменений, связанных с острым панкреатитом.

Проведенные исследования маркеров эндотелиальной дисфункции показали, что у больных отечной формой панкреатита в первые сутки заболевания резко возрастает уровень метаболитов оксида азота (Табл. 1). Это свидетельствует об активации индуцированной формы синтазы оксида азота эндотелиального и иммуноцитарного происхождения, то есть речи идет о компенсаторном выбросе оксида азота для увеличения кровоснабжения в участках поражения.

На третьи сутки лечения в первой группе больных уровень NOx несколько снижается ($p > 0,05$), тогда как снижение уровня метаболитов оксида азота во второй группе является достоверным ($p < 0,05$). Постепенное снижение гиперпродукции оксида азота свидетельствует о снижении активности воспалительного процесса в поджелудочной железе на фоне лечения, о росте компенсаторных механизмов и снижении в процессе лечения токсического влияния на эндотелий.

Таблица 1.

Уровень маркеров эндотелиальной дисфункции в процессе лечения больных отеочной форме острого панкреатита

Группы больных	NOx, мкмоль/л		Эндотелин, пг/мл		NO/ET		Циркулирующие эндотелиоциты, $\times 10^4$ /мл	
	1 сутки	3 сутки	1 сутки	3 сутки	1 сутки	3 сутки	1 сутки	3 сутки
I группа (n=32)	41,29 \pm 2,47*	38,03 \pm 1,89*	8,47 \pm 0,62*	7,03 \pm 0,53*#	0,21 \pm 0,02*	0,18 \pm 0,02	10,16 \pm 1,38*	9,09 \pm 1,24*
II группа (n=32)	41,13 \pm 2,76*	37,48 \pm 2,27*#	8,53 \pm 0,45*	5,67 \pm 0,54*# ^o	0,21 \pm 0,01*	0,15 \pm 0,01# ^o	10,72 \pm 2,02*	9,34 \pm 1,43*
Здоровые лица (n=34)	25,78 \pm 1,81		4,34 \pm 0,47		0,17 \pm 0,02		4,81 \pm 0,85	

*Примечания: 1. * — Достоверность по сравнению с показателями здоровых лиц $P < 0,05$; 2. # — достоверность между показателями на 1 и 3 сутки заболевания $P < 0,05$; 3. ^o — достоверность между показателями групп обследованных $P < 0,05$.*

Уровень эндотелина-1, как антагониста оксида азота, в начале заболевания был повышенным. Выделение эндотелина-1 обусловлено повреждением эндотелиальных клеток и гипоксическим поражением тканей, а также ростом уровня вазодилататоров (NO) для обеспечения регуляторного равновесия.

Заметное влияние препарата кверцетин наблюдается на третий день лечения и проявляется снижением уровня эндотелина-1. В начале заболевания коэффициент вазомоторного дисбаланса смещался в сторону преобладания вазоконстрикторного влияния. Это приводит к ухудшению кровоснабжения тканей в области воспаления. На третьи

сутки у больных контрольной группы дисбаланса эндотелиальных медиаторов не обнаружено, а в основной группе отмечается смещение коэффициента вазомоторного дисбаланса в сторону вазодилатации.

Не менее важным показателем для оценки состояния эндотелия сосудов, в частности его повреждения, является определение количества в крови циркулирующих эндотелиальных клеток. При отечной форме острого панкреатита в начале заболевания отмечается рост количества ЦЭК более чем в 2 раза по сравнению с группой здоровых лиц. На третьи сутки этот показатель практически не менялся в обеих группах ($p > 0,05$).

При выписке больных, получавших стандартное лечение, уровни метаболитов оксида азота и эндотелина-1 были снижены, хотя и были достоверно выше ($p < 0,05$) показателей группы здоровых лиц (Табл. 2). Постепенное снижение гиперпродукции оксида азота свидетельствует об угасании воспалительного процесса в поджелудочной железе на фоне лечения, росте компенсаторных механизмов и снижении токсического влияния медиаторов воспаления на эндотелий. Высокий уровень эндотелина-1 при выписке из стационара может быть маркером хронизации воспалительного процесса [11] в поджелудочной железе. Дисбаланса медиаторов в первой группе обследованных не обнаружено. В основной группе больных показатели NOx и эндотелина-1 достоверно не отличались от группы здоровых лиц ($p < 0,05$). Коэффициент вазомоторного дисбаланса в этой группе имел тенденцию к снижению, что свидетельствует об усилении кровоснабжения внутренних органов, благоприятном течении заболевания и восстановлении функций поджелудочной железы.

Таблица 2.

Уровень маркеров эндотелиальной дисфункции при выписке из стационара больных с отечной формой острого панкреатита

Группы больных	NOx, мкмоль/л	Эндотелин, пг/мл	NO/ET	Циркулирующие эндотелиоциты, $\times 10^4$ /мл
I группа (n=32)	29,78±2,92* °	5,39±0,56* °	0,17±0,03	6,47±0,96* °
II группа (n=32)	27,74±1,59 °	4,51±0,28 °	0,16±0,01	5,06±0,89 °
Здоровые лица (n=34)	25,78±1,81	4,34±0,47	0,17±0,02	4,81±0,85

Примечания: 1. * — Достоверность по сравнению с показателями здоровых лиц $P < 0,05$; 2. ° — достоверность между показателями групп обследованных $P < 0,05$.

Уровень циркулирующих эндотелиоцитов в крови при выписке больных из стационара в обеих группах снижался, однако в большей мере у больных, получавших кверцетин. В этих случаях показатели достоверно не отличались от значений группы здоровых лиц. Снижение уровня циркулирующих эндотелиоцитов свидетельствует о восстановлении структуры эндотелиального слоя сосудистой стенки.

Расчет корреляционных связей показал тесную прямую зависимость количества циркулирующих эндотелиальных клеток от уровня эндотелина ($R=0,82$) и слабую прямую зависимость от уровня метаболитов оксида азота ($R=0,58$). Это связано с большей специфичностью синтеза эндотелина с эндотелиоцитами и выделением его в ответ на повреждение. Синтез оксида азота не является эндотелийспецифичным, и его уровень в меньшей степени зависит от разрушения эндотелиоцитов.

Выводы.

1. У больных острым панкреатитом отмечается повышение в крови уровня циркулирующих эндотелиоцитов, метаболитов NO и эндотелина-1, что указывает на повреждение эндотелия и развитие эндотелиальной дисфункции. Установлено смещение баланса эндотелиальных медиаторов в сторону преобладания вазоконстрикторов.

2. Включение в схему лечения острого панкреатита препарата водорастворимой формы кверцетина способствует быстрой регрессии клинических проявлений заболевания, позволяет уменьшить длительность пребывания больных в стационаре и снижает частоту развития гемодинамических нарушений.

3. Кверцетин позволяет улучшить показатели эндотелиальной дисфункции уже на третьи сутки лечения, а при выписке больных из стационара эти показатели достоверно не отличались от группы здоровых лиц.

4. Применение водорастворимой формы кверцетина позволяет снизить риск развития хронических форм панкреатита.

Список литературы:

1. Ватутін М.Т., Гончаренко Т.С., Складна О.В., Закхама С. Флавоноїд кверцетин: фармакологічні властивості та клінічне використання // Ліки. — 2005. — № 3—4. — С. 19—27.
2. Ковалев В.Б., Ковган В.В., Колчина Е.Ю. Механизмы лечебного действия биофлавоноида кверцетина (обзор литературы) // Укр. мед. альманах. — 1999. — Т. 2, № 4. — С. 176—184.
3. Коновалов Е.П. Этиология и патогенез острого панкреатита (Обзор литературы) // Анналы хирургической гепатологии. 2000. — Т. 5, № 2. — С. 48—53.

4. Корж А.Н. Современные представления о структуре, функции и биологической роли сосудистого эндотелия // *Международ. мед. ж.* — 2003. — № 1. — С. 130—133.
5. Люлько И.В., Косульников С.О., Горбач Д.В. Панкреатит — аспекты хирургического лечения [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://medinfo.dp.ua/_images/stat_196_0.jpg.
6. Мальцева Л.А., Усенко Л.В., Люлько И.В., Мосенцев Н.В., Волков А.О., Абу Аль Руб Бахаа Эль Дин., Мосенцев Н.Н. Острые панкреатиты: эпидемиология, патогенез, диагностика, организация лечения, интенсивная терапия. — К.: Четверта хвиля, 2005. — 256 с.
7. Марков Х.М. Молекулярные механизмы дисфункции сосудистого эндотелия // *Кардиология.* — 2005. — № 12. — С. 62—72.
8. Метельская В.А., Гуманова Н.Г. Скрининг-метод определения уровня метаболитов оксида азота в сыворотке крови. // *Клин. лаб. диагн.* — 2005. — № 6. — С. 15—18.
9. Неверов П.С., Кондратенко Г.Г., Кипель В.С. Теоретическое обоснование и исследование возможностей совершенствования патогенетического лечения острого панкреатита [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bsmu.by/index.php>.
10. Никитюк Г.П., Бідюк М.М. Вплив кверцетину на фагоцитарну активність нейтрофільних гранулоцитів при експериментальній імунокомплексній патології // *Клін. та експеримент. патологія.* — 2003. — Т. 2. № 1. — С. 47—50.
11. Патарая С.А., Преображенский А.В., Сидоренко Б.А. Биохимия и физиология семейства эндотелинов // *Кардиология.* — 2000. — № 6. — С. 76—79.
12. Патент 25012 U, Україна. Спосіб визначення вільноцируючих ендотеліальних клітин у крові / В.В. Сівак, Н.В. Тимофієва, О.Б. Донник та ін. — № 200702080; Заявл. 27.02.07.; Опубл. 25.07.07., Бюл. 6.
13. Патент России № 2209587, МПКб А61В5/02. Способ комплексной оценки вазомоторной функции сосудистого эндотелия./ Б.И. Гельцер, В.Н. Котельников, С.В. Савченко, И.В. Плотнокова; заявлено 13.06.2001 г. № 2001116265, зарегистрировано 10.11.2003 г.
14. Стандарти надання медичної допомоги хворим з невідкладними хірургічними захворюваннями органів черевної порожнини: Наказ МОЗ України № 297 від 02.04.2010 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.surgery_2_fipo.dsmu.edu.ua/.
15. Хомерики Н.М., Хомерики С.Г. Патогенетически обоснованные подходы к лечению панкреатитов // *Фарматека.* — 2007. — № 13(147). — С. 74—78.
16. Anderson T.J. Assessment and treatment of endothelial dysfunction in humans // *J. Am. Coll. Cardiol.* — 1999. — Vol. 34. — P. 631—638.

17. Chiesi M., Schwaller R. Inhibition of constitutive endothelial NO-synthase activity by tannin and quercetin // *Biochem Pharmacol.* — 1995. — Vol. 49, N 4. — P. 495—501.
18. Fezzandiz M.L., Alcazaz M.Y. Antiinflammatory activity and inhibition of arachidonic acid methabolism of flavonoids // *Agents and Actions.* — 1991. — Vol. 32, № 3—4. — P. 283—289.
19. López-López G., Moreno L., Cogolludo A. [et al.] Nitric Oxide (NO) scavenging and NO protecting effects of quercetin and their biological significance in vascular smooth muscle // *Mol Pharmacol.* — 2004. — Vol. 65. — P. 851—859.
20. Manuel S., Milagros G., Rocio V. [et al.] Quercetin downregulates NADPH oxidase, increases eNOS activity and prevents endothelial dysfunction in spontaneously hypertensive rats // *Journal of hypertension.* — 2006 — Vol. 24, № 1. — P. 75—84.
21. Miranda K.M., Espey M.G., and Wink D.A. A rapid, simple spectrophotometric method for simultaneous detection of nitrate and nitrite // *Biology and Chemistry.* — 2001. — Vol. 5, No. 1. — pp. 62—71.
22. Nagy J., Csiky B., Kovacs T., Wittmann I. Endothelial dysfunction // *Orv. Hetil.* — 2001. — Vol. 142(31). — P. 1667—1672.
23. Raso G.M., Muli R., Garlo G. Inhibition of iNOS and COX-2 expression by flavonoids in macrophage J774A.1 // *Life Sci.* — 2001. — Vol. 68(9). — P. 921—931.
24. Takeda K, Takada T, Kawarada Y. JPN Guidelines for the management of acute pancreatitis: medical management of acute pancreatitis // *J Hepatobiliary Pancreat Surg.* 2006. № 13(1). P. 42—47.
25. van Acker S.A.B.E., Tromp M.N.J.L., Haenen G.R.M.M. [et al.] Flavonoids as scavengers of nitric oxide // *Bioch. and Biophys. Res. Commun.* — 1995. — Vol. 214. — P. 755—759.

«ИННОВАЦИИ В НАУКЕ»

Часть II

Материалы XIV международной заочной научно-практической
конференции

19 ноября 2012 г.

Подписано в печать 27.11.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3